

СЕМЬЯ И ШКОЛА

12/1970

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

12

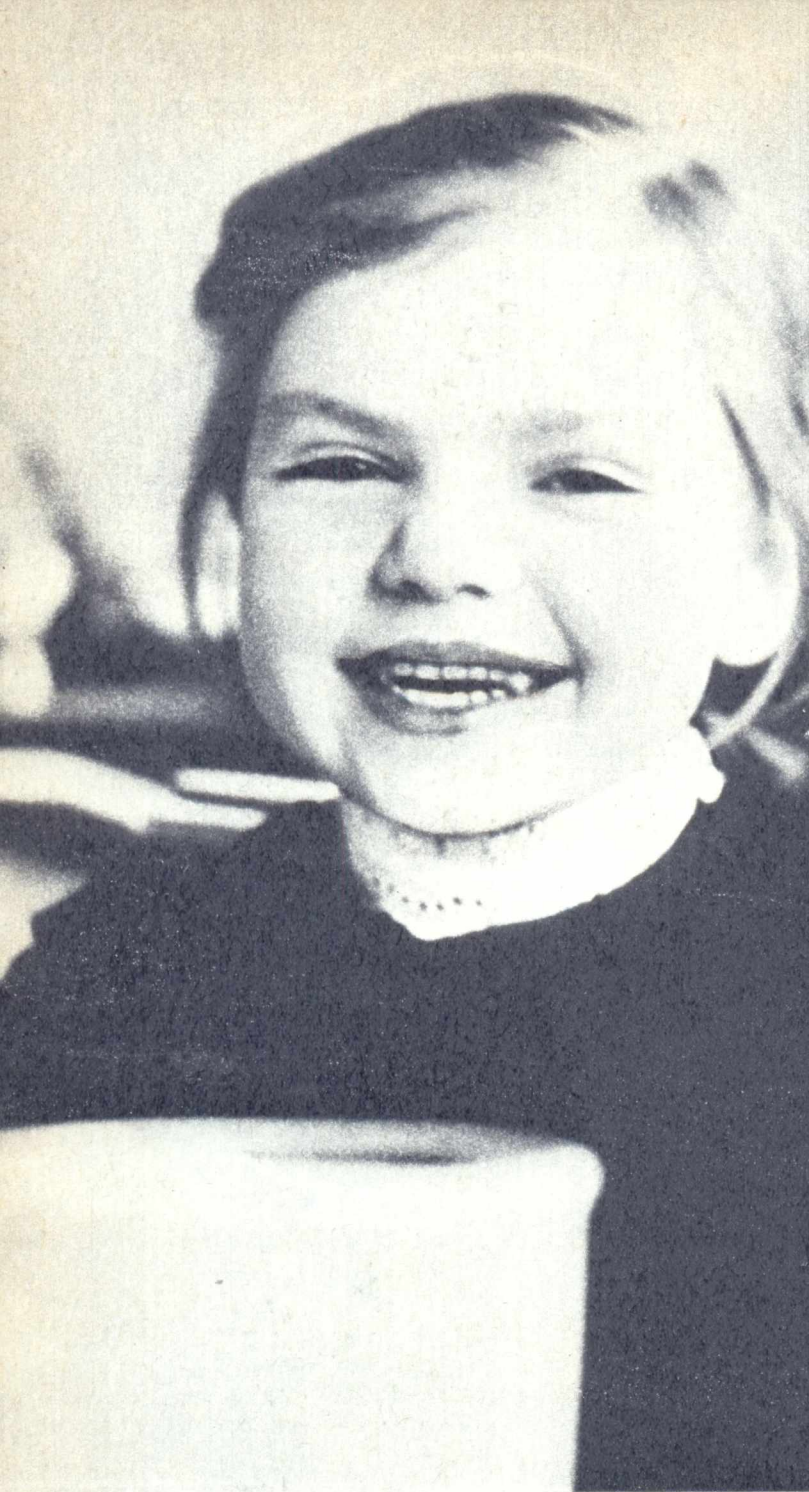
Режим:

всему свой час.

*Естественный ритм
труда и отдыха —
против усталости*

Вкусно! Как дома...

Такую большую семью без помощников не накормишь!

*Репортаж
о школьном
буфете
и его хозяйке
Валентине
Михайловне
Чупрыгиной
читайте
на 16-й странице*

В марте 1971 года
состоится очередной,
XXIV съезд КПСС.
Он утвердит
основные направления
и показатели
нового пятилетнего плана
развития
народного хозяйства СССР
на 1971—1975 годы.
Партия
неустанно заботится
о подъеме
жизненного уровня
советских людей,
улучшении условий
их труда и быта.
Вот цифра,
имеющая отношение
к нашим семейным заботам.
За прошедшую пятилетку
число ребят,
посещающих детские сады,
возросло
на четыре с половиной
миллиона.

содержание	
основной закон школы	2
л. ковалева ● „ты не понимаешь!“	4
<i>впервые по новым программам — второй класс</i>	
и. гаркунова ● самостоятельно!	7
е. мишарева ● умножаем. делим. решаем задачи	9
а. лезшин ● трудный перевал отрочества	12
з. малых ● рычажок	14
л. кнорин ● педагогические страницы „горьковского рабочего“	15
м. ялидина ● приятного аппетита!	16
письма. ответы. комментарии	18
<i>из педагогического наследия</i>	
н. х. vessель ● об основных положениях педагогики	20
консультации „семья и школы“	26
<i>что за правилом?</i>	
с. файнберг ● слово: смысл и тон	28
т. яппо ● естественный ритм жизни	30
д. мендельс ● обычные страхи детства	32
г. савченко ● на огонек к дядюшке пзатеру	34
<i>природа</i>	
п. васильев ● лес	36
п. смолин ● в декабре	39
<i>из родительских дневников</i>	
в. алфеева ● мальчик и музыка	40
<i>книги</i>	
л. иванова ● свободная вакансия	43
л. гордин ● и в шутку, и всерьез	45
л. абрамов ● когда уроки сделаны...	46
г. антипова ● для читателя завтрашнего...	46
а. лукьянов ● торопитесь отгадывать!	47
я. сатуновский ● смешное слово	47
в. калугин ● наследие древней руси	48
недавно выпущено...	48
<i>кино</i>	
л. аннинский ● без сантиментов	48
<i>музыка</i>	
в. зайцева ● лудвиг ван бетховен	52
в. чуднов ● о тишине и о детях	54
с. глязер ● на лыжах и санях	56
в. шатченн ● в чулке у камина	58
<i>рецензии на игры и игрушки</i>	
л. эйдельс ● „икар-7Е“ — заводная мышка	59
вот какие тележки	59
раз, два — и в дамки!	60
что напечатано в „семье и школе“ в 1970 году	61
<i>история одной картины</i>	
в. алексеев ● жил в россии художник	64
На второй странице вкладки фото Б. Романова. На четвертой странице вкладки и третьей стра- нице обложки фото О. Маркина, Б. Романова, С. Юферова.	
<p>семья и школа ежемесячный журнал для родителей Академии педагогических наук СССР декабрь 1970 года № 12 25-й год издания</p>	

ОСНОВНОЙ ЗАКОН ШКОЛЫ

— Михаил Иванович, наших читателей интересует: чем вызвана необходимость нового Устава школы?

Школьные уставы занимают видное место в истории нашей школы, обозначая определенные этапы ее развития. Нынешний этап связан с происходящей научно-технической революцией, резко повышающей роль науки, образования во всех областях коммунистического строительства. Как вы знаете, требованиями современности был продиктован переход на новое содержание школьного обучения. Необходимо и организационно привести школу в соответствие с сегодняшними ее задачами. Этому и служит новый Устав. Он формулирует общие положения, на которых строится жизнь школы, раскрывает основы организации учебно-воспитательной работы. Он определяет роль и задачи учителя, классного руководителя, воспитателя, школьной администрации, говорит о правах и обязанностях учащихся. В нем идет речь и об учебно-материальной базе школы, ее финансировании и отчетности.

Забота о школе у нас — дело всенародное, и ни одно важное событие в ее жизни не может проходить мимо родителей и общественности. Задачи обучения и воспитания, записанные в Уставе, — это совместные задачи школы и семьи, и необходимо, чтобы их ясно представляли не одни педагоги, но и каждый отец, каждая мать. Им важно также знать о правах и обязанностях учащихся, чтобы помочь своим детям правильно усвоить их. Приказ министра просвещения СССР М. А. Прокофьева «Об Уставе средней общеобразовательной школы» предлагает, наряду с другими мероприятиями, «провести широкую разъяснительную работу по основным положениям Устава среди родителей учащихся и широкой общественности».

— Мы хотим получить разъяснение по ряду вопросов, которые задают родители. Первый из них — как понимать следующее положение Устава: «Средняя общеобразовательная школа в СССР является единой, трудовой, политехнической школой?»

Тут каждое слово весомо. «Общеобразовательная» — означает, что школа обеспечивает своим питомцам полноценное общее образование. И это тем более важно подчеркнуть, что его роль в подготовке молодого поколения к жизни с каждым годом все более возрастает. «Единая» — говорит о том, что и цели воспитания, и содержание и объем образования, и права, предоставляемые выпускнику, едины для всех школ страны. Но единая не значит одинаковая. Индивидуальные потребности и особенности детей учитывают различные типы школ: обычная массовая; с производственным обучением; с углубленным изучением отдельных предметов; с продленным днем; школы-интернаты; вечерние (сменные) и заочные — для работающей молодежи; школы для обучения детей с физическими и умственными недостатками; санаторные; специальные. «Трудовая» — обязывает школу вооружать детей разносторонними практическими навыками, воспитывать любовь к труду, умение и готовность своей работой служить людям и умножать общественное богатство. Наконец, «политехническая» — эту сторону нередко толкуют ошибочно,

отождествляя ее с «трудовой». А суть тут в глубоком внутреннем единстве широкого образования, технического развития и трудовой подготовки, диктуемой нуждами современного производства.

— В новом Уставе цифровые отметки по поведению заменены словесными: «примерное», «удовлетворительное» и «неудовлетворительное». Чем вызвана такая замена?

Мы обсуждали с учителями это нововведение, и большинство высказалось за него. Дело в том, что цифровые отметки не способны правильно оценить поведение ученика. Когда речь идет о знаниях, все ясно: пятерка — отличные знания, четверка — хорошие, тройка — удовлетворительные, двойка — неудовлетворительные. С поведением совсем иная картина. Почти всем ученикам приходилось ставить пятерку по поведению, так как других положительных отметок не существовало. Четверка указывала на существенные недочеты в дисциплине, а о тройке и говорить нечего — она прямо грозила исключением из школы.

Новые оценки выгодно отличаются от прежних. Положительных оценок не одна, а две: поведение «удовлетворительное» и «примерное». Это позволяет более точно оценить нормальное поведение массы учащихся и в то же время выделять наиболее активных, сознательных и дисциплинированных учеников, кто действительно может быть примером для других. В Уставе есть еще немаловажное дополнение. «При оценке поведения учащихся IV—X (XI) классов учитывается мнение учителей, преподающих в данных классах, и общественных организаций школы». Это усиливает объективность оценки и вместе с тем поднимает ее воспитательное значение — ведь она будет отражать и мнение детского коллектива.

— В прошлые годы редакция получала немало жалоб от родителей: ребенка не принимают в школу только потому, что к 1 сентября ему еще не исполнилось 7 лет. А не хватает порой лишь недели или даже нескольких дней. Как этот вопрос решается в новом Уставе?

Такие жалобы поступали и к нам. Но теперь пожелания родителей учтены, и в 22-м параграфе Устава записано: «В первый класс школы принимаются дети, которым до 1 сентября или в сентябре текущего года исполняется 7 лет». Таким образом, в школу будут приниматься и те дети, которым хотя еще нет семи, но исполнится в течение первого месяца учения.

— Между родителями и школой иногда возникают разногласия по поводу привлечения детей к самообслуживанию и другим видам общественно полезного труда. Содействует ли новый Устав лучшему взаимопониманию в этом вопросе?

Безусловно. Вообще говоря, родители охотно поддерживают участие детей в общественно полезной работе, организуют школой, в том числе и в самообслуживании. Правда, встречаются отдельные папы и мамы, которые считают, что трудиться ребенок должен только в семье и для семьи. Или вообще может физически не работать, так как его основное дело — учение. Тут приходится убеждать самих взрослых в огромной воспита-

Опубликован новый «Устав средней общеобразовательной школы», одобренный Советом Министров СССР. Корреспондент журнала «Семья и школа» попросил заместителя министра просвещения СССР М. И. Кондакова прокомментировать этот важный документ.

тельной ценности детского труда на общее благо, в его положительном влиянии и на учение. Однако чаще в возникающих разногласиях виновата сама школа — из-за того, что плохо организует общественный труд детей, допускает нарушения гигиенических требований, отвлечение от учебных занятий, игнорирует индивидуальный подход.

Новый Устав решительно пресекает подобные явления, определяя четкие требования к организации детского труда. Параграф 30-й устанавливает: «Учащиеся в школе привлекаются к самообслуживанию и другим видам общественно полезного труда с учетом возраста, пола, физических возможностей детей, норм и требований гигиены и охраны их здоровья. Контроль за соблюдением учащимися санитарно-гигиенических норм труда и техники безопасности возлагается на администрацию школы, медицинских работников и учителей».

И следующий важный параграф: «Освобождение учащихся от уроков для выполнения общественных поручений, участия в спортивных и других мероприятиях не допускается».

— Известно, что успех обучения и воспитания во многом зависит от единства усилий школы, семьи, общественности. Между тем их взаимоотношения, и в первую очередь отношения между педагогами и родителями, далеко не всегда отвечают желаемому. Как улучшить их? В какой мере новый Устав содействует лучшему объединению всех сил, участвующих в воспитании детей?

Вопрос этот действительно важный, и в Уставе ему уделяется серьезное внимание. Параграф 37-й, очерчивая функции классного руководителя, в частности, указывает, что он «добивается единства педагогических требований к учащимся со стороны школы и семьи, поддерживает постоянную связь с родителями, с руководителями групп продленного дня, с советами содействия семье и школе на предприятиях и в организациях». Параграф 43-й, характеризует обязанность директора школы, особо отмечает его роль в установлении единства действий педагогического коллектива и родителей. Директор «организует работу школы с родителями учащихся и общественностью; направляет работу родительского комитета». Параграфы 54-й и 55-й определяют связь школы с шефствующими предприятиями, колхозами, учреждениями и организациями, а также место и роль в школе родительского комитета.

В соответствии с последним параграфом Министерство просвещения СССР подготовило проект «Положения о родительском комитете общеобразовательной школы». Он обсуждается на местах и после необходимых поправок и уточнений станет основой для выработки и утверждения в каждой союзной республике своего «Положения о родительском комитете».

— Не можете ли вы остановиться конкретнее на отдельных разделах и наиболее важных пунктах этого проекта?

Раздел I намечает задачи родительского комитета. Это: 1. Всемерное укрепление связи между семьей и школой в целях установления единства воспитательного влияния на детей педагогического коллектива и семьи.

2. Привлечение родительской общественности к активному участию в жизни школы, к организации внеклассной и внешкольной работы. 3. Помощь школе в осуществлении обязательного восьмилетнего и всеобщего среднего образования. 4. Участие в организации широкой педагогической пропаганды среди родителей и населения. 5. Помощь в укреплении хозяйственной и учебно-материальной базы школы.

Названные задачи решаются школьным родительским комитетом — в рамках всей школы; классными родительскими комитетами — в рамках своих классов.

Раздел II устанавливает порядок избрания школьного и классных родительских комитетов, а также создания постоянных или временных комиссий по отдельным участкам работы.

Особенно мне хочется остановиться на III разделе «Права родительских комитетов». Они весьма широки и касаются связи с советскими органами, общественными организациями, шефствующими предприятиями, заслушивания отчетов классных комитетов, созыва родительских собраний и конференций, участия в создании фонда всеобщего, привлечения родителей к руководству кружками, организации их дежурств в школе и т. д. В проекте «Положения», в частности, предусматривается право родительского комитета вносить на рассмотрение директора и педагогического совета школы предложения по внешкольной и внеклассной работе с учащимися, по организационно-хозяйственным вопросам, по улучшению работы педагогического коллектива с родителями учащихся, заслушивать сообщения директора школы о состоянии и перспективах работы школы и его разъяснения по интересующим родителей вопросам.

Аналогичные права — в рамках класса — имеет классный родительский комитет.

Следует добавить, что председатель общешкольного родительского комитета является членом педагогического совета школы.

Отмечу еще такой момент. Хотя согласно Уставу директор «направляет работу родительского комитета», это, однако, не означает, что речь идет о подчинении. Если, например, они разойдутся во взглядах по какому-либо вопросу, параграф 15-й проекта «Положения» устанавливает: «В случае несогласия директора школы с мнением большинства родительского комитета спорный вопрос разрешается районным (городским) отделом народного образования».

Подобные случаи совершенно исключены при дружной совместной работе школьной администрации и родительского комитета, тем не менее сам этот пункт имеет, как и весь III раздел, принципиальное значение: Устав укрепляет авторитет родительского комитета и создает условия для широчайшего развертывания общественной инициативы — в помощь учителям, школе.

Как и весь наш народ, советское учительство готовится достойно встретить XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Несомненно, что Устав средней общеобразовательной школы станет добрым помощником учителя в дальнейшем улучшении дела коммунистического воспитания подрастающего поколения.

«Ты не понимаешь!»

опыт материнского рассуждения

«Я сегодня опять поспорила с мамой. Мы все чаще спорим из-за пустяков, мама не хочет меня понять. Я уже не ребенок, у меня свои планы, свои стремления... Ведь ей тоже было семнадцать! Неужели она все забыла? Неужели можно так перемениться? Я не знаю, может ли это быть — чтобы люди так менялись...»

Как часто я слышу такие жалобы — жалобы на мать, на отца, которые «не понимают», которые «давят»... И вот это письмо, подписанное коротко — «Лена».

Я постараюсь ответить всем Ленам, и Таням, и Наташам, которые испытывают нечто похожее. Попробую вообразить — и изобразить — сцену между Леной и ее мамой. Мне это нетрудно, потому что я тоже мама и у меня тоже дочка.

— Леночка, мы ведь договорились с тобой, что сегодня ты...

— А теперь мне некогда!

— Лена, но так ведь нельзя!

— А как можно? Мама, как можно? Ты вмешиваешься во все мои дела, все время указываешь, что я должна делать, контролируешь. Мне это надоело! Оставь меня в покое!

— Лена, раньше ты не была грубой!

— А я и сейчас не грубая. Просто вы всякую независимость расцениваете как грубость. Тебе нужно послушание: «Да, мамочка... сию минуту, мамочка...» Я так уже не могу. У меня свои мысли!

— Чаще ты поступаешь просто бездумно.

— Это тебе кажется. И вообще, это мое дело!

— И мое! Помнишь, Чапаев спрашивал у Фурманова — кто здесь командир — ты или я? Фурманов ответил: «Ты», а потом добавил: «И я...»

— И вовсе не подходит. Мама, почему ты придираешься? Ты забыла, что сама была молодой? Не понимаю... Ты совсем, совсем переменилась!..

Хлопнула дверь.

Переменилась... Конечно, переменилась. Бесполезно говорить, что у меня молодость была другая — не такая, как у тебя. У тебя столько праздников! Столько обновок! Столько развлечений! У нас не было проблемы мини-юбок, мы не носили украшений...

Я и не скажу тебе этого, потому что боюсь услышать: «Попрекаешь!»

Полно! Не сама ли я люблюсь тобой, веселой и рядной, мне ли не понять девичьих радостей именно потому, что сама была лишена их. Твое счастье — это и мое счастье. Подумай, как я могу попрекать тебя этим?

Но я все-таки переменилась, как меняются с возрастом все люди, как меняются женщины, становясь матерями. По-твоему, перемениться — это утратить понимание, сделаться хуже. А если подойти по-другому: не неизбежно ли для человека обдумывать свой опыт? Не неизбежно ли для матери стремиться передать дочери лучшее, что поняла она о жизни? Я хочу, чтобы и ты так переменилась, когда придет твоя пора взять на себя ответственность материнства. Только каков будет к этому времени твой опыт? Что он скажет тебе?

В этом смысле моя молодость военных лет для тебя вовсе не урок аскетизма, скорее, урок думания над жизнью, над тем, что складывает характер.

Была война... Наверное, она приучила нас задумываться над тем, что хорошо и что плохо. Безошибочно

отвечать на эти вопросы — это тоже ведь свидетельство воли! Только вы считаете признаком воли лишь умение «добиваться», а нам приходилось ограничивать себя ради других. А ты? Добиваться ты умеешь — ты любишь успех и потому долго сидишь над уроками, готова дневать и ночевать в школе, потому что тебя увлекает общественная работа. Но умеешь ли ты ограничивать себя хотя бы ради близких?

«Я же ничего не требую», — говоришь ты самолюбиво. Не гордись. Ты не требуешь, потому что все нужное получаешь и без требований. Но ты и ничего не даешь! Ты только берешь — сама того не замечая. А когда заходит речь о том, что и ты должна что-то дать, от чего-то отказаться, вот тут начинаются разговоры о независимости, о свободе, о взрослости... Обыкновенный эгоизм, прикрытый демагогией... Как грустно, как горько... что ты такая!

Так мучается мать, видя, что дочь вышла из повиновения.

«...Опять поцапались... И до чего же мне жалко маму, когда у нее делается такое лицо, будто конец света приходит! Ну что мне — сидеть около нее? Думаете, будет лучше? Пробовала. Говорит: «Не делай мне одолжения!» Когда наконец я смогу жить по-своему? Как надоела эта опека! Не успела рта раскрыть — за тебя подумали, уже решили, остается только выполнять... Сегодня стирка. Какой принципиальный вопрос! Всякую мелочь превращают в повод твердить о долге, о том, какими они были в молодости... Они были друзьями! Ну и пусть. А я такая, какая есть!»

Так бунтует дочь: «Надоела опека!»

Неважно, из-за чего конфликт, — важен не сам конфликт, он может возникнуть из-за ерунды, важно, что мать и дочь видят в этом частном конфликте начало стены, которая растет между ними и о которую обе бьются — и не могут пробиться друг к другу...

Эту стену, наверное, не пробить: стена возраста.

Но, может быть, можно ее обойти? Или перемахнуть?

Эх, кабы крылья!

Могут вырасти и крылья. Я бы назвала их крыльями воображения. Вероятно, они вырастают у тех, кто может перенестись на точку зрения другого человека. Вдруг стать мысленно на его место — и понять, изнутри понять, почувствовать и его, и свою роль в его жизни. Вот смотрите:

«...Мы далеко зашли... А ведь началось с пустяка! Она хотела сегодня со всеми друзьями идти в кино. А я воспротивилась — есть еще много дел, и уборка, и стирка... Да, у меня в молодости было меньше искушений. Было суровое время. А если вспомнить, как они сильно умеют хотеть, эти лигальцы! У меня уже нет таких страстных желаний. Но они были, были! Может быть, не стоило ее удерживать, надо было сказать: «Решай сама, но дело должно быть сделано». Да, она поздно бы легла, а я так не люблю, когда она поздно ложится!.. Но с другой стороны — это было бы полезно: поняла бы, что за удовольствия надо расплачиваться...»

«...Бедная мама. В сущности, она ведь права. И чего я так распалилась! Меня бесит именно то, что она почти всегда права. Но это же естественно, зачем сердиться? Она старше, опытней... Я могла бы посмотреть «Фанфана» и завтра, он три дня идет, а сегодня сделать то, что мы с ней наметили. Бедная мамочка, я понимаю, ты так со мной от любви, но такая любовь мешает жить. Конечно, без твоей любви и заботы мне пришлось бы плохо. Но зачем ты говоришь со мной с позиции силы?..»

Это не позиция силы.

Это позиция любви. Родительской любви.

— Свобода, конечно, заманчива. Особенно для тебя, для твоих сверстников, которые считают, что они свободы лишены. Семнадцатилетние всегда чувствуют себя обиженными. Они полны сил, энергии, инициативы, а социальное самочувствие старшеклассника (а часто и студента) подавленное. Еще бы: вы бесправны экономически — потому что не зарабатываете и каждый рубль надо просить у родителей, а желаний, искушений так много! Вы бесправны морально — попробуй взбунтуйся — начини настаивать на своем, установи иное расписание, иной образ жизни, чем установлен в родительском доме, — сразу получишь в ответ: «Молод еще рассуждать! Оперись сначала!» Я понимаю это. Но понимаю и то, что свободой надо уметь пользоваться.

— А как нас этому учат? Учителя могут накричать за модную прическу или подведенные глаза, высмеять при всех, не щадя самолюбия. Неужели и я, когда состарюсь, буду жить по принципу: детям ничего нельзя, взрослым все можно? Так до скольких же лет — дети? Мне семнадцать, а я только и слышу: «Рано, нельзя, нельзя, рано!»

Давайте не будем горячиться. Остыньте. Посмотрите трезвыми глазами на свою жизнь и жизнь своих родителей. Они свободны?

Самые несвободные в семье — это родители. Они гораздо реже могут позволить себе делать то, что хочется. Вы этого просто не замечаете! Их неподотчетность детям — вовсе не свобода. И не только потому, что они зарабатывают свой хлеб и кормят еще вас. Отвлечемся от этого материального фактора, который всегда вас раздражает...

Они постоянно ощущают тяжесть ответственности за вас. За ваше здоровье, за вашу судьбу, за ваше будущее. Они смотрят дальше, чем вы. Они выполняют свой долг перед вами — а это очень нелегко!

Так не кричите, что надоела опека. Вы такие умные, такие рассудительные, неужели не догадываетесь, что права можно приобрести только вкупе с обязанностями. По отдельности они недействительны.

Множество конфликтов в семье возникает на почве желания иметь права, не выполняя обязанностей.

Если это так — в конфликте виноваты вы, а не родители. И конфликт будет разрешен, как только вы поймете свою неправоту.

А если это не так? Если родители хотят заставить детей жить, думать и одеваться так, как они жили, думали и одевались тридцать лет назад, не учитывая изменений в общественной атмосфере, во вкусах, модах?

Что ж, тут вам, молодым, надо отстаивать свою правоту. Доказывать ее, доказывать мягко, корректно, помня о том, что взгляды родителей складывались долго — всю их жизнь! — и что перемениться сразу они не могут. Вооружитесь терпением и добротой, да, добротой, которую можно выработать в себе.

* *

А можно ли?..

В далеком туркменском городе разместился после эвакуации Одесский университет. Студенты и преподаватели прошли через столько испытаний — их бомбили, они потеряли близких, потеряли весь свой скarb, — им уже все казалось не очень страшным!

Байрам-Али — жаркий город. Тут можно зимой ходить босиком. Летом нельзя: песок жжет, он накаляется от солнца.

Я хорошо помню Светку — миниатюрную девушку с большими ярко-голубыми глазами и длинной русой косой. Она была хороша собой и беззащитна перед чужим горем: чувствовала чужую боль, как свою.

Мы все старались помогать друг другу, кто как мог. Ей не надо было стараться — она не умела иначе жить, иначе чувствовать. Она не спала ночи около больных, раздавала все, что у нее было.

И вот однажды возник спор. Говорили о доброте.

— Доброта прекрасна, когда она от души! — говорила Рина. — Когда ее не надо из себя выжимать, не нужно делать усилия, чтобы быть доброй! Вот у Светки это так же естественно, как улыбка, как слезы, она не может жить иначе! А у нас с тобой доброта — как гримаса смеха. Мы стараемся, мы понимаем, что надо быть добрыми! Это не ценно! Это искусственно!

Нам было по девятнадцать, и проблемы морали мы решали на самом высоком уровне — и уж, конечно, были беспощадны к самим себе в первую очередь.

И все-таки я не могла согласиться.

— Дело не в нас, а в людях, которым понадобится помощь... Доброта нужна всем, и нельзя довольствоваться теми, у кого это природный дар. Надо ее растить, доброту, растить искусственно. Пусть это будет не такой прозрачный источник, но все-таки источник, который кому-то поможет.

...Прошли годы, окончилась война. Нас разбросало по разным городам. У нас появились семьи, нравственные проблемы утратили свой абстрактный, схоластический характер. Они теперь разрешались практически. Через несколько лет мы встретились. Я забыла о дав-

нем споре, поглощенная радостью встречи. Но она не забыла.

— Ты помнишь наш спор о доброте? — сказала она. Мы лежали на песке у моря в нашем родном городе — в Одессе. Рядом копошились моя дочь и ее сын. И прежние проблемы снова обрели смысл, потому что были дети. Предстояло из них лепить людей. Да что — предстояло! Мы это уже делали — в меру своего умения и понимания жизни. И очень важно было корректировать это понимание.

— Ты была права. Нужно, чтобы люди делали добро независимо от того, что у них на сердце. Добро можно — нет, нужно — делать, просто сознавая, что это необходимо. Я поняла это, когда лежала в чужом городе в больнице. Меня спасли чужие люди. Нет, я говорю не только о врачах... Чужие, едва знакомые люди, которым до меня и дела не должно было быть, достали редкое лекарство, носили передачи. Когда я спросила их, почему они это делали, они сказали: «Кто-то ведь должен думать о тех, кто в беде». Как это просто — и как... как человечно!..

— Следствие жизненного опыта?

— Главное.

* *

Видите, как далеко меня завели размышления о дочках и о мамах и о том, меняются ли люди.

Если вы согласились со мною, что доброту надо в себе сознательно воспитывать, согласитесь и с тем, что прежде всего она должна изливаться на близких, на тех, кто вас любит и о вас заботится, даже если при этом совершает промахи.

Когда-то, в десять-одиннадцать лет, вы пережили как трагедию открытие, что мама и папа не всеильны, как вам казалось в раннем детстве. Потом вы стали обнаруживать в них даже недостатки... И это как бы освобождало вас от послушания.

А теперь надо научиться понимать своих родителей. Может быть, поняв их, вы будете им больше сочувствовать — даже там, где не сможете с ними согласиться. А кое в чем и согласитесь! А может быть, даже окажется, что в некоторых вещах не они вас не понимали, а вы — их! Такой уровень рассуждений, думаю, и есть один из признаков взрослости. Ведь не одними годами определяется человеческая зрелость.

Трудный период становления личности, самоутверждения надо пережить каждому человеку. Хорошо, если бы вы нашли в себе силы пережить его достойно, не травмируя себя и своих родителей: их груз тяжелее, чем ваш! Помните о часах, которые умоляли, чтобы их освободили от маятника, — тогда бы их жизнь стала легка, тогда бы они познали свободу! А когда маятник сняли — часам показалось, что они умирают!..

Л. КОВАЛЕВА,
учительница
Ленинград

И. ГАРКУНОВА,
научный сотрудник
Научно-исследовательского института школ
Министерства просвещения РСФСР

САМОСТОЯТЕЛЬНО!

Вот уже почти полгода дети учатся во втором классе. Новые знания, новые умения... Но — и новые трудности: оказывается, не все хорошо усвоено, есть пробелы в знаниях, нет должного навыка самостоятельной работы. И вот иногда ребенок возвращается из школы не таким радостным, как прежде, долго делает уроки, часто переделывает заново прошлое задание. Не хватает времени погулять, поиграть с товарищами, заняться любимым делом. Опасный сигнал — перегрузка! Как избежать этого? Мы попробуем ответить на этот вопрос, взяв материал второго года обучения по русскому языку.

То, что ребенок начинает тратить много времени на уроки, можно считать верным признаком затруднений в учении. И от того, что он больше сидит над заданием, лучше он его не выполняет — порой даже хуже. Тут надо прежде всего выяснить, почему он перестал легко справляться с заданиями. Может быть, не понимает, как выполнить то, что требует учитель, что дается в учебнике (а возможно, просто не может настроить себя на работу?).

Если ребенок не понимает задания, лучше всего обратиться к учителю, рассказать ему, как работает ребенок дома. Учитель всегда подскажет, где тот чаще всего ошибается, в чем чувствует себя неуверенно. Он предложит отдельные упражнения, которые помогут — при строгом вашем контроле — восполнить пробелы в знаниях.

Чаще всего трудности возникают из-за неумения работать самостоятельно. В классе занятия организует и контролирует учитель, дома же ребенок остается наедине с книгой, и возможные ошибки, которые никто не поправляет так быстро, как в школе, приводят к неправильному выполнению всего задания.

Прежде чем приступить к заданиям по русскому языку (как, впрочем, и по другим предметам), надо приготовить все учебные принадлежности, как на уроке в школе. Следите за этим, научите этому детей! Если они приучены начинать работу, приготовив сначала свое рабочее место, то, поверьте, многие трудности выполнения домашнего задания отпадают. Казалось бы, то, о чем мы говорим, так просто и понятно! И вы не раз слышали это. Тем не менее самые простые и понятные вещи порой

почему-то не делаются... Сел писать упражнение, а чернил в авторучке нет, линейку забыл достать, карандаш неочинен. Время идет, ребенок утомляется, сидеть за уроками надоедает.

Но, положим, первая ступенька в овладении навыком самостоятельной работы пройдена.

Открыт учебник на нужной странице, найдено заданное упражнение. Теперь ученик должен очень внимательно прочитать задание целиком, то есть прочесть то, что написано до текста и после него. Можно предложить прочитать это задание 2—3 раза, чтобы в уме расчленил его на отдельные операции и представить ход дальнейшей работы.

Например, в упражнении 204 ребенку придется, во-первых, прочитать текст (то есть группы родственных слов); во-вторых, выделить в каждой такой группе общую часть (корень слова) и подметить, что в каждой группе слов корень имеет одинаковое написание независимо от того, падает ли на корень ударение (*варка*) или не падает (*варить*, *варёный*). Все это ребенок выполняет при чтении задания и самого текста. Затем ему предстоит записать упражнение и доказать верность своих рассуждений. Это и будет второе задание упражнения, что записано после текста.

Задания и упражнения усложняются постепенно. Так, в упражнении 209 более сложное задание по сравнению с упражнением 204. Первая операция здесь — прочитать текст, вторая — найти к словам с пропущенными буквами родственные слова (*гора, горка, горный, гористый*), третья — среди группы родственных слов выбрать слово с ударным корнем (*гёрный, гóрка*).

В некоторых упражнениях даются задания, которые преследуют цель повторить материал, пройденный ранее. Например, упражнение 217 требует разобрать слова левого столбика по составу. О том, из каких частей состоит слово, дети уже знают, об этом говорилось в школе еще в октябре. На уроках учащиеся не раз выполняли задания по разбору слов: определяли, сколько частей в слове, называли их. Но, допустим, ребенок остановился перед выполнением этого задания. Следует ли ему объяснить все заново, или нужны какие-то дополнительные упражнения, чтобы он вспомнил этот материал? Часто в таком случае бывает полезно отослать ребенка к соответствующему разделу в книге. По оглавлению в конце учебника он может найти раздел 5, который называется «Состав слова», и, открыв книгу на странице 45, вспомнить, что же такое состав слова. Уже подзаголовки раздела («Корень», «Окончание», «Приставка», «Суффикс») помогут ему быстрее сориентироваться и разобрать слова упражнения 217 по составу. Запись может быть различной: каждая часть слова отделяется черточкой, например *звер-ин-ый, цвет-н-ой*, или каждая часть слова помечается условным обозначением (корень — одной чертой, приставка — двумя, окончание — волнистой линией и т. д.). Здесь следует делать так, как дети делают в классе с учителем.

Умение быстро ориентироваться в книге, находить по оглавлению нужный раздел, отыскивать нужное правило в ней — это тоже важно для самостоятельной работы. И поэтому родителям следует чаще в случае затруднений отсылать ребенка к соответствующему правилу в учебнике. Некоторые родители выписывают для детей на отдельную карточку номера страниц учебника с указанием основных правил. Так, в книге второго класса

по русскому языку это будут правила на страницах 8, 17, 74 по разделу «Безударные гласные в корне слов», на страницах 56 и 64 по разделу «Парные согласные», на странице 103 — «Непроизносимые согласные» и т. д.

Важно также, чтобы ребенок обращал внимание на слова в учебнике, написанные с пометкой «Заметьте! Не забывайте!». С левой стороны эти обращения к ребенку отмечаются восклицательным знаком. Это не правила, их не нужно заучивать наизусть. Но это очень помогает грамотно писать. Такие замечания можно найти на страницах 73, 110, 144, 184.

Часто родителям приходится встречаться вот с чем: сын или дочь знает правила, говорит их без запинки, а как только начинает писать под диктовку или выполнять работы типа изложений и сочинений, то допускает ошибки в самых, казалось бы, простых словах. К примеру, много раз — и с учителем, и дома — ребенок писал такие слова, как *река, песок, мячи, работа, класс, коток*, и все же делает ошибки. Их становится больше, если слово меняет свое значение или употребляется в иной форме. Например, *речной песок, на песке, покатили, работник*.

Это происходит чаще всего потому, что у маленького человека нет еще достаточного внимания к языковым явлениям и многое он старается просто запомнить, а память способна подвести, особенно если ребенок утомился. Он не видит тогда связи в словах *песок, на песке, сахарный песок, песочница* или *темный, темнота, затеметь, потемнеть* и заучивает каждое слово из группы родственных слов как совершенно новое, ничем не связанное с другими словами этой единой корневой семьи.

Взрослым необходимо чаще обращать внимание детей на то, что многие слова русского языка не следует просто запоминать, нужно искать им родню. Интересно и ярко такие явления нашего языка раскрывал Паустовский, и нам кажется, что ребят увлечет его «Родник в мелколесье», где говорится о кровной связи таких слов, как *родник, родина и народ*. Рассказы Паустовского дадут возможность не только понять, но и наполнить осязательным, почти физическим, содержанием отдельные слова, которые мы часто произносим, не понимая до конца их смысла и емкости. Мы рекомендуем прочитать детям или посоветовать им для самостоятельного чтения отрывки из повести «Золотая роза»: названный выше «Родник в мелколесье», «Язык и природа», «Словари».

Курс обучения языку включает в себя, кроме того, ряд слов, написание которых нельзя проверить, их следует заучивать. Эти слова даны в конце учебника в разделе «Словарь для справок». Они заучиваются постепенно, и обычно дети выписывают их в отдельную тетрадь для так называемых словарных слов. Рекомендации, данные выше, применимы и для лучшего усвоения этой группы слов. Но поскольку написанию их часто нельзя найти объяснение, здесь значительное место принадлежит тренировкам и многократному повторению. Эти упражнения дома не должны занимать много времени (5—7 минут), но их лучше делать почаще. Например, можно выбрать из словарика для справок слова, которые обозначают название овощей или дней недели; слова, где мы запоминаем букву «а» или букву «е» (*магазин, народ, мебель, тетрадь*). Подобным упражнениям можно придать вид игры.

Дети должны уметь быстро различать такие части речи, как имя существительное, прилагательное, глагол.

Прочный навык безошибочного распознавания приходит после длительных тренировок. Вначале можно предложить придумывать слова по образцу: *мороз* — существительное, *морозить* — глагол, *морозный* (день) — прилагательное. Или взять такие слова: *свист, крик, свет, зелень*. Потом можно предложить слова или корни слов, от которых дети будут стараться образовывать различные части речи. Наконец, такими исходными словами могут стать некоторые слова из словаря. Следует обратить внимание детей на то, что, например, от слова *ужин* можно образовывать глаголы *ужинать, поужинать*, но они не дают прилагательного, а вот слова *машина* и *морковь* дают прилагательные *машинный, морковный*, но не образуют глагола.

Упражнения игрового характера помогут детям при усвоении одной из ведущих тем второго класса — «Состав слова». Первое знакомство с ней происходит в начале года, в третьей четверти этот материал отработывается более обстоятельно.

Чтобы показать, как меняется значение слова с изменением суффиксов, можно предложить детям такие игры:

1) Возьми корень *гриб*. Меняя суффиксы, сделай так, чтобы получились новые слова (*грибок, грибник, грибница*).

2) Подумай, почему есть слова *солнце* и *солнышко, зерно* и *зернышко, кислый* и *кисленький*. В чем разница? Когда мы говорим *солнце*, а когда *солнышко*?

3) Более трудное задание — составить схему данного слова. Но если его хорошо объяснили, оно увлекает ребят, и они охотно занимаются этой игрой-упражнением с товарищами. Вот слово *домик*. Схема его будет выглядеть так: *дом-ик* (корень — суффикс). Предложите по этой схеме построить некоторые слова. Сюда впишутся слова *садик, карандашик* и т. д. По схеме корень — суффикс — окончание можно сконструировать слова *травка, ручка* и т. д.

Много огорчений приносит ребенку, родителям и учителям неумение списывать текст из книги. Ребенок допускает грубые ошибки или пропускает буквы, заменяет их, меняет местами слоги в словах, переставляет слова в предложении или пропускает отдельные слова. Скорее всего, это объясняется отсутствием навыка контроля за собой при списывании.

Когда в первом классе дети учились читать и писать, они разбивали слова на слоги, а затем прочитывали или записывали их, произнося по слогам. Слог является важной единицей при чтении и записи. По слогам читают и взрослые, если встречаются в тексте трудное по произношению, длинное или малознакомое слово. И для детей при списывании или письме на слух слог должен оставаться главным средством контроля. Ребенок должен при письме как бы делиться себе, то есть произносить в уме или тихо вслух по слогам то, что он записывает.

Во втором классе дети должны брать из текста не по одному слову, а по два-три и, прочитав их в книге по слогам, записывать, повторяя для себя также по слогам. Возьмем упражнение 349. При списывании первое предложение как бы делится на три части: *в ненастную ночь — в дозоре — были опытные пограничники*. Вначале дети читают все предложение целиком. Потом они читают первые три слова по слогам и записывают их, диктуя себе тоже по слогам *в ненастную ночь...* Затем читают в книге следующие два слова *в дозоре* — и записыв-

вают их и т. д. Когда упражнение выполнено, правильность записи проверяется по книге.

Чтобы выработать орфографическую зоркость, научить видеть, как слова записаны в тексте, и писать их точно так же, можно иной раз предложить ребенку запомнить небольшое предложение, внимательно разобрать в нем каждое слово, а затем, закрыв текст, написать это предложение по памяти. После того как предложение записано, текст снова открывается и записи сравниваются. Для таких заданий подойдут тексты упражнений 334, 346, 404, из которых можно записывать только одно-два предложения.

Часто мы говорим: «Ребенок все понимает, умеет объяснить, знает, как сделать, а вот не делает верно». Это значит, что ребенок еще не приобрел навыка самостоятельной работы. Выработать такой навык — дело сложное и длительное. Наладив четкое выполнение домашних заданий, вы очень поможете школе в этом.

Е. МИШАРЕВА,
научный сотрудник

Научно-исследовательского института школ
Министерства просвещения РСФСР

УМНОЖАЕМ. ДЕЛИМ. РЕШАЕМ ЗАДАЧИ

В десятом номере журнала мы познакомили родителей второклассников с основными особенностями изучения математики по новой программе на втором году обучения. В статье было рассказано о двух центральных темах — «Табличное умножение и деление» и «Тысяча». В этой статье мы остановимся на следующих вопросах: на внетабличном умножении и делении и на решении задач.

Внетабличное умножение и деление изучается в III четверти. Напомним, что табличные случаи умножения требовалось знать наизусть, по отношению же к внетабличному умножению и делению такое требование не предъявляется. Все приемы внетабличного умножения и деления основаны на знании учащимися правил умно-

жения числа на сумму и суммы на число, деления суммы на число, на знании взаимосвязи между умножением и делением. Так же как и при знакомстве с правилами прибавления числа к сумме и суммы к числу, на первых порах второклассники пользуются наглядным материалом для раскрытия разных способов вычисления результата при умножении суммы на число. Хорошо усвоив предыдущий материал, они самостоятельно устанавливают, что сумму на число можно умножить двумя способами: можно вычислить сумму и умножить ее на число, например: $(5+3) \cdot 8 = 8 \cdot 8 = 64$. А можно умножить каждое слагаемое на указанное число и сложить произведение: $(5+3) \cdot 8 = 5 \cdot 8 + 3 \cdot 8 = 40 + 24 = 64$.

Именно на знании этого правила основаны приемы вычислений в случаях вида: $23 \cdot 4$. При решении подобных примеров ребенок рассуждает следующим образом: заменим число 23 суммой его разрядных слагаемых, так как для вычисления в этом случае самыми удобными являются именно разрядные слагаемые, получим $(20+3) \cdot 4$, теперь умножим каждое слагаемое на 4 и полученные произведения сложим: $(20+3) \cdot 4 = 20 \cdot 4 + 3 \cdot 4 = 80 + 12 = 92$.

Все используемые при решении примеров такого вида операции уже знакомы детям и не вызывают никаких принципиальных затруднений. После рассмотрения и закрепления указанного приема путем многочисленных и разнообразных упражнений вводится прием деления двузначного числа на однозначное. Этот прием основан на знании правила деления суммы на число. Однако по сравнению с умножением здесь имеется одна существенная особенность. При умножении дети представляли множимое в виде суммы разрядных слагаемых ($37 = 30 + 7$, $56 = 50 + 6$ и т. д.), а при делении двузначного числа на однозначное наряду с заменой делимого суммой разрядных слагаемых часто приходится представлять делимое в виде суммы каких-то других слагаемых, которые в данном конкретном случае являются наиболее удобными. Например, при делении $70 : 2$ удобно 70 представить в виде суммы 60 и 10. С самого начала перед ребятами должен стоять главный вопрос: «В виде суммы каких двух слагаемых удобно представить делимое в данном примере?» Для того чтобы учащиеся научились осуществлять этот выбор, нужно выполнить большое количество соответствующих упражнений. При проверке домашних заданий родители могут предложить такие примеры:

$$46 : 2 = (40 + 6) : 2 = 40 : 2 + 6 : 2 = 20 + 3 = 23.$$

$$50 : 2 = (40 + 10) : 2 = 40 : 2 + 10 : 2 = 20 + 5 = 25.$$

Пусть ребенок объяснит, на какие слагаемые он раскладывал делимое в первом примере и на какие во втором, пусть попытается доказать, что выбранные способы наиболее рациональные. Для этого можно попробовать решить примеры иначе. Первый пример можно было бы решать и так:

$$46 : 2 = (30 + 16) : 2 = 30 : 2 + 16 : 2 = 15 + 8 = 23.$$

Хорошо, если второклассник не только сумеет выбрать самый рациональный способ решения, но и научится обосновывать свой выбор, будет знать и другие пути вычисления, причем здесь следует иметь в виду, что, вычисляя результат разными способами, ученик проверяет правильность выполненного решения.

Прием умножения однозначного числа на двузначное основан на использовании известного ребятам правила умножения числа на сумму. Так же как и при умноже-

нии двузначного числа на однозначное, ученик прежде всего должен уметь представить множитель (выраженный двузначным числом) в виде суммы разрядных слагаемых. Решая пример $2 \cdot 32$, ребенок рассуждает следующим образом: заменим множитель 32 суммой разрядных слагаемых $(30 + 2)$, получим выражение $2 \cdot (30 + 2)$; мы знаем, чтобы умножить число на сумму, нужно умножить на это число каждое из слагаемых и полученные произведения сложить. Очень хорошо, если второклассник вспомнит переместительное свойство произведения и, опираясь на него, получит пример $32 \cdot 2$ (от перестановки сомножителей произведение не изменится). В этом случае пример может быть решен с использованием правила умножения суммы на число.

Особое внимание следует уделить приему деления двузначного числа на двузначное ($51 : 17$), который дается последним. Этот прием основан на связи между умножением и делением, частное находится способом подбора. Решая названный пример, ученик рассуждает так: на какое число нужно умножить 17, чтобы получилось 51? Умножим 17 на 2 — получается 34, а у нас 51; 2 не подходит, попробуем умножить 17 на 3, получается 51. Значит, $51 : 17 = 3$. Для того чтобы ускорить процесс подбора нужного числа, ребятам надо научиться обращать внимание на особенности делимого и делителя.

При делении 66 на 11 нет необходимости перебирать все однозначные множители, при внимательном рассмотрении делимого и делителя становится ясно, что в частном может быть только число 6, поэтому не стоит перебирать все числа, начиная с двух. При проверке домашних заданий родители должны иметь в виду, что важно научить детей вглядываться в особенности данных чисел, использовать все возможности для рационализации вычислений.

Теперь о задачах. Во втором классе продолжают развиваться и совершенствоваться те умения и навыки работы с задачей, которыми ребята овладели в первом классе. Умение решать задачи складывается из нескольких частных умений: чтение задачи, выделение известного и неизвестного, анализ текста задачи, краткая запись условия в виде рисунка, схемы, чертежа, выбор действий для решения и их обоснование, составление плана решения, само решение, проверка решенной задачи. На втором году обучения требования к перечисленным частным умениям значительно повышаются. Ребенок должен так прочитать задачу вслух и про себя, чтобы им было осознано ее содержание, чтобы он мог после чтения пересказать ее своими словами, соблюдал при чтении логические паузы, ударения. Очень полезно также чтение задачи сочетать с постановкой вопросов вида: Что означает каждое число в задаче? Какой главный вопрос?

Для того чтобы второклассники научились четко отделять известное от неизвестного, им можно предложить наряду с задачами, в которых вопрос помещен в конце текста, такие задачи, где вопрос стоит в начале и в середине: «Сколько ящиков винограда привезла вторая машина, если известно, что она привезла на 5 ящиков больше, чем первая? А первая машина привезла 21 ящик винограда». При решении подобных задач учащимся большую помощь окажет умение кратко записать условие, но обязательно нужно помнить, что краткая запись условия не самоцель, а средство, помогающее разобратся в условии задачи, наметить план ее решения.

Одновременно с краткой записью условия второклассники могут пользоваться при решении задач рисунками, схемами, чертежами, а в случае затруднения — и наглядным материалом.

В особую группу выделяются составные задачи на зависимость между ценой, количеством, стоимостью, расходом материи на одну вещь, количеством вещей и общим расходом материи. При решении указанных задач большую помощь оказывают таблицы, с которыми ребята познакомились еще в первом полугодии.

Разберем, например, задачу № 49 (стр. 127): «Для дежурства в школьной столовой девочки сшили 6 халатов и 6 передников, расходуя на каждый халат по 3 м материи, а на передник по 2 м. Сколько материи пошло на все эти вещи?» Условие задачи лучше всего записать в таблице?

Расход материи на одну вещь	Количество	Общий расход материи
3 м 2 м	6 халатов } 6 передников }	x м

Записанное таким образом условие дает возможность ясно представить себе отношения между величинами, причем эта задача может быть решена двумя способами:

1-й способ

$$x = 3 \cdot 6 + 2 \cdot 6$$

$$x = 18 + 12$$

$$x = 30$$

Ответ: на все вещи пошло 30 метров материи.

2-й способ

$$x = (3 + 2) \cdot 6$$

$$x = 5 \cdot 6$$

$$x = 30$$

Ответ: на все вещи пошло 30 метров материи.

При этом важно, чтобы ребенок «узнал» правило, на основе которого задача может быть решена двумя способами (правило умножения суммы на число), уметь объяснить, что он узнавал каждым действием.

Необходимость обоснования выбора действия при решении простых задач во втором классе отпадает. Встречая, например, задачу на нахождение неизвестного компонента («В гараже стояло 37 машин, после того как несколько машин выехало на линию, в гараже осталось 11 машин. Сколько машин выехало на линию?»), ребенок должен сразу вспомнить правило нахождения неизвестного вычитаемого: «Чтобы найти неизвестное вычитаемое, нужно из уменьшаемого вычесть разность» — и записать решение:

$$x = 37 - 11$$

$$x = 26$$

Ответ: на линию выехало 26 машин.

При составлении плана решения составной задачи важно наметить, что и за чем, в какой последовательности нужно узнавать. Для того чтобы наметить такой план, необходимо проанализировать задачу, установить связь между известными величинами и искомой. Разбор можно начинать как от данных, так и от искомого.

Начиная разбор с данных, ученик должен поставить перед собой два вопроса: «Что можно узнать по этим данным?» и «Нужно ли это узнавать для ответа на главный вопрос задачи?»

впервые по новым программам — второй класс

При разборе от искомого вопросы ставятся иначе: «Что нужно узнать по условию задачи?» и «А можно ли это узнать?»

Вот как будет выглядеть анализ задачи: «Покупатель купил за 8 рублей пальто, которое в 4 раза дороже шапки, и ботинки, которые на 2 рубля дешевле, чем пальто. Сколько стоит вся покупка?» Начнем с вопроса. В задаче спрашивается, сколько стоит вся покупка, а стоимость всей покупки складывается из стоимости каждой вещи: пальто, шапки и ботинок. Значит, прежде всего мы должны узнать, сколько стоят в отдельности пальто, шапка и ботинки. Сколько стоит пальто — известно, 8 рублей. Сколько стоит шапка — неизвестно, но сказано, что она в 4 раза дешевле пальто (раз пальто в 4 раза дороже), значит, мы можем узнать, сколько стоит шапка, для этого нужно 8 разделить на 4. Стоимость ботинок тоже неизвестна, но сказано, что они на 2 рубля дешевле, чем пальто, значит, нужно из 8 вычесть 2. По ходу разбора составляется краткая запись условия:

Пальто — 8 рублей
Шапка — $(8 : 4)$ рублей
Ботинки — $(8 - 2)$ рублей

} x рублей

Зная стоимость каждой купленной вещи, мы можем узнать стоимость всей покупки:

$$\begin{aligned}x &= 8 + (8 : 4) + (8 - 2) \\x &= 8 + 2 + 6 \\x &= 16\end{aligned}$$

Ответ: вся покупка стоит 16 рублей.

Очень полезно после анализа задачи и записи ее решения еще раз повторить ход рассуждений. Пусть ребенок самостоятельно объяснит, что он узнавал каждым действием.

Запись решения приведенной выше задачи может быть выполнена по-разному. Помимо той записи, которая была сделана, ученик вправе записать решение и так:

$$8 + (8 : 4) + (8 - 2) = 8 + 2 + 6 = 16.$$

Ответ: вся покупка стоит 16 рублей.

Или так:

- 1) $8 : 4 = 2$ (руб.)
- 2) $8 - 2 = 6$ (руб.)
- 3) $8 + 2 + 6 = 16$ (руб.)

Ответ: вся покупка стоит 16 рублей.

Или так:

- 1) Сколько стоит шапка?
- 2) Сколько стоят ботинки?
- 3) Сколько стоит вся покупка?

$$\begin{aligned}x &= 8 + (8 : 4) + (8 - 2) \\x &= 8 + 2 + 6 \\x &= 16\end{aligned}$$

Ответ: вся покупка стоит 16 рублей.

Все перечисленные записи решения правильны, но обычно учитель указывает, как именно должно быть оформлено решение заданной на дом задачи. Задачи на нахождение неизвестного компонента решаются путем составления уравнения. Например, решение задачи «По-

купатель уплатил в кассу за 6 стульев по 4 рубля за каждый, но потом решил вместо этих стульев купить кресла по 12 рублей за штуку. Сколько кресел он может купить на те же деньги?» можно записать в виде уравнения

$$\begin{aligned}12 \cdot x &= 4 \cdot 6 \\12 \cdot x &= 24 \\x &= 24 : 12 \\x &= 2\end{aligned}$$

Ответ: 2 кресла.

Предпочтение во втором классе следует отдавать более кратким формам записи решения, особенно составлению уравнений.

После записи решения задачи его нужно проверить. Формы проверки могут быть различными. Как и в первом классе, ученик при проверке возвращается к тексту задачи, заменяет в нем неизвестное найденным его числовым значением и выясняет правильность выполненного решения. Очень полезным следует считать проверку, основанную на составлении и решении задачи, обратной данной. В обратной задаче то, что было известно, становится неизвестным, а то, что было неизвестным, — известным. Так, для проверки уже разобранный задачи про кресла и стулья составляется следующая обратная задача: «Покупатель купил 2 кресла по 12 рублей каждое. Сколько он сможет на эту же сумму купить стульев по 4 рубля?»

Хорошим способом проверки составной задачи является также решение ее другим способом, конечно, в тех случаях, когда это возможно. Проверка выполненного решения должна войти в привычку у учащихся. Очень помогает ребятам при самостоятельном решении задач «Памятка», которая представляет собой план работы над задачей:

1. Прочитай задачу.
2. Объясни, что означает каждое число, и назови вопрос задачи.
3. Запиши задачу кратко.
4. Расскажи план решения.
5. Выполни решение.
6. Подумай, нельзя ли решить задачу другим способом; если можно, то реши.
7. Проверь решение и запиши ответ.

Хорошо, если «Памятка» будет постоянно находиться на рабочем столе ребенка, чтобы в случае нужды он мог обратиться к ней.

Понятно, если учитель даст ребятам несколько иную «Памятку», то следует придерживаться ее. Помогая своим детям в подготовке домашних заданий и проверяя выполнение, родители должны помнить главное: усвоение математического материала должно быть осознанным, неформальным, чтобы ученик всегда мог объяснить, что, когда, зачем и почему он делал,

ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ ОТРОЧЕСТВА

...Это случилось на окраине городка Ковдора Мурманской области. Пьяные подростки, ученик автослесаря Валерий Лобанов и шестиклассник Виктор Корюхин, встретив в лесу одного мальчугана, стали издеваться над ним, а потом... убили.

Об этом и говорить, и писать тяжело. И все же надо разобраться: как могло произойти такое?

Какая цель была у Лобанова и Корюхина? Мальчик не имел ни денег, ни вещей, он ничем им не угрожал.

...Убийцы сами еще недавно ходили в детских штанишках, а родители, наверно, с улыбкой глядели на их шалости. И правда, что может быть естественнее невинного детского баловства? Это свойство возраста не только не мешает воспитанию, но, наоборот, содействует ему. Оно дает ребенку потребное ему ощущение раскованности своих растущих сил. Сочетаясь с разумной дисциплиной и расцветающей человечностью, оно питает фантазию детей, их веселую изобретательность, их творчество. Но горе ребенку, горе его родителям и окружающим, когда это естественное чувство беспризорно, когда оно, лишенное нравственной основы, уродливо разрастается. Свобода превращается в произвол, а раскованность — в безответственность, фантазия становится низменной, а изобретательность — жестокой.

Здесь уже нужна активная общественная защита, а ее-то и не было в Ковдоре. Вот что предшествовало преступлению и составляло его фон.

Лобанов и Корюхин и раньше «развлекались» подобным образом, нападали на младших школьников, избивали их и отнимали деньги. Уже

несколько лет они состояли на учете в детской комнате милиции. Отцы их ведут себя аморально. Все это знали и оставались безучастными, как, впрочем, безучастны были в Ковдоре и к тому, что малолетним продавали спиртное, что нет спортивных площадок для ребят, комнат досуга в домоуправлениях.

...Обо всем этом мы услышали на очередном заседании Комиссии по делам подростков при ЦК ВЛКСМ. Здесь шел суровый разговор с комсомольскими руководителями Мурманской области: как они допустили такое? Как намерены исправлять положение?

Еще в декабре 1968 года вместе с Министерством внутренних дел СССР было принято решение о совместной работе комсомольских организаций и органов МВД по предупреждению безнадзорности и преступлений среди несовершеннолетних. К чести комсомола надо сказать, что уже первый его вклад в это благородное дело ощутим. И все же фронт борьбы за подрастающего человека должен быть неизмеримо расширен. Потому члены комиссии так требовательны и так жадны ко всякой крупице опыта.

Переходный возраст — возраст исканий, пора осмысливания себя и окружающего. Это и семья с ее своеобразным переплетением личных отношений, в которых подросток отстаивает свою особую позицию, и школа, где ему открываются все более дальние горизонты знания и усложняются контакты с товарищами, учителями, коллективом, и двор с его компанией, которая импонирует своей непринужденностью и независимостью от взрослых, и улица с ее на-

пряженным пульсом движения, магазинами, зрелищами, пробуждающими множество желаний, и загородный простор, где так сладостно побродить, где стальная колея и бетонная автострада уносят мысленно в далекие города и страны...

Все это — единый и противоречивый мир человека, вступающего в жизнь. И однолинейный подход к нему невозможен. Как ни важно то или иное воспитательное усилие, оно часто не дает полноценного эффекта именно потому, что оно отдельное, изолированное... Учитывая это, комсомол выступает инициатором единой общественно-воспитательной системы в работе с подростком. Что такое возможно и по-настоящему результативно, убедительно говорит, например, опыт Львовской области.

Сначала две цифры. Число школьников среди тех, кто совершил во Львовской области преступления, снизилось втрое по сравнению с 1967 годом. Почти вдвое уменьшилась эта цифра для работающих подростков.

Поставим рядом другие данные: Свыше 3000 технических кружков охватывают 50 тысяч учащихся.

53 клубами юных рационализаторов руководит областная станция юных техников.

7 городских станций юных техников организовано на общественных началах.

154 спортивные площадки построили комсомольцы при домоуправлениях. А в последнее время еще 80.

400 дворовых футбольных команд участвовали на приз клуба «Кожаный мяч» в 1969 году.

Свыше 4000 экспедиций по местам трудовой, революционной и бое-

вой славы народа провели юные следопыты в 1969 году.

В области 69 музеев, 400 комнат и 1870 уголков В. И. Ленина.

200 детских комнат созданы при домоуправлениях и сельсоветах.

72 подростковых лагеря было в нынешнем году.

376 комсомольских оперативных отрядов действуют по области.

Около 2000 учителей, рабочих, служащих, пенсионеров, ветеранов войны входят в корпус общественных шефов-воспитателей.

Вся эта работа основана на сотрудничестве и тесном взаимодействии комсомола с партийными, административными органами, учебными заведениями, профсоюзами, спортивными обществами, ДОСААФ и др. В этом — объяснение ее действенности.

Уменьшение правонарушений — не единственный ее результат. Поражение зла всегда есть одновременно победа человечности, воли, способностей. Каждый вовлеченный в коллективную деятельность подросток — это новый следопыт или рационализатор, художник или опытник. Разнообразие форм работы ценно именно тем, что открывает многие пути воздействия на юную личность.

Конечно, главное в жизни подростка — учение. Но когда воспитание замыкается лишь на нем, судьба человека попадает в узкую зависимость от школьных отметок. И любая неудача здесь грозит общим разрывом с педагогами, с коллективом, утратой веры в свои силы. Тем более важны здесь возможности не прямые, а так сказать, обходные. Они — прекрасное средство «перековки» трудного питомца. Но тут и требуется широкий взгляд на воспитание, построение его как многозвеневой системы. Окажись какое-либо звено — семья ли, товарищи, учение — слабым, другие звенья, компенсируя его, сохраняют подростка в сфере нравственного, не дают ему сорваться, помогают вновь подняться на ноги.

Интересен в этом смысле Липецкий экспедиционный клуб старшеклассников «Неунываки».

Можно бы опять начать с цифр. За пять лет «неунываки» провели более 2000 дней в различных экспедициях, установили 57 обелисков и мемориальных досок героям Великой Отечественной войны, собрали материал о 114 елецких комсомольцах-разведчиках, действовавших в тылу фашистов. Они написали историю боевого пути 6-й гвардейской ордена Ленина Ровенской дивизии, нашли документы, позволившие представить к награждению группу участников гражданской и Великой Отечественной войн. Только за прошлый год

ребята отработали 15 тысяч дней — в трудовых десантах на предприятиях, в строительном отряде старшеклассников, в ремонтных бригадах сельских школ, на уборке урожая, в учреждениях связи.

Но все ли дело в цифрах? В воспитании важен тот душевный, нравственный «заряд», что создается каждым днем труда и похода, каждым поставленным обелиском и найденным документом.

Вот экспедиционный альбом «неунывак». На снимках — степные просторы и леса, селения и встреченные люди. Восстановленный мост через речку и ребячья подпись: «Мост, который подорвал вместе с собой рядовой Михаил Болоцкий, чтобы не пропустить гитлеровские танки». Скромный памятник, вокруг колхозники. «Мы уходим. А обелиск, поставленный нами, рассказывает людям о бессмертных героях». Пожилая женщина в платке, рядом ребята, занятые строительным делом. «Она потеряла на войне сына. Понимаете, мы не могли уйти от нее просто так. Оштукатурили дом...» Группа следопытов слушает местных жителей. «В селе Волове наши летописцы записали историю о 15-летнем герое Володе Бачурине».

В походах всякое бывает. Ребята учатся здесь новым отношениям, новому поведению. В одном селе с отрядом «неунывак» встретился безногий ветеран войны. «Кто вас послал?» — спросил он. Получив ответ, покачал головой. «Вы говорите, военный-исторический музей, а сами, смотрите, — лохматые, рубахи грязные. Курите. А знаете ли вы, что фашисты у нас 55 жителей сожгли? Тут у каждой матери — горе. А вы идете к ним такие!» В общем — ошпарил ребят. И они по-другому взглянули на себя.

За каждым делом стоит внутренняя, облагораживающая подростка жизнь, которая превращает его в настоящего человека. Более четырех тысяч мальчишек и девчонок за пять лет существования клуба прошли через эту общественную школу. Теперь они студенты вузов, учащиеся техникумов и профессионально-технических училищ, воины Советской Армии, рабочие.

...С двумя из них, Таней Ерофеевой и Сашей Третьяковым, мы познакомились на комиссии в ЦК ВЛКСМ. Славные и красивые ребята! Красивые своей подтянутостью, душевной приветливостью. Саша — студент третьего курса пединститута, а когда-то он не хотел учиться. Один из организаторов клуба, Вася Акулов, решительный парень, прямо заявил ему: «Учиться не будешь — иди работать. Работать не будешь — плохо конишь. А мы тебе этого не позво-

лим!» Но не было никакого страха, наоборот, Акулов и его друзья покорили мальчишку своей молодостью, энергией, жизнерадостностью. За такими куда угодно пойдешь! И теперь, размышляя о том, что могло ему совершить восхождение к педагогическому вузу, Саша Третьяков говорит: «Кругом были хорошие люди... Много хороших людей».

Поистине в этом «секрет» воспитательной силы и жизненности клуба «Неунываки». Его создатели — молодые люди — «великолепная семерка», как их называли: Владислав Ширяев — работник комсомольской газеты «Ленинец», Василий Акулов — бригадир слесарей тракторного завода, Галина Шмакова — инженер-экономист, Володя Шевелев — студент строительного техникума, Володя Савельев — инженер тракторного завода, Алла Ширяева — студентка пединститута, Ольга Соколова — учительница. За комсомольцами потянулись и старше. Среди них рабочие, учителя, студенты и такие колоритные фигуры, как Алексей Михайлович Садиленко — командир партизанского соединения в Чехословакии, прозванный немцами «черным генералом», как его супруга Зинаида Михайловна Титова, партизанская медсестра, ее имя присвоено одному из предприятий в Пршехове (Словакия).

У «неунывак» своя штаб-квартира, отряды имеют комнаты в домоуправлениях, школах, внешкольных учреждениях. Клуб предлагает каждому широкое поле деятельности — туризм, спорт, военно-прикладные занятия, общественный труд, художественную самодетельность. Посвящение в «неунываки» происходит в торжественной обстановке на общегородском сборе. Все экспедиции оканчиваются — по сложившейся традиции — на центральной площади имени Ленина.

Два года пребывания в клубе физически закаляют, духовно обогащают и нравственно поднимают подростка. И когда он получает на руки «выходную» грамоту, которая начинается словами: «Человеку, которому мы верим, как самим себе», то знает, что обязан оправдать их всем своим поведением и жизнью.

Львов и Липецк — только примеры, но ныне их можно уже значительно умножить. По сути, рождается новая и важная отрасль педагогики, которая идет в наступление на «ничейную землю» между семьей и школой, умело проводит человека через трудный перевал между детством и взрослостью.

Ей, этой общественной педагогике, — нашу родительскую, нашу живую и столь нужную подмогу!

А. ЛЕВШИН

РЫЧАЖОК

Я приехала на шелковый комбинат в город Наро-Фоминск Московской области. Меня пригласили прочесть лекцию. Тема — воспитание подростков. Среди моих слушателей большинство было женщин. Матери, бабушки задавали мне вопросы. Одна из женщин сказала:

— Никаных тут законов и правил нет — как хороших людей вырастить. Вот и нам после войны поступил паренек — Володя Спахов. По паспорту шестнадцать ему было. А на вид — заморыш: рос-то он в голдуху. В сорок втором сюда фашисты пришли. Володина мать по воду вышла — ее пристрелили. Отец был на фронте. Так что Володну отправили в детдом, как только немцев от Москвы отбросили. Из детдома он сбегал. И где только ни шатался с такими же ребятами. Потом узнал, что отец с фронта в Наро-Фоминск вернулся — и Володя тоже пришел сюда. А у отца уже новая семья, новые заботы... Володя просто мог снова куда глаза глядят порваться. Глаза у него шустрые, смекалистые, привык уже сам о себе мозговать — как день прожить. Но вот пошел к нам в комбинат в трепальный цех — и уже двадцать два года там. Двадцать два года! Сейчас он — поммастера. Потому что не только института или техникума, он и семилетку не закончил. Но предсказаний рационализаторских у него с полсотни! В работе безотказный. А какой семейный! Женился в восемнадцать лет. И жене его, Зине, столько же было. Она тоже у нас ткачихой работала. Сейчас им по 38, детей трое: старшая — в техникуме, двое — в школе. Квартира хорошая. Дом сами рабочие строили, и Володя, бывало, после работы — сразу на стройку. И в квартире все его руками. И детей без присмотра никогда не оставляет: с Зиной в разных сменах работают, чтобы можно было по очереди готовить, по очереди малыша в школу провожать.

А кто же самого Володну таким человеком сделал? Ведь будто и не пришлось ему в детстве в грязь окунуться, сам все с себя стрянул. Да, сам.

Никто его не перевоспитывал, никто с ним в комбинате не нянчился. Пришел на производство с улицы — а тут все отлично пошло. Никаных ему замечаний, одни грамоты да благодарности. Ну как же вы такое объясните?

Я ответила, что мне трудно судить о человеке, которого я в глаза не видела, и попросила, чтобы меня с ним познакомили. Захотелось на него взглянуть, поговорить с ним, тем более что легко было найти предлог для разговора. Он — рационализатор. Это всякому журналисту интересно.

Меня повели в трепальный цех. Мы прошли мимо тюков с шелковистым белым сырьем, поднялись по лестнице, и я увидела агрегаты, на которых это сырье преобразуется в холст. Крутятся валы, белейшее шелковистое волокно движется широкой полосой — это уже холст.

— А вот и Володя!

Никан не дашь ему тридцати восьми лет, на вид совсем молодой парень. Глаза действительно «шустрые, смекалистые», но ни хитринки в них. Услышав просьбу рассказать о наком-нибудь из его рационализаторских предложений, Спахов удивился.

— Так у меня ж нет ничего такого особого!

— Но все — нужное. Иначе не внедряли бы, — возразили ему. — Просят — рассказывай.

— Ладно, покажу то, что сейчас действует. Будет понагляднее.

Спахов подвел меня к одному из агрегатов с движущимся холстом, нагнулся, взял с пола кусочек шелковистого полотна и стал объяснять:

— Видите, на трепальных машинах даже такой лишний кусочек волокна, если попадет он в плетильные валы и создаст утолщение, приводит к поломке. К поломке шестерен и рычагов. На поломке деталей и простое цех терял производительность, много расходовалось шестерен и рычагов... Думали, думали, как это исправить, и додумались. Смотрите!

Спахов приложил к движущейся полосе кусочек волокна, полоса захватила этот кусочек, вошла с ним под крутящийся вал.

— Утолщение будет, а поломки не произойдет.

И вдруг — стоп! Полоса холста повисла неподвижно.

— Полотно! — испугалась я. Взглянула на Спахова, лицо его светилось гордостью.

— Видите, — сказал он, — какая чувствительность! Все остановилось, потому что сработал элементромеханизм, который реагирует на самое небольшое утолщение. Все остановилось — и полотно предотвращено. Теперь достаточно вытащить этот лишний кусочек волокна — и снова можно запустить машину. Такой пустяк, а экономия значительная.

Спахов нажал на какой-то рычажок, и шелковистая белая полоса сразу снова начала свое движение.

— Из моих последних предложений это, так сказать, самое стоящее.

— А какое было первым? С чего началось? Как началось? Рассказывайте.

— А это я как раз тоже могу показать. До сих пор в действии. Спахов повел меня в другой конец цеха.

— Вот тут старые трепальные машины иностранной фирмы.

В них были различные неудобства в обслуживании. Например, рычажок. Рычажок, при помощи которого останавливают машину. Он был скрытый. А эта машина наработает холст определенной длины. Когда нужная длина холста уже наработалась, тут же срабатывает механизм отсечки и подача холста прекращается. И вот однажды, когда механизм отсечки не сработал, мастер хотел остановить машину, чтобы прекратить подачу холста, устранить дефект, — и просунул руку к рычажку. А его палец соскользнул в шестерню! В общем, оторвало мастеру палец. Хороший был мастер, молодой, Мирослав фамилия. До того я это переживал. Это случилось вскорости, как я на завод пришел, мне тогда еще шестнадцать не минуло. И когда мастера к врачу повели, я, значит, стал вокруг машины крутиться. Как же, думаю, сделать, чтобы никогда подобного не повторилось? А оказалось так просто, что себе не поверил: вынес я этот скрытый рычажок за пределы машины. И все. Потом уже ко всем таким машинам эти открытые рычажки приделали — и больше ни простоев, ни брака, ни несчастных случаев. А мне говорят: «Надо же оформить твоё предложение. Это же рационализация». Ну и помогли оформить. И затем — пошло: только случится какая авария, я уже думаю — как бы сделать, чтобы не повторилось. И додумываюсь. А если мелькнет идея, которую мне самому дотянуть не под силу, привлекаю соавторов...

Почему же сами вы не доучились? При таких способностях! Хоть бы в техникум поступили.

— Еще поступлю. Пона дети были маленькими, мне бы никак еще с учебой не справиться. Я ж очень рано семей обзавелся. Но тогда я не понимал, что я сам еще малец. Как стали тогда мои предложения внедрять, так я сразу себя, можно сказать, почувствовал. Вроде — полезный я человек. И в быту моем никаких аварий больше не было, словно этот рычажок к моей жизни приладили. Случится трудность (а без трудностей ни у кого не бывает) — мы с женой тут же все сразу обдумаем: как с этим справиться и принять меры, чтобы уж подобного не повторилось...

Женщину, которая рассказала мне о Спахове, я больше не увидела, но, возвращаясь из Наро-Фоминска в Москву, я в повзду мысленно все время отвечала на вопрос этой женщины: «А его кто так вырастил? Кто Володну перевоспитал?»

Успех в труде. Не тот успех, который измеряется материальным благополучием, высоким служебным положением, а успех осуществленного, нужного людям дела. Придумал парень рычажок — и не сет этот рычажок свою службу. Да такую нужную службу — двадцатилетием проверенную. И протянул за собой рычажком за двадцатилетие пятьдесят одну рационализаторскую мысль и осуществлению, внедрению, а Володя Спахов — к жизни, наполненной интересом, смыслом и любовью.

Э. МАЛЫХ

педагогические страницы „горьковского рабочего“

Хотите познакомиться с Сережиной мамой? Не пожалеее.

Вот как она развивала воображение своего малыша. Начала с картинок. Раскроет Жюль Верна или Александра Грина, и мальчуган замрет, разглядывая горделивые фрегаты, изящные бригантины, причудливые каравеллы. Потом, когда младшие ее сестры кончали уроки, приглашала и их:

— Почитаем Гайдара!

«Чука и Гека» сменила «Военная тайна», за ней — «Судьба барабанщика». Сережа подрастал и сам стал читать. Но мама — большая выдумщица — не оставляла так прочитанного. Вместе сочиняли игры: то отправлялись в далекие путешествия и открывали новые земли, то устраивали бронепоезд и отважно сражались с белыми, то разыгрывали сказку. А летом много бродили по лесам и полям, собирали грибы. Осенью провозжали птиц и делали букеты из разноцветных листьев. Так в жизнь мальчика входила природа и красота. Потом увлекла прогулками Сережин класс. Сережа и мама показывали ребятам, что можно создать из веток, шишек и желудей. Устроили конкурс «Природа и фантазия».

Тамара Валентиновна Серова — желанный гость в школе. Она все умеет — делает к вечеру о Крылове маски Волка и Журавля, сочинит частушки, научит мастерить игрушки для елки. Член родительского комитета, Тамара Валентиновна вовлекла в ребячью жизнь бригаду швейного объединения «Маяк», где она работает.

...Про Сережину маму все узнали из заметки О. Морозовой «Что умеет мама», опубликованной в газете «Горьковский рабочий». Впрочем, на третьей странице кроме этой заметки много интересного. Актер ТЮЗа И. Тареев рассказывает, какая великолепная вещь — детский театр. Г. Павлов вспоминает, как его, мальчишку, старшая сестра повела на концерт и как после этого музыка стала страстью, которая с годами захватывает все больше. «Очень часто, — пишет учитель В. Костерин, — к моему сыну приходят его товарищи. Приходят поиграть и непременно порисовать: они уже знают, что у дяди Славы специально для этого припасены хорошая бумага и мягкие разноцветные карандаши. И вот шумное веселое детских игр сменяется тишиной и сосредоточенностью; ребята рисуют, уходя всем существом своим в мир красок, линий, образов». Старший режиссер телевидения М. Мараш рассказывает, что он уже был взрослым, когда у них появился телевизор, и боязно было отойти от экрана — пропустишь что-нибудь интересное. «Теперь дети, — замечает он, — не помнят «дотелевизионного времени». Телевизор в квартире — как радио, как мебель — само собой разумеющееся. Но боязнь пропустить что-либо осталась. И надо определить, какое место в ребячьей жизни он занимает, надо обучить детей пользоваться голубым экраном».

Не станем излагать всего содержания странички. Оно обозначено в общей рубрике: «Сегодняшняя страница для родителей — об эстетическом воспитании в семье».

«Сегодняшняя страница...» Значит, она не первая и не последняя? Да. Перелистаем газетный комплект. «Сегодняшняя страница — о работе с родителями в Приокском районе» (13 октября 1969 года); «Эта страница — о профессиональной ориентации школьника» (17 ноября 1969 года); «Наша сегодняшняя страница для родителей посвящена теме формирования личности ребенка» (15 декабря 1969 года); «Сегодняшняя страница для родителей — о воспитании у школьника интереса к знаниям» (2 февраля 1970 года); «Сегодняшняя страница посвящена воспитанию у наших детей идейной убежденности, сознательности, активности, гражданственности» (6 апреля 1970 года); «Эта страница для родителей — о самых маленьких» (6 июня 1970 года)...

Более 16 страниц с 1969 года: одни — тематические, другие — сборные; круг проблем семейного воспитания, затрагиваемых газетой, очень широк. Тут есть статья-раздумье и интервью с интересным человеком, обмен опытом и консультации специалистов, заметки о книгах и письма читателей, и все это живо изложено, вызывает желание поразмышлять, поспорить.

Эту страницу в газете находят сразу по знакомой плашке в верхнем левом углу с тремя крупными буквами ПВР — «Педагогический всеобщ родительский».

Есть такое выражение — «театральный город». Это значит, что здесь не просто имеется театр, но он — любимое детище города. Здесь тонко ценят самое искусство сцены и гордятся своими лучшими актерами, называют их по имени и отчеству, как личных знакомых. Очередная премьера здесь — событие, волнующее всех горожан. Такой же смысл и в выражении «музыкальный город». Так вот Горький — этот крупнейший индустриальный центр, славный своими рабочими и революционными традициями, — город не только театральный и музыкальный. Он, можно сказать, и «педагогический город». Здесь родилось шефство предприятий над школами, здесь складывался первый опыт работы с детьми по месту жительства, возникли первые домовые ребячьи клубы. Общественная забота о детях стала традицией города. Газета «Горьковский рабочий» достойно поддерживает эту традицию.

Овладение педагогическими знаниями — дело добровольное. Все тут держится на сознательности и желании хорошо воспитать своих детей. Вот где, как воздух, необходима сила доброго общественного мнения! И то, что сделано «Горьковским рабочим» — около ста содержательных педагогических выступлений за полтора года, — помогает людям приобщаться к воспитательскому искусству.

Педагогическое знание — не просто сумма воспитательных рецептов. Знание это всегда проверяется любовью, уходит корнями в жизненный опыт. Такое знание не получится в готовом виде, его надо «внести» в себе, повседневно вникая во внутренний мир своих детей, критически оценивая каждое свое воздействие на них, проверяя себя тем, что говорит наука. И газета со своими разнообразными, интересными «родительскими страницами» учит этому отцов, матерей.

На страницах местных газет стали обычными выступления на темы воспитания, но их содержание нередко сводится к констатации отрицательных явлений: смотрите, к чему приводит ребячья безнадзорность; смотрите, какие бывают безответственные родители; вот как вреден формализм в воспитании. Конечно, и такие «сигналы» нужны. Но когда дальше указаний на однотипные факты, дальше постановки одних и тех же проблем дело не идет, пользы от подобных выступлений немного. В конце концов читатель желает получить ответ на ос-

новное: как предупреждать такие факты, как решать эти проблемы? Стремление отвечать на такие вопросы на основе опыта и науки выгодно отличает выступления «Горьковского рабочего».

Не подумайте, что на «родительских страницах» «Горьковского рабочего» нет критики. Но как важно, когда сама тема ее свежа, когда она вскрывает серьезный недочет там, где до того все представлялось ясным и правильным. Вот учительница Г. Туралина в статье «Что посеешь...» (6 апреля 1970 года) напоминает о необходимости умело и тактично приобщать ребенка к большим событиям в жизни Родины. Всегда ли мы проявляем такой такт и умение? «День 8 Марта,— пишет она,— прежде всего для трудящихся, работающих женщин. Именно это стоит объяснить ребятишкам. А дочь приходит из школы с кучей поздравительных открыток от мальчишек и не понимает, что это всего-навсего залог на будущее...» Или другое: «День 23 февраля... Сын-школьник, забыв поприветствовать соседа-фронтовика, принимает поздравления одноклассниц с таким видом, как будто он штурмовал рейхстаг».

Но автор не останавливается лишь на ошибочном, а приводит опыт интересного и доступного детям участия в этих праздниках. Такого участия, которое действительно помогает ребенку ощутить их патриотический и революционный смысл и оставляет в детских душах зародыши больших гражданских чувств.

Педагогическое просвещение — искусство тонкое. Мало иметь правильную идею. Главное — донести ее до людей, затронув не только ум, но и сердце — да так, иной раз, чтобы она потрясла. Как это сделать? Тут, как и во всяком искусстве, нужны свои находки, открытия. Вот мы знаем, как велика роль матери в воспитании. Но «лобовые» рассуждения об этом ничего не дадут. Редакция «Горьковского рабочего» приглашает на «родительскую страницу» актрису ТЮЗа О. Треймут. В статье «Самый сложный образ» (3 марта 1969 года) актриса вспоминает, как она, играя роли девушек и молодых женщин, с сочувствием поглядывала на актрис, которые в силу возраста или особенностей дарования работали над образами матерей. «По поверхностному суждению роли эти казались мне малоинтересными, не имеющими собственных проблем, похожими одна на другую. Любит сына или дочь — вот и все». Но вот пришло время ей самой играть матерей. «И вдруг оказалось, что у каждой из этих женщин громадные залежи раздумий, чувств, мечтаний, порой гораздо более глубоких, чем те, что встречались мне раньше».

...Мать Валерия мечтает о гуманитарной профессии для сына, а он решил стать летчиком. Страх затмил сознание матери, она прибегает к насилию: идет в военкомат и забирает документы. Добрые отношения в семье рухнули... Вот другая мать. Горячая любовь к сыну сочетается с непониманием его личного мира. И когда к Игорю приходит любовь, мать не находит ничего лучшего, как оскорбить ее, унижить. Сын уходит из дома. Сколько драм происходит из-за слепоты материнского чувства, из-за неумения правильно подойти к своим взрослеющим детям. «Думайте, мамы, думайте, — хочется мне сказать этим матерям, сидящим в зале, — иначе и вам придется тяжело переживать».

Думайте, мамы!.. Взволнованный призыв актрисы не может не дойти до читателей. Доверие к ее словам тем более сильно, что актриса сама мать двоих детей.

На «родительских страницах» газеты немало удачных выступлений. Слово о воспитании по-настоящему задевает читателя, не оставляет его равнодушным. Множество писем, продолжающих поднятые темы, — лучшее тому свидетельство.

Л. КНОРИН

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

КАЖДЫЙ ГОД НА СОБРАНИИ родителей будущих первоклассников директор десятой школы Людмила Николаевна Титова представляет мамам и папам тех, кто будет учить и воспитывать их детей. В этот день Валентина Михайловна Чупрыгина надевает нарядное платье и прикрепляет орден «Знак почета». На собрании ей непременно предоставляют слово. Говорит она о вещах обыкновенных, но говорит так вечно, что родители сразу проникаются к ней доверием.

— В нашей школе все ученики с первого до пятого класса обязательно получают горячие завтраки, а кто хочет — еще и обеды. Группы продленного дня обедают обязательно. Меню для ребят составлено с учетом особенностей детского организма. Стоит завтрак 15 копеек, обед 30. Для того чтобы малыши не имели дело с деньгами, не теряли их и не тратили на конфеты и кино вместо еды, мы ввели в начальных классах лимитные книжки, для остальных абонементы. Деньги на них нужно отдавать учителям...

Затем она рассказывает о том, как организовано питание, о дежурствах в буфете детей и родителей. И наглядно, на специально устроенной выставке показывает, чем будет кормить ребят.

Все слушают ее с интересом. Все, конечно, согласны и на абонементы и на дежурства. Тут же составляется график этих дежурств.

...Звонок на первую перемену. Один за другим в буфет входят дети-дежурные в белоснежных фартуках, нарукавниках и колпаках. Они забирают в классы свои кружки и приготовленные для них завтраки. Меню недельное, то есть каждый день другое. Вчера, например, были сосиски с хлебом и сок, сегодня — кефир с сахаром и булочка с маком. Завтра будут мясные биточки и какао...

Тут надо сделать маленькое отступление. Дело в том, что в десятой школе, построенной давно, по старому проекту, в отличие от школ-новостроек нет просторной столовой. Буфет ютится в обычной классной (естественно, переоборудованной) комнате на первом этаже. Здесь могут одновременно сесть за столы всего gridцать-сорок человек. А накормить ведь нужно всех! Следовательно, единственный выход — доставлять еду в классы.

И делать это надо быстро, четко и обязательно соблюдая все требования санитарии. Школа закупила эмалированные кружки для младшеклассников. Они хранятся в кладовой при буфете в белых мешках — у каждого класса свои кружки в своих мешках. По субботам мамы по очереди берут домой мешки и три формы дежурных своего класса, стирают их, крахмалят, гладят и в понедельник возвращают учительнице.

У Валентины Михайловны отличная память. Она знает всех ребят.

— Таня, возьми лоток с булочками.

— Петя и Слава, для вас корзиночки с кефиром.

— Ты почему, Ира, сегодня лохматая и чулочки не подтянуты? Имей в виду, неаккуратных я лишая права дежурить.

— Коля, ты забыл поздороваться.

— Лена, иди прямо, не сутулься.

Но вот еда уже в классах. Малыши вынимают из портфелей полиэтиленовые пакеты с полотенцами и мылом, идут мыть руки. Затем возвращаются, расстилают на партах принесенные из дому салфетки, берут свой завтрак, кружку и едят. Потом дежурные относят посуду в буфет.

— Спасибо, Сережа! Спасибо, Таня! Молодцы! — благодарит Валентина Михайловна.

Ну вот малыши поели. Начинается новый круг забот,

Валентина Михайловна сервирует столы для пятиклассников. За несколько минут до третьей перемены на столах появляются биточки или жареная рыба с гарниром, чай или какао.

Время старшеклассников — после четвертого урока. Потом обедают группы продленного дня. А после всех учеников — учителя. И так весь день, с восьми утра и почти до пяти вечера, кормит Валентина Михайловна школу.

И все время она что-нибудь придумывает, старается, чтобы всем было сытно и удобно. Вот поставила в учительской самовар и устроила чайный стол. Она не довольствуется утвержденным меню, а приходит к поварам базовой столовой и требует то, что любят ее дети.

Валентина Михайловна — неперенный участник педагогических советов. Если послушать, как тут толкуют о детском питании, то станет ясно, что работа буфетчицы не техническая, а педагогическая. У нее с учителями полное взаимопонимание.

— В буфеты всех наших восемнадцати школ мы даем одинаковые продукты, меню одно и то же, и зарплата у буфетчиц одинаковая. Но такого порядка, такого блеска, чистоты, широкого ассортимента и стольких похвал и благодарностей учителей и родителей, как у Чупрыгиной, нет больше нигде, — говорит директор базовой столовой С. И. Шварц.

Когда матери уезжают в командировку, они приходят к буфетчице и говорят, как близкому человеку: «Вы уж последите, пожалуйста, за моим...» И она следит строго и заботливо.

Валентина Михайловна входит в жюри школьных КВН, в программу которых обязательно включаются задачи и вопросы по кулинарии и сервировке. К ней идут перед каждым туристским походом посоветоваться о провизии. В буфете проводят пионерские сборы на тему «Как ты помогаешь маме». Учителя объясняют здесь третьеклассникам уроки на тему «Весы», «Счеты». И сама Валентина Михайловна организует семинары с дежурными ребятами, то есть практически со всеми учениками начальной школы, потому что дежурят в буфете все по очереди.

Почувствуя, перенять опыт приезжают к Чупрыгиной из разных школ Москвы и из многих других городов. Министерство торговли РСФСР организовало здесь даже республиканский семинар по школьному питанию. Солидное было собрание. Не обошлось, однако, без курьеза.

Увидев торжественных маленьких дежурных в белой форме, одна из участниц семинара восхищенно сказала соседке:

— Здорово!

— Ну что вы, — ответила та, — это же все показуха.

Ее слова услышал проходивший мальчик, обернулся и громко сказал:

— Извините, это не показуха. У нас так каждый день!

...Восемнадцать лет назад Валентина Михайловна привела в эту школу своего сына, увидела, что здесь нет столовой, стала налаживать питание для детей. Так она стала школьной буфетчицей. Сын Георгий уже окончил институт, а она все кормит ребятшек...

За этот нелегкий труд и награждена она орденом. Много почетных грамот в ее семейном архиве и среди них — недавняя юбилейная, в честь 100-летия В. И. Ленина. А трудящиеся Калининского района, где В. М. Чупрыгина работает и живет, выбрали ее депутатом в райсовет.

М. ЛИДИНА
Москва

в сосновом бору

В субботу и воскресенье я, как всегда, отправляюсь с восьмилетним сынишкой Игорем и его другом Валеркой в сосновый бор кататься на лыжах. Сначала едем на троллейбусе километра два, а потом становимся на лыжи и мчимся по полянке к бору.

У бора нас встречает раскидистый молоденький ельник, весь запорошенный снегом.

Мы с Валеркой ничего не замечаем. Нам бы только лететь и лететь все быстрее и быстрее, чтобы ветер в ушах свистел. Иногда Валерка перегоняет меня, тогда он кричит на весь лес, чтобы Игорю было слышно: «Мастер спорта приближается к финишу!» Признаться, мне с ним интересно кататься. Игорь же мой очень отстаёт от нас. Съедет с горы несколько раз и останавливается. Вначале я думала, что он просто устает, а потом не может отыскать лыжню, по которой прошли мы. Лыжни разбегаются лучиками в разные стороны.

В этот раз я решила идти за ребятами последней. Валерка уехал далеко вперед. День был чудесный, солнечный. Проехав немного, Игорь присел, что-то рассматривая, потом надломил веточку и приставил к огромной пышной белой шапке пня. Тут и я увидела: пенёк и впрямь старичок-лесовичок. А вот Игорь подтёхал к малюсенькой съездившейся елочке и крикнул: «Мам, смотри — ежонки!» И правда — похоже. Снежный наметенный бугорок кажется ему шалашиком, а вот что-то диковинное, какой-то зверь или птица, а тронь — рассыплется и не останется следа. Потому Игорь предупреждает: «Тише, тише, а то сломаешь все». Да, сколько здесь неразгаданного, заманчивого, интересного. Так вот почему сыну так хорошо одному здесь.

Прокатившись с горки, — наверно, все-таки замерз, — Игорьек вслушивается в пение невидимой пичужки, а после собирает маленькие веточки и сосновые шишки. Дома опять появится множество оленей, ежиков, сов, медведей, белочек и старичков-лесовичков.

В этот день я как бы окунулась в мир сказки, фантазии и волшебства.

Г. ФАДЕЕВА
г. Калуга

всё началось с субботника...

...Думаю о Вячеславе Макрине. Учится он хорошо, но ведет себя как? На уроках труда в мастерской нет никого, кто хуже выполнял бы задание. Во время уборки двора может просто сбежать. А как дежурит — тошно смотреть.

Вячеслав — единственный сын, родители работают. Живут в достатке. На родительские собрания приходила главным образом мать. А по отдельным признакам я чувствовал: в семье Макриных именно отец влияет на сына.

Встретиться с ним долго не удавалось. Но однажды помог слушай... Еще шел сентябрь, но как-то сразу похолодало. А в классах не везде утеплили окна. Пришлось просить родителей помочь, и сделали они все быстро, добротнo. Жаль только, отец Макрина не пришел, хотя я его приглашал через сына, — хотелось заодно и о Вячеславе поговорить. Впрочем, он пришел — несколько дней спустя.

— Разрешите войти, товарищ директор?

В голосе чувствовалась официальность, и разговор вначале не получался. Отец ограничивался общими вопросами о сыне, а сам о нем ничего не рассказывал.

— Знаете что, Василий Илларионович, — неожиданно предложил я, — идемте посмотрим школу.

...Кабинеты, лаборатории, мастерские, музей. Почетные грамоты за спорт и труд. Богатый краеведческий материал о настоящем и прошлом Оренбуржья.

Вот и класс, где учится Вячеслав. И тут мне стало ясно, с какой целью пришел отец. Он придирчиво оглядывал окна, двери, проверял, не дует ли,

— Вполне чисто и тепло, — одобрил он.

Я улынулся:

— Да, окна заделали на совесть. А вы, догадываюсь, хотели попросить, чтобы отсадили сына от окна. Не правда ли?

Отец смутился и стал длинно доказывать, что Славик с детства подвержен простуде, что ему противопоказан физический труд.

— Наконец, почему я должен замазывать окна? — заметил он. — Я этим и дома не занимаюсь.

— Мне просто хотелось увидеть вас, — миролюбиво ответил я. — На родительских собраниях вы не бываете, а есть нужда поговорить, и именно с вами. По-моему, вы зря преувеличиваете недуги Вячеслава. Вот с нравственным здоровьем у него, пожалуй, не все ладно.

И я рассказал отцу о том, что меня беспокоило. Он долго молчал, потом спросил:

— Что же, наказывать теперь сына за все это?

— Не в наказании дело. Да и кого наказывать? — заметил я с некоторой иронией. — Вот вы сами сейчас пришли в школу с единственной заботой: чтобы сыну было хорошо. Остальное вас не интересует. Не потому ли и Вячеслав живет только для себя?

Василий Илларионович рассердился.

— Что это вы родителей превращаете в рабочую силу? Думаю, мы не так бедны, чтоб по каждому пустяку воскресники устраивать. В конце концов соберите с нас деньги и наймите человека.

Говорить становилось трудно. Макрин-старший не хотел понять главного: его отношение к школе передается сыну, воспитывает эгоиста и белоручку. Я напомнил отцу случай, когда Вячеслав сбежал из трудового летнего лагеря — ему, видите ли, «противопоказаны» солнце и морозы. Знает ли отец, сколько Вячеслав сам потерял? Я предложил ему познакомиться с ребятами лагерными дневниками, боевыми листками, фотографиями, сочинениями. Долго и с интересом читал их Василий Илларионович. Потом я вернулся к нашему разговору.

— Школа никогда не согласится собирать деньги с родителей, как вы предлагаете, Василий Илларионович. В этом нет нужды. Нам нужен личный пример отцов и матерей, он дороже всяких денег. На этом мы воспитываем де-

тей. Вот завтра у нас будет субботник по сбору металлолома. Приходите, пожалуйста, посмотрите.

Разошлись мы ни тепло, ни холодно.

...Утро. Перед началом субботника — традиционная линейка. Четкие квадраты отрядов. Лозунги, транспаранты: «Даешь 2 тонны!», «Соберем на машину «Москвич!» «Весь сбор — детям Вьетнама!».

Митинг окончен, все отправляются на сбор... Наконец издали слышится шум, смех, голоса. Показалась первая тележка. Ученики 3-го класса «А» открыли счет металлолому. С ними бабушка Наташи Соколовой. Вкатил грузовик, нагруженный доверху: отец семиклассника Саши Кузнецова, шофер, сумел помочь ребятам.

Заключительная линейка тут же у горы металла, на вершине которой весело водрузили флаг. Комитет комсомола подвел итог соревнования. Торжественно объявили: считать Наталью Васильевну Соколову почетной бабушкой класса. Михаилу Ивановичу Кузнецову вручили грамоту. И вдруг — не услышал ли я? — объявляют благодарность и Макрину Василию Илларионовичу!

...При встрече он сказал мне:

— Зря вы плохо думаете про Вячеслава. Знаете, как он работал? От меня не отставал!

Ну что же, все правильно...

А. ГУСЕВ,
директор школы
г. Оренбург

Звонок на перемену

Часто от сына слышу: «Нечего делать на переменках». Дома он без дела не бывает: или читает, или играет, или делает, что скажешь. Братья в школу художественную литературу не разрешаем, бегать и баловаться запрещаем, поэтому он не знает, чем заняться.

Дежурные учителя (иногда члены родительского комитета) следят в основном за тем, чтобы ребята не устроили драку. А так каждый делает, что хочет.

Мне кажется, отдых надо организовывать (или подсказать ребятам, как это делать) в виде шумных игр, викторин, а после на-

пряженных уроков устраивать легкие физические упражнения. Может, я ошибаюсь, обращаюсь за разъяснением.

БОТЕВА
г. Архангельск

Причина моего письма — перемены. Школьные перемены! Типичная картина для всех школ: звенит звонок, из классов вырываются ребята, с шумом, с криком. И так все 10—15 минут в коридоре стоит шум. Утомляются ученики и учителя. Можно ли это изменить? Мне кажется, можно.

Очень хорошо, если будет показ диафильмов. Одно окно можно затемнить, устроить не постоянное затемнение, а раздвижное. Настольные игры, турниры шахматистов и шашкистов. Их можно проводить в коридоре. В общем, все зависит от инициативы и выдумки.

Т. ЖУЧКОВА
Москва

Все, чем заняты школьники на уроке — слушают ли они объяснения учителя, выполняют ли упражнения, или решают контрольные задачи, — большим грузом ложится на клетки коры головного мозга.

Устает не только голова, но и тело — ведь надо сохранять относительно неподвижную позу за партой или столом. А ведь в подвижности заложен глубокий биологический смысл. Именно движение оказывает наиболее благоприятное воздействие на весь организм. В движении складываются и формируются его ткани, органы, системы. Английские специалисты сравнивали годовые прибавки роста у детей в возрасте 6—7 лет, обучающихся и не обучающихся в школе. Оказалось, что мальчики этого возраста, посещающие школу, отставали в росте в среднем на 3,2 сантиметра, а девочки — на 0,9 сантиметра от сверстников-нешкольников. Вот насколько ограничение движения, вызванное школьными занятиями, тормозит физическое развитие детей.

Что же из всего этого следует? То, что перемены должны быть как можно больше не похожи на урок. Вот предлагают на переменках проводить шашечные или шахматные турниры, занимать детей демонстрацией фильмов. Самый смысл слова «перемена» — измене-

ние, поворот к чему-либо новому. А какая же это перемена, если никакой перемены в деятельности ребенка не происходит: нагрузка падает на те же участки коры головного мозга, которые только что были заняты на уроке.

Удручающее впечатление с точки зрения врача производит картина, когда на перемене дети парами чинно прогуливаются по коридорам.

Пусть поймут нас правильно — дело вовсе не в том, чтобы предоставить детей самим себе. Напротив, надо помочь им как следует отдохнуть. Главное — чтобы дети могли подвигаться, поиграть, дать выход сдерживаемой на уроках двигательной энергии. В движении значительно быстрее и полнее восстанавливается умственная работоспособность. Игры на переменках должны быть подвижными, но не чрезмерно эмоциональными. На маленьких переменках уместно проводить комплексы физкультурных упражнений типа зарядки. Большие перемены должны быть обязательно игровыми: «жмурки», «перетягивание каната», «найди предмет». Все эти игры популярны у ребят, учителю легко их провести.

Занятия в классе по 9—10 часов в день (если школа работает в две смены) даже при хорошем проветривании ведут к ухудшению микроклимата. Поэтому целесообразно в хорошую погоду большие перемены проводить на воздухе, особенно младшим школьникам, занимающим преимущественно нижние этажи школ.

Исследования показали, что после пребывания на воздухе дети меньше всего отвлекаются на уроке.

Любую игру сопровождает возбуждение, поэтому ее лучше заканчивать минуты за три до начала урока.

Большую помощь в подборе игр для перемен могут оказать пионервожатые, преподаватели физкультуры. Советуем обратиться к специальным сборникам игр, например к сборнику «Игры для детей», выпущенному издательством «Физкультура и спорт» в 1968 году.

Н. КУИНДИЖИ,
кандидат медицинских наук,
сотрудник Института гигиены
детей и подростков Министерства
здравоохранения СССР

н. х. Вессель

**ОБ
ОСНОВ
НЫХ
ПОЛОЖЕ
НИЯХ
ПЕДАГО
ГИКИ**

*из педагогического
наследия*

В общественно-педагогической жизни России 60—70-х годов прошлого века Николай Христианович Вессель (1837—1906) был заметным деятелем — он редактировал журналы «Учитель», «Журнал для воспитания», «Педагогический сборник», выступал на их страницах как публицист и историк педагогики, вел и значительную практическую работу. Но впоследствии труды Весселя не издавались почти в течение целого века, имя его изрядно было забыто. Заслуга исторически справедливой оценки деятельности Весселя и возвращения его работ из забвения принадлежит видному советскому историку педагогики В. Я. Струминскому — он подготовил издание избранных сочинений Весселя (Москва, Учпедгиз, 1959), сопроводив его подробным биографическим очерком.

В центре деятельности Весселя как теоретика и практика педагогики — идея единой системы народного образования. Такая система, по его замыслу, должна была прийти на смену немногочисленным, разрозненным, дававшим в лучшем случае лишь узкоспециальную подготовку образовательным учреждениям пореформенной России. Цель школы Вессель, в согласии с идеями Пирогова и Ушинского, усматривал прежде всего в общем образовании, во всестороннем развитии личности учащегося.

Может быть, именно тем, что Вессель отчетливо видел, в каком глубоком противоречии находится современная ему школа с естественными стремлениями ребенка, и объясняется выдвигание им в качестве высшего принципа педагогики — принципа естественности, природосообразности. Принцип этот, сформулированный еще Коменским, подхваченный Руссо, в пору педагогической деятельности Весселя нашел наиболее яркое выражение в работах немецкого педагога А. Дистервега. Но, в согласии с Дистервегом, Вессель уточняет его: речь идет не только о соответствии образования внутренним особенностям ребенка, но и о соответствии его потребностям времени.

Разумеется, сегодня мы не можем видеть в принципе «природосообразности» единственный и основной принцип воспитания. Но и забывать при воспитании о внутренних потребностях и устремлениях ребенка тоже не след; иначе самые упорные наши усилия окажутся затраченными втуне. Об этом и идет речь в работе Н. Х. Весселя, которую в сокращении мы публикуем сегодня.

О высшем принципе

...Можно было бы отказаться от всех исследований о науке воспитания, обойтись совершенно без ее теоретических (априорических) доказательств, если бы все люди, по крайней мере все образованные, имели одинаковые взгляды на лучший способ воспитания, если бы все не только вполне сознавали, что то хорошо, а это дурно в воспитании, то действует так, а это иначе, но и могли бы объяснить себе, почему одно хорошо, а другое дурно и почему должно воспитывать так, а не иначе. Если бы был найден или открыт такой способ воспитания, который бы получил общее

сочувствие со стороны всех мыслящих людей и оправдался бы на опыте; если бы мы несомненно знали, что нужно сделать, чтобы воспитать вполне хороших людей; если бы мы владели тайной воспитания, — тогда, конечно, можно было бы обойтись и без педагогической науки.

Практические воспитательные способности, воспитательный такт, опытность имеют, бесспорно, самое существенное значение в деле воспитания. Но всего этого еще недостаточно для того, чтобы воспитательные действия наши были вполне сознательны. Воспитатель, обладающий всеми означенными качествами и имеющий значительную опытность, будет все-таки воспитывать, так сказать, инстинктивно, случайно, ощупью, если не даст себе отчета в своих действиях, если не объяснит себе, почему так, а не иначе следует поступать в том или другом случае. Для этого-то и необходимо знание науки воспитания, знание и ясное понимание основных общих начал воспитания и того высшего принципа, который лежит в основании всей науки воспитания.

...Но прежде чем укажем и рассмотрим высший принцип педагогики, мы поговорим несколько о том, что в воспитании обыкновенно считают дурным и что хорошим. Здесь мы увидим, что высший принцип нашей науки, собственно, уже найден и высказывается многими, правда, большею частью бессознательно.

Спросите людей, сколько-нибудь знакомых с воспитанием: почему они находят известные воспитательные приемы, действия бесполезными или даже вредными? Вы услышите непременно один из следующих ответов: это вредно для характера воспитанника; это портит его сердце; это поселяет в нем ложный взгляд; это ведет его к тщеславию и высокомерию; он будет не воспитан, не образован; это совершенно неестественно; опыт давно показал вредность такого образа воспитательных действий; в этом согласны между собою все мыслящие люди всех времен, и проч.

Понятно, что все эти суждения опираются или на возможные следствия, известные из опыта, то есть 1) на опыт, или 2) на авторитет других, или 3) на наш принцип.

Мы уже выше говорили, что на опыт нельзя смотреть как на высшее доказательство пользы или вреда тех или других воспитательных действий. Кроме того, опыт обыкновенно доказывает все, то есть ничего. Нередко случается, что человек, получивший самое тщательное, рациональное воспитание, является в жизни совершенно испорченным, низким, пошлым, и наоборот: другой, не пользовавшийся никаким воспитанием или самым неправильным, вырабатывается сам собою и становится истинно благородным и полезным деятелем. Что же тут доказывает опыт? Человек есть существо, по природе своей разумное и свободное, деятельность которого обуславливается и направляется не одними внешними влияниями, а также и его природными силами и способностями. Опыт, следовательно, не может служить решительным доказательством, хорошо или дурно шло воспитание; свидетельство опыта чрезвычайно важно, но на нем нельзя основывать науки воспитания.

Авторитет также ничего не решает в научном отношении. Дело не в том, кто высказал известное положение, а в том, истинно ли то, что высказано кем-нибудь, то есть дело все в объективной истине. Поэтому никакое положение не может быть истинным

потому только, что тот или другой выдает его за истину.

Перейдем к третьему основанию, на которое опираются разные суждения о вреде того или другого воспитания, — к принципу и посмотрим, нет ли в общем суждении о хорошем и дурном такого принципа, который бы носил в себе все указанные признаки высшего принципа. Мы уже сказали, что часто отвергают какой-либо факт, образ действия, мысль потому, собственно, что они не сообразны с природою вещей, которых касаются, что они неестественны или противоестественны, и наоборот: известной мысли, известному стремлению, известному образу действия думают придать основательность и оправдание, когда о них можно сказать, что они естественны, согласны с природою вещей, не противоречат ей. Таким образом, за неоспоримое доказательство верности суждений и действий принимают принцип естественности или сообразности с природою... Как скоро в известном событии или явлении указывают на сообразность его с природою, то уже тем самым доказывают его справедливость: равным образом, когда необходимо показать недействительность известного явления, стоит только доказать, что оно противоестественно.

После этих доводов мы прямо можем перейти к тому положению, что принцип естественности есть высший принцип всякого воспитания. В воспитании мы имеем дело с людьми, значит, и речь здесь может быть только о человеческом воспитании; а в этом последнем все зависит от того, чтобы не допускать в нем ничего противного природе человека вообще и индивидуальности каждого в особенности, чтобы все в нем было сообразно с природою.

применение высшего принципа

...Мы... отыскивали этот принцип для педагогики и указали его в положении: «Воспитывая человека согласно с его природою». Но это положение читатели, по всей справедливости, могут найти слишком общим, и оно действительно может остаться только общей фразой, малоприменимой на практике, как множество других педагогических правил, если мы не разясним его подробнее и не укажем по крайней мере на главные условия естественного воспитания. Эти условия вытекают, конечно, из самой природы воспитываемых, и потому мы прежде всего взглянем на главные проявления ее в различные возрасты жизни дитяти, а затем сообщим некоторые замечания о ходе развития детской природы,

мальчик и девочка

На первых порах мальчик желает одного — играть, и играет все время, пока бодрствует. Едва проснулся, он берется за игрушки, которых не оставляет, пока сон не одолеет его. Все, в чем проводит он время, составляют игры, и он готов играть со всеми — как с живыми существами, так и с неодушевленными предме-

тами. Вернее сказать, для него не существует неодушевленных вещей: всему сообщает он движение и жизнь. Мальчик разговаривает со своим деревянным коньком, как ездок со своим конем, хотя ни тот ни другой не понимают языка животных. Девочка одевает и раздевает свою куклу, заботится о ее пище, учит ее и воспитывает; кукла укладывается в постель, куклу будят при наступлении дня; она часто болеет, пользуется медицинскими пособиями, наконец кукла умирает и над нею совершаются последние проводы. Все предметы дышат жизнью для дитяти. Дитя ищет жизни вокруг себя; потому-то оно и живет все.

Развивая себя играми, дитя несколько не противоречит своей природе. Радость покрывает чудной краской его щечки; оно любит бегать и прыгать, не прочь и от того, чтобы поболтать.

Без игры дитя перестает быть дитятей. Игры составляют сущность дитяти. И взрослый может играть, но на игру он смотрит как на средство к достижению других определенных целей, лежащих уже вне самой игры. Для дитяти игра составляет и цель; оно играет, чтобы только играть. Если и взрослый может так играть, то, значит, он сумел сохранить в себе детское чувство... В играх обнаруживается все нравственное настроение дитяти и его телесное здоровье. В играх познается взрослый; в них же открывается и дитя — добродушное и искреннее, поверхностное и глубоко-мысленное, сильное и слабое, любвеобильное и благочестивое, пустое и холодное дитя. «И в детской игре часто проглядывает глубокая мысль».

И благо дитяти, если оно родилось среди таких обстоятельств, что могло на утре жизни вполне предаваться играм. Напротив — бедно и несчастливо то дитя, которое вследствие особенного несчастья потеряло охоту к играм... Вот почему мать-природа учит мать дитяти постоянно занимать его играми; сначала само дитя бывает игрушкой матери, потом мать делается его забавой. По тому же самому добрые дети стараются радовать других детей, занимая их играми. Добрая девочка не обойдется без того, чтобы не поиграть, как дитя, с другими детьми. А потому и обязанность воспитателя в этом возрасте заботиться только о том, чтобы развивать в детях невинную охоту к играм. Его дело разумной и несложной переменной игр осмысливать охоту к играм, а благоразумным выбором и направлением этих последних делать то, чтобы они получали и укрепляли дух и тело детей. Природа побуждает дитя играть, и дитя, играя, развивает себя. Дитя инстинктивно бежит к месту, где ожидают его игры; дитя, неиграющее, убегающее от игр, развивается неправильно, болезненно.

дитя желает учиться

Все, что окружает дитя и производит на него впечатление, доставляет материал для его развития, и внимание дитяти постоянно устремляется на окружающие предметы и явления. Где произойдет какое-нибудь движение, где есть что-либо послушать или на что-нибудь взглянуть, там непременно увидишь дитя. Соберутся в семействе вечером близкие, знакомые; начнутся разговоры, рассказы, разные игры:

дита до того завлекается ими, что его с трудом можно отправить в постель, оно непременно хочет остаться с большими. Во время прогулок множество предметов возбуждает его любознательность, и оно нередко забрасывает свою няню или кто с ним гуляет вопросами: что это такое? почему? для чего? и пр.

Дитя любознательно; оно желает учиться. Оно хочет узнать то, что его окружает и что производит на него впечатление; поэтому крайне неразумно поступают те, которые, проходя мимо предметов, привлекающих их внимание, не объясняют детям этих предметов, не рассказывают, как они сделаны и какое имеют назначение. В силу той же любознательности и потребности в деятельности ребенок часто ломает и портит свои игрушки и другие вещи и, разрушая и ломая их, узнает что-нибудь новое, прежде не замеченное им, и таким образом удовлетворяет потребность природы своей. Следует ли за это винить ребенка, бранить и наказывать?

Нормально развивающийся ребенок по самой природе склонен к учению и любознательности. Вот почему он охотно учится, если только учение доставляет ему посильную понятную работу и развивает его согласно с природой; но он бежит от учения, если оно вовсе не удовлетворяет его любознательности, если оно вместо живых, действительных сведений предлагает ему отвлеченные, теоретические и непонятные познания. Здоровый ребенок есть дитя природы, потому он и учиться желает так, как требует его природа. На наставнике поэтому лежит священная обязанность учить дитя согласно с его природой, сообщая ему всегда только то, что может быть ясно и понято и усвоено им. В этом и заключается все искусство хорошего учителя. Напрасно и несправедливо обвинять в лености детей природу их: она не ленива; она требует деятельности как физической, так и духовной, но деятельности, которая бы вполне соответствовала ее силам. Мы, следовательно, клеветаем на здравую детскую природу, если находим в ней причины лености дитяти. Ребенок неохотно берется за книжку, лениво учится, — значит, он ленив; но почему? Большею частью да и почти всегда потому, что мы не умеем учить, как надо, как требует его природа... Безжизненная, скучная, механическая работа, конечно, не может удовлетворить живой детской природы, требующей сознательной и посильной деятельности. Такое обучение с самого же начала должно отдалить от себя живого, здорового ребенка и возбудить в нем скуку и отвращение ко всему дальнейшему учению. Вот где истинная причина возникновения в детях сначала неохоты к учению, а потом и развития усыпляющей лености в самых способных, резвых и деятельных малютках.

дитя по природе своей всегда полно веры и доверчивости

Доверчивость составляет существенное качество всякого ребенка, если только какие-нибудь особенно вредные обстоятельства не извратили его природы.

Он чужд скрытности или притворства. Он прямо идет навстречу человеку, и всякое проявление в глазах и речи принимает за истину. Он говорит только то, что думает. Слово родителей, слово учителя составляет для него вполне достаточный авторитет. Это положение истинно и признано всеми, кто хотя несколько наблюдал детей.

Но дитя верит не только одним словам родителей и воспитателей, оно проникнуто такой же верой и ко всем их распоряжениям, приказаниям и действиям. Все, чего ни пожелают они, если только дитя питает к ним доверие, если оно предано им всей полнотой своей любви, признает их за своих благодетелей, за виновников всех своих радостей, все, к чему ни обязывают они его, оно считает непреложно верным, вполне прекрасным, истинно полезным. Ему и в голову не придет подумать, что отец, мать или воспитатель в состоянии сказать или сделать что-либо превратное, худое. В его глазах это высокие личности с полным благородством души. Дитя питает к ним полное доверие, надеется на них и верит в них и поэтому сознательно и добровольно повинуется им. Где существует доверие, там не может не быть и повиновения. Кто-то сказал: «Коль скоро развилось в душе доверие, то нетрудно дойти и до любви». Ребенок, которого развивают согласно с его природой, обнаруживает беспрекословное и вполне добровольное повиновение воле своих родителей...

Но коль скоро в детской душе нет доверия, то это прямо свидетельствует о дурном обращении с ребенком воспитателей, исказившем одно из лучших свойств природы его. Что же предпринять воспитателю, чтобы восстановить в душе дитяти доверие к себе и другим? Воспитатель должен в себе самом представить питомцу образец, заслуживающий безусловного доверия, — указать в себе отца, пекущегося о благе и радостях дитяти. И дитя искренне и с радостью обратится к детской доверчивости — этой великой добродетели, вложенной ему самой природой.

Далее, коль скоро дитя обнаруживает непослушание к воспитателю или родителям, то это, очевидно, доказывает, что в нем прервались естественные отношения к этим лицам. Ясно, что в этом случае извращен закон природы и естественный порядок. Дитя желает слушаться, и оно чувствует себя счастливым при существовании этого естественного отношения к взрослым. ...Итак, кто же виноват в том, что в душе дитяти появилось на месте послушания непослушание, на месте доверия — недоверие, на месте склонности к подчинению — противоречие, на месте скромности и застенчивости — дерзость? Ведь не из самого же себя человек сделался таким? Не могло развиться этих крайностей и окружающее, которое подчиняется природным законам целесообразности? Нет, в такую извращенную форму выработалось дитя под влиянием враждебных природе наставлений, путем неестественного обращения с ним... Мы не можем сердиться на него: пред нами существо, которое испытало на себе тысячи несправедливостей: их самих мы, может быть, и не видим, зато пред нашими глазами их самые естественные и необходимые следствия. Пред нами дитя, которого столкнули с пути природы — пути простого и верного. Мы видим пред собой достойное полного сожаления несчастье, которое тем ужаснее, что тот, которой носит его в себе, не знает своей болезни и не может понять, что нуждается в исцелении. Вы, воспитатели, наставники, вы должны исцелить — спасти дитя!

дитя требует свободной деятельности

В то самое время, как развивающаяся сила познавательной способности пробуждает в ребенке все большую и большую любознательность и желание учиться, а его чувство постоянно руководится доверием и послушанием, сила деятельности его требует соответствующих себе занятий. Вот почему ребенок чувствует себя нехорошо, если его деятельности дают неправильное направление. Если мы станем принуждать его проводить большую часть дня за книжкой или на школьной скамье, а остальное время сидеть дома и прохаживаться по комнате мерными шагами, на манер стариков, то в таком случае мы напрасно будем рассчитывать на правильное всестороннее развитие ребенка. Быть может, мы сделаем из него домоседа или делового чиновника, но, во всяком случае, не такое существо, в каком нуждается жизнь и какого желает воспитать природа. Ребенку необходимо учиться, необходимо ходить в школу, где бы он мог получить годное и здоровое обучение, и здесь он должен оказывать повиновение наставникам; но для него не менее необходима и свободная деятельность, которой бы он мог заниматься свободно, по своему желанию. Учась в школе или дома, дитя также требует и открытого неба, лугов, лесов, — одним словом, свободной, открытой природы; этого требует его собственная природа; это составляет его потребность. Кто же дерзнет препятствовать удовлетворению ее? И посмотрите через несколько времени, как быстро и сильно начнет развиваться тело ребенка, как вдруг окрепнет его чувство, с какой энергией принимается он за уроки в назначенные часы, как образуется его характер, как хорошо он чувствует себя и как он счастлив! Иначе и быть не может при естественном обращении с ребенком. Результаты нашей воспитательной деятельности показывают, правильно или ложно, то есть согласно с природой или против ее мы воспитывали. Вот почему мы на каждом шагу должны вопрошать природу и верно исполнять ее ответы, как общеобязательные повеления. Только жизнь может приготовить человека для жизни, и большая часть детской жизни действительно должна бы принадлежать полям и лугам. Будем же внимать истинному гласу природы! Предоставим нашим детям все средства, чтобы они могли пользоваться своей действительной силой в полных пределах естественной свободы! Введем снова детей наших в открытый храм божественной природы и в ней, и по ее указаниям будем учить и воспитывать их!

дополнение к высшему принципу

Обучение должно всегда сообразоваться с природой учащегося и с состоянием просвещения в настоящее время. Оба эти положения не противоречат одно другому: они дополняют друг друга, и только при постоянном применении их обоих обучение идет как следует и достигает надлежащих результатов.

Развитие человека, как мы уже несколько раз говорили, совершается двумя деятелями. Один деятель есть сам развивающийся человек, вся природа его, весь телесный организм и все основы способностей, которые человек приносит с собой на свет божий.

Другой деятель — это внешняя окружающая человека природа, среда, в которой вырастает человек, — одним словом, весь внешний окружающий мир со всеми своими нравственными и физическими проявлениями, постоянно производящими на человека впечатления. От постоянного взаимодействия этих двух деятелей развивается как телесный, так и духовный организм человека, или, говоря проще, человек вырастает, становится большим и вместе с тем приобретает известные понятия, мысли, суждения, чувства, желания, которые все, вместе взятые, и составляют все духовное достояние человека, всю степень его умственного и нравственного развития, постоянно проявляющегося и выражающегося в жизни его, во всех его отношениях к семье, обществу, к целому народу и государству и ко всему человечеству, во всех его словах и делах.

Такое развитие человека продолжается вообще до тех пор, пока по каким бы то ни было причинам не прекращается взаимная деятельность обоих названных деятелей, пока они действуют друг на друга. В начале своего развития человек — ребенок, отрок, юноша — играет преимущественно роль воспринимателя внешних впечатлений, которые усваиваются им, перерабатываются в его телесном и нравственном организме и становятся его собственностью. Вследствие такой переработки и такого усвоения способности крепнут, выясняются и в усвоенных сведениях получают свое известное общее, положительное содержание и направление; человек познает самого себя, свои силы и становится способным начать свое самостоятельное умственное и нравственное развитие.

Это развитие проявляется прежде всего в свободном выборе специального дела, в приготовлении к нему, то есть в приобретении необходимых для него теоретических и практических познаний, и потом в самом выполнении дела. Во всем этом проявляются преимущественно специальные, особенные способности и познания человека, так сказать, специальная сторона его нравственного и умственного развития. Но, будучи тем или другим специальным деятелем, ученым, государственным человеком, купцом, ремесленником, крестьянином и т. п., он, как человек, вместе с тем есть член семьи, общества, государства и всего человечества, и в этом отношении на нем лежат известные обязанности и ему принадлежат известные права.

Но, чтобы исполнять свое специальное дело так хорошо, как только возможно в известное время, человек должен вполне знать его, то есть иметь о нем все сведения, которые только существуют в это время. Точно так же, чтобы выполнить как следует свои семейные, общественные, гражданские обязанности, человеку необходимо верно и ясно сознавать их настолько, насколько они выяснены и определены в то время, в которое он живет. Здесь мы прямо сталкиваемся с состоянием образованности или просвещения в известное время, ибо оно есть не что иное, как сумма всех знаний по всем отдельным областям и всех семейных общественных и гражданских понятий и отношений, существующих в том или другом народе, — одним словом, все его умственное и нравственное достояние в это время. Чем обширнее эти знания и чем правильнее, вернее эти понятия и чем более распространены они в народе и обнаруживаются в жизни его, тем состояние просвещения его выше и совершеннее.

Мы объяснили, таким образом, что мы разумеем под состоянием просвещения в известное время. Те-

перь нам следует выяснить, почему обучение должно постоянно соотноситься с ним и в чем состоит эта соотношение. Прежде всего скажем, что, во-первых, под обучением мы разумеем здесь не только одно первоначальное обучение, но вообще все учение, продолжающееся столько времени и до тех пор, пока учащийся не окончил своего общего образования, то есть пока он не будет в состоянии, сознавая свои способности, избрать себе специальное дело и работать над ним самостоятельно. Во-вторых, слово «учение» мы употребляем здесь в обширном смысле. Обыкновенно учением называют занятия в классе и приготовление заданных уроков, следовательно, ученье по книжкам; но такое понимание учения в наше время есть понимание неполное, одностороннее. Человек учится не только по книжкам, в школе или дома, но и в действительной жизни, и в этой последней он учится гораздо большее время и научается гораздо большему, чем по книжкам, во время классов или во время приготовления уроков. Что значит учиться? Ничего более, как воспринимать внешние впечатления посредством зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса, то есть посредством пяти природных чувств, потом усваивать эти впечатления и давать себе отчет в них. А как мы видим, слышим, осязаем и т. д. не только когда находимся в школе или приготовляем уроки, но постоянно, когда бодрствуем, то поэтому мы и учимся не только временно в школе, но и постоянно в жизни. Конечно, есть огромная разница между школьным учением и учением в жизни; в школе учат известным учебным предметам, и учение идет последовательно, в известной системе; в жизни же мы учимся обыкновенно без всякой системы, получая различные впечатления от всего того, что нас окружает, что около нас совершается, и притом как случится, без всякого порядка.

На учение в жизни обыкновенно не обращается никакого внимания; оно предоставляется совершенно на волю божию. Между тем это учение имеет гораздо сильнейшее влияние на развитие человека, чем школа со всем своим систематическим преподаванием всех учебных предметов. В жизни действуют на человека непосредственно сами предметы и различные проявления и отношения их между собой; в школе — отвлеченные понятия: слова, книжки заменяют действительные предметы. В жизни живые примеры добра и зла совершаются пред человеком; в школе о них только рассказывается. Поэтому-то школа развивает преимущественно отвлеченное, формальное мышление, жизнь же образует нравственную сторону человека, сердце, характер, волю. Из этого ясно видно, в чем состоит влияние учения в жизни на развитие человека. Главная сила и достоинство его заключаются в живости, правдивости и наглядности всех доставляемых им впечатлений; главный недостаток — беспорядочность и случайность этих впечатлений. Если бы этого недостатка в них не было, если бы они доставлялись нам последовательно и постепенно и если бы они все были нравственны, то в таком случае общее развитие человека совершалось бы само собою и всегда правильно, и никакого иного воспитания и учения вовсе было бы не нужно.

...Обучение, как мы видели, развивает преимущественно умственные способности человека. Сообщая последовательно и в порядке верные знания, понятия, суждения, оно образует в человеке способность вообще ясно, верно и правильно познавать, понимать и судить; этим самым обучение, очевидно, содейст-

вует и правильности нравственного развития человека. Но все усилия наши были не только совершенно тщетными, даже вредными, если бы мы, не принимая в соображение нравственные и безнравственные впечатления, оставляемые в ребенке жизнью, вздумали только одним обучением сделать его нравственным человеком. Каких бы результатов относительно нравственного развития ребенка достигли мы, если бы, не обращая никакого внимания на действительные нравственные начала, существующие в окружающей его жизни, стали преподавать ему правила нравственности, составленные нами самими по нравственным идеалам времен и народов прошедших и отживших или по отвлеченным идеалам будущего, созданным нашим воображением? Наше обучение и действительная жизнь расходились бы в таком случае совершенно, влекли бы нравственное развитие ребенка в разные стороны. Положим даже, что преподаваемые нами правила нравственности пересилили бы существующие в действительности в жизни, и ребенок, пропитанный ими, начал бы жить по ним, воскресил бы в себе тот или другой нравственный идеал времен минувших или представил собою какой-нибудь будущий экземпляр нравственности, которая, может быть, осуществится через 20 столетий, но, может быть, и никогда существовать в действительности не будет, а только в одном нашем воображении. Признали бы мы сами, учившие и воспитавшие его, человеком нравственным? Едва ли! Во всяком случае, такой человек был бы не от мира сего; его бы никто не понимал, и он бы никого не понимал: он был бы глазом вопиющего в пустыне, нравственно изуродованным, но ни в коем случае не был бы признан здравым, нравственным человеком.

Школа не должна идти в разлад с жизнью; школа не может перестроить жизнь на свой лад, потому что жизнь всегда пересилит ее. Как бы последовательно школа не проводила своих теорий, если они противоречат требованиям жизни, то они непременно сокрушатся потому, что они ложны. Люди рождаются и живут для жизни, а не для школы и для придумываемых и проводимых ею отвлеченных теорий.

Ребенок учится в школе и учится в жизни. Обучение в школе и учение в жизни доставляют весь материал для умственного и нравственного развития ребенка. Очевидно, что для правильного развития необходимо согласное взаимное действие обучения в школе и учения в жизни, идущих рука об руку по одному направлению, а не тянущих в совершенно противоположные стороны. Школе нечего придумывать особого материала для обучения; главный материал доставляет сама жизнь: школьное обучение должно прежде всего приводить в порядок впечатления, доставляемые человеку самой жизнью. Постепенно все более и более разъясняя эти впечатления со всех сторон, насколько это возможно при имеющихся в известное время знаниях и на основании существующих нравственных начал, обучение ведет человека самым естественным путем к правильному умственному и нравственному развитию. Но сумма всех специальных знаний и всех нравственных понятий выражает, как мы выше говорили, состояние просвещения в известное время; следовательно, обучение должно всегда соотноситься с состоянием просвещения в известное время, иначе оно никогда не доставит правильного умственного и нравственного развития человеку.

Наш сын учится в первом классе. Он сообразительный мальчик, учится хорошо. Но вот очень любит кривляться, дурачиться. Мы и внушаем, и наказываем иногда — не помогает. Очень просим вас посоветовать, как нам быть.

Е. НИКИШЕВА
г. Уфа

Уважаемая товарищ Никишева! То, что вы рассказываете, не редкость. У всех детей, особенно в дошкольном и младшем школьном возрасте, можно встретить иногда стремление позабавить окружающих. И это не болезненное отклонение. Это всего-навсего стремление привлечь к себе внимание взрослых, стремление хоть на время стать «героем».

А бывает иначе. В окружении взрослых ребенок ведет себя спокойно, нормально. Попадает в окружение сверстников — и сразу преобразается, надевая маску клоуна. Причина этого — неумение найти себе место в кругу сверстников. Родители могут немало времени уделять закаливанию своего ребенка, воспитанию его характера, ума — и упустить, что ему необходимо и опыт общения с товарищами, опыт «социальной жизни». И тогда хорошо физически и умственно развитый ребенок, который многое может и многое умеет — оказывается беспомощным в детском коллективе, потому что не умеет ладить со сверстниками, не может завоевывать их уважения. Он ищет способы привлечь внимание к своей персоне, допускает какой-то промах, несуразность — и ребята смеются, а это уже внимание. И мало-помалу ребенок привыкает жить «двуликим Янусом» — со взрослыми так, со сверстниками этак.

Как же относиться к проявлению излишнего шутовства, кривляниям ребенка?

Первое — постарайтесь его «не замечать», относитесь к ребенку ровно, спокойно. Переждите, спокойно глядя на его ужимки, и продолжите прерванный разговор, обратитесь к нему как ни в чем не бывало. Покажите, обнаружьте свое безразличие, равнодушие к его шутовству, но не будьте безразличны к другим (правильным) его поступкам. Дети не терпят безразличия к себе. Благосклонность и доброжелательное отношение часто могут быть тем рычагом, который сумеет повернуть поведение ребенка, его деятельность в нужном направлении. Порою уместна и незлобивая усмешка взрослого, в которой ребенок может прочесть неодобрение, — только предоставьте ему возможность исправить ошибку, дайте ему проявить себя в чем-то другом. После обращений к ребенку: «Ну что ты кривляешься — пойдем лучше погуляем» или «Шута из себя строишь, а я вот смотрел рисунки, здорово у тебя все же получается» — будьте спокойны — шутовство (хотя бы на время) как рукой снимет.

Второе — постарайтесь переключить внимание ребенка на что-то другое, более интересное, где ребенок мог бы приложить свои силы. Очень полезны совместные детские игры — особенно с жесткими правилами и меняющимися ролями.

Третье — правильный режим дня, обязательное соблюдение своих обязанностей по дому, контроль за своей одеждой — все это будет способствовать выработке столь необходимой ребенку собранности. Умение управлять своим поведением, контролировать свои поступки не оставит места излишней разболтанности, неуместному шутовству.

Четвертое — позаботьтесь о том, чтобы мальчишка научился добиваться победы, успеха в другого рода занятиях. Не пропускайте ни малейшей его удачи, вовремя похвалите, деликатно помогите, если у него что-то не клеится, и, когда препятствие преодолено, снова похвалите. Радость успеха, удовлетворенность победой может вызвать стойкий интерес к новому занятию. Тогда не будет необходимости добиваться внимания к себе с помощью кривляния и шутовства.

И, наконец, последнее — внимательно присмотритесь к «фокусам» сына. Может быть, незачем «за голову хвататься», есть же на свете люди с юмором. Мало того, что чувство юмора помогает им самим лучше справиться с неудачами; такие люди способны подбодрить, расшевелить и окружающих. Важно только вовремя объяснить ему, что шутки не должны задевать человеческого достоинства, а самого шутника не должны делать жалким. Главное — чувство меры. А уж это зависит от того, как вы его научили управлять своим поведением, как он научился чувствовать отношение окружающих к себе.

А. ОСНИЦКИЙ,
научный сотрудник Института
общей и педагогической
психологии АПН СССР

Нашему младшему сыну два года, но он еще не ходит и не разговаривает. Врачи определили у него болезнь Дауна. Можно ли вылечить эту болезнь? Как воспитывать таких детей? Есть ли медицинские учреждения, где их лечат и воспитывают?

З. Ш-ВА
Узбекская ССР

Уважаемая товарищ Ш-ва! Диагноз «болезнь Дауна» врачи обычно ставят очень рано, чаще

еще в родильном доме — слишком типичны и очевидны внешние признаки этой болезни.

Дети с болезнью Дауна сходны между собой, их внешний облик однотипен: уменьшенный в объеме череп, часто несколько скошенный сзади, косое расположение далеко отстоящих друг от друга глаз, надбровных дуг, деформированное строение ушной раковины, запавшая переносица, маленький «пугавкой» нос, полуоткрытый маленький рот, пятнистый румянец на щеках.

Физическое развитие таких детей нарушено: отмечается отставание в росте, диспластичность телосложения, короткие пальцы рук и ног. Мышечный тонус понижен; это приводит к чрезмерной гибкости суставов.

Движения детей часто неловкие, неуклюжие, походка неустойчивая. Детям свойственно беспокойство, повышенное стремление к движениям, — так называемое психо-моторное возбуждение. Однако встречаются и дети не темпераментные, а заторможенные. По характеру дети мягки, ласковы, добродушны, охотно вступают в контакт, приветливы. Болезнь заметно сказывается на умственных способностях. Память снижена, внимание неустойчиво, значительно ослаблена познавательная деятельность: дети долго не понимают назначения предметов окружающей обстановки, не осваивают действий с ними. Заметно и отставание в развитии речи: часто такие дети начинают говорить лишь после 3—4 лет, говорят неясно, нечетко, с различными дефектами, не всегда понимают обращенную к ним речь.

Болезнь Дауна встречается сравнительно редко. Причины, вызывающие изменения в хромосомном механизме наследственности, пока еще полностью не выяснены. По-

лагают, что чаще всего эти изменения вызваны различными расстройствами здоровья во время беременности: воспалительными заболеваниями, отравлениями и т. п. Выше среднего процент заболеваний у детей, рожденных от пожилых или сильно различающихся по возрасту родителей.

Детям с болезнью Дауна оказывается медицинская помощь. Лекарственная терапия назначается очень рано, сразу после рождения ребенка. В результате лечения несколько убыстряется темп развития детей: они начинают раньше стоять, ходить, говорить. Лекарства регулярно применяются и позже. Однако коренного улучшения пока добиться не удается.

Где бессильна медицина, на помощь приходит специальная педагогика. Но заметного успеха можно ожидать лишь в случае, если своевременно (то есть возможно раньше) обращается внимание и на общее лечение и на правильное воспитание. При правильно организованной повседневной воспитательной работе дети с болезнью Дауна все же продвигаются в своем развитии и приспособляются в дальнейшем к элементарным видам трудовой деятельности.

Подробную консультацию по работе с такими детьми родители могут получить у дефектолога — специалиста по олигофренопедагогике; мы укажем лишь основные моменты этой работы. Очень важно развитие сенсорных навыков: фиксации взора, направленности слухового внимания и т. п. Так как ведущая форма деятельности дошкольника — игра, все занятия проводятся в игровой форме — так, чтобы ребенку было интересно. Очень важно научить его правильно использовать игрушку, нужный предмет, — так будут формироваться элементарные двигательные навыки и умения, будут уточ-

няться пространственные и временные представления.

В виде игры проводятся и занятия по развитию навыков самообслуживания и гигиены: ребенка учат одеваться, умываться, стелить постель, воспитывают привычку к чистоте, навык опрятной еды. Очень важно использовать присущее таким детям стремление подражать другим.

Поведение близких ребенку взрослых должно быть всегда спокойным, ровным, без всякой нервозности и подчеркнутых проявлений жалости. Вокруг него не должно быть атмосферы несчастья. И разумеется, абсолютно недопустимы случаи, когда над ребенком смеются, дразнят его и т. п.

В массовой школе дети с синдромом Дауна обучаться не могут. В тяжелых случаях заболевания заботой о них занимаются специальные учреждения Министерства социального обеспечения; при более легких формах дети могут какой-то период обучаться во вспомогательной школе. Медико-педагогические комиссии при отделах народного образования решают вопрос о возможности такого обучения. Но чаще всего работа о воспитании таких детей ложится все же на плечи родителей. Занятия с ними требуют большого упорства, терпения, настойчивости, регулярности, — но такая работа не бесперспективна — ребенок может значительно продвинуться в своем развитии.

С. ШАХОВСКАЯ,
кандидат педагогических наук,
Б. ШОСТАК,
врач,
кандидат педагогических наук

что за правилом?

беседа четвертая

СЛОВО: СМЫСЛ И ТОН

С. ФАЙНБЕРГ,
кандидат медицинских наук

**Доброе молчание лучше худого ворчания.
Нетрудно ласково слово, да споро.**

В. Даль. Пословицы русского народа.

...Во дворе играют ребята, среди них — мальчик лет семи. Но вот на втором этаже открывается окно, выглядывает его мама и, увидев сына, «дежурным» голосом говорит: «Сеня, довольно мяч гонять!» И, не дождавшись ответа, захлопывает окно. Сеня, что называется, и ухом не ведет: по маминому тону он отлично понимает, что идти домой сейчас же не обязательно, что об этом сказано так, на всякий случай. И верно, через час снова открывается окно и на этот раз мать кричит громко и возбужденно: «Сенька, черт, я кому сказала, иди сейчас же домой, не то достанется на орехи!» Теперь Сеня сразу оставил мяч и вошел в подъезд. Я не знал еще ни Сени, ни его мать, но уже из этой сцены понял, что мальчик приучен отзываться только на крик, и, пока дело не дойдет до «черта» и до «орехов», он слушаться не будет. Познакомившись с матерью Сени, я сказал, что не надо кричать на ребенка, нужно приучать его слушаться спокойного слова. Она в сердцах ответила: «А вы попробуйте! Спокойно хоть сто раз скажи, ухом не поведет, а прикрикну как следует — сразу выполнит».

Что скрывать, разговор на крике — нередкий еще способ воспитания. И даже, казалось бы, действенный, но — только до тех пор, пока ребенок к нему не привык, пока он видит в нем что-то экстраординарное. Стоит родителям, уверовавшим в действенность строгого слова, начать пользоваться им по всякому поводу — и ребенок вскоре и на крик перестает реагировать. Ваши, сулившие поначалу неприятность, повышенные интонации теперь для него не более чем привычный «шумовой фон». Что же остается — кричать еще

громче? Нет, криком и угрозами в воспитании много не возьмешь; нужно другое — чтобы ребенок всегда понимал смысл ваших требований, чтобы тон их был спокойным, деловым, чтобы они были обоснованы. Именно об этом говорил А. С. Макаренко: «Родители как можно раньше должны усвоить спокойный, уравновешенный, приветливый, но всегда решительный тон в своем деловом распоряжении, а дети с самого малого возраста должны привыкнуть к такому тону... Можно быть как угодно ласковым с ребенком, шутить с ним, играть, но когда возникает необходимость, надо уметь распорядиться коротко, один раз, распорядиться с таким видом и в таком тоне, чтобы ни у вас, ни у ребенка не было сомнений в правильности распоряжения, в неизбежности его выполнения». Убедившись, что лишнего с него не требуют, но что не выполнить приказание все равно не удастся, ребенок приучится подчиняться спокойному слову, и необходимость в крике и угрозах отпадет.

Но значит ли это, что умение разговаривать с ребенком целиком и полностью зависит только от того, сможете ли вы сделать ваши слова и требования понятными, обоснованными, определенными? Нет, это не совсем так. Смысл слова — это лишь часть информации, в нем содержащейся; другая же ее часть заключена в интонации, в эмоциональной окраске вашей речи, причем это, если можно так сказать, «исторически первичный» способ общения. Наши «меньшие братья» именно этим способом — с помощью соответствующей интонации, крика или позы — оповещают друг друга; криком животное предупреждает о грозящей опасности, зовет на помощь, сообщает о боли, грозит врагу, созывает детенышей и т. д.

Примерно то же самое происходит и у детей в первые месяцы жизни. Малыш не знает и не понимает слов, но по интонации взрослого и частично по его мимике и жестам судит о том, хвалят ли его, сердятся ли на него, предлагают пищу или грозят. Он реагирует лишь на эмоциональное выражение, на тон взрослого. И такой способ общения малышу абсолютно необходим. Если ребенок получает самый хороший уход и обслуживание, но лишен эмоционального общения со взрослыми, лишен ласки, он вырастает с нервно-психическими и моральными дефектами. Поэтому персонал в круглосуточных детских учреждениях должен не только ухаживать за детьми, но и ласкать их.

Постепенно ребенок привыкает реагировать в первую очередь на смысловое значение слов, у него развивается вторая сигнальная система. (Для развития ее важно, как мы уже указывали в очерке «Не давши слова, крепись, а давши, держись...» в № 7, чтобы каждое словесное обещание или предостережение было выполнено.)

И большую часть информации ребенок при обучении и воспитании получает по второй сигнальной системе, то есть через слово. Но это не значит, что «первосигнальная» информация уже не имеет существенного значения.

Беседы первая, вторая и третья были опубликованы в № 3, 7, 8

Даже совершенно правильный и хорошо аргументированный совет, данный безразличным, бесстрастным тоном, очень слабо действует на ребенка (как, кстати, обычно и на взрослого). Это естественно; смысл слов здесь не поддержан адекватным, то есть соответствующим ему эмоциональным содержанием — тоном, мимикой, жестом. Смысловая и эмоциональная информации вступают в противоречие и, так сказать, «взаимно погашаются». Это обстоятельство прекрасно учитывали талантливые педагоги, воспитатели, ораторы. Например, А. С. Макаренко указывал, что ребенок или подросток должен чувствовать, что вы сами эмоционально переживаете то, что говорите ему: если вы говорите ему, что данный поступок возмутительный, то вы действительно сейчас возмущены им, а не просто выполняете свой педагогический долг. Нудные, длинные нотации и сентенции никого еще ни в чем не переубеждали.

Но, конечно, еще большей ошибкой будет повышенный тон, крик, бурная жестикуляция по любому поводу. Такая реакция вызывает ответное раздражение у ребенка, так как раздражение, как и всякая эмоция, заразительно.

Особенно важно умение найти нужную интонацию в обычных разговорах с детьми, в тех советах и указаниях, которые вам приходится давать повседневно и многократно. В полной мере в этом случае применима французская поговорка: *C'est le ton qui fait la musique* (именно тон и делает музыку).

Если суть ваших указаний ребенку знакома, привычна (а может, и несколько надоела), то тем большее значение и вес приобретает неожиданная, к месту найденная и умело использованная интонация разговора. Именно это и имел в виду А. С. Макаренко, говоря, что воспитатель должен уметь самую простую фразу, скажем, слова «можешь идти», произнести пятьюдесятью различными способами. Такое разнообразие интонаций необходимо еще и потому, что ребенок быстро привыкает к двум-трем неизменным оттенкам вашей речи, они на него уже не действуют («не поступает новой эмоциональной информации»). И разумеется, старайтесь, чтобы общий эмоциональный фон ваших разговоров с детьми был положительным, то есть спокойным, доброжелательным, сдержанным. Даже если требования ваши справедливы, а указания основательны, помните, что раздражение, крик, «пережим» могут начисто стереть в восприятии ребенка эту справедливость и основательность. Возможны, конечно, случаи, когда необходимы и гнев и возмущение, но прежде чем выражать их, подумайте все-таки, требуют ли обстоятельства такой «эмоциональной аранжировки».

Но это случаи редкие и чрезвычайные. А в повседневной жизни старайтесь не повышать тона. Ребенок должен привыкнуть слушаться спокойного, доброжелательного слова, а не крика, замахований, угроз. Не зря ведь сказано: «Нетрудно ласково слово, да спору».

говорят дети

Саша, 5 лет.

Мама, в сердцах:

— *Выброшу я эти конфеты! Ничего вы больше не едите!*

— *А куда ты их выбросишь?*

Вова, 4 года.

Осень. Оппадают листья.

— *Они устали и теперь будут спать.*

Майя, 5 лет.

— *А я знаю, зачем дождь идет.*

— *Зачем?*

— *Чтобы трава росла.*

Лена, 4 года.

Надевает комбинезон:

— *Никак не пойму, где здесь рукав, а где ноги!*

Ира, 6 лет.

Рассуждает:

— *Я как заболела, все куклы сразу стали нервные такие...*

С обидой:

— *Если бы я вперед всех родилась, я бы давно в лагерь поехала...*

Записали наши читатели: Ю. и Л. Алехины (Саратовская обл.), М. Тишкова (Хабаровский край), А. Картушина (г. Чимкент), А. Сутормин (г. Витебск), Н. Неустроева (г. Уфа).

ЕСТЕСТВЕННОЕ СЛЕДСТВИЕ любой более или менее напряженной умственной или физической работы — утомление. Работа прежде всего и больше всего отражается на центральной нервной системе и главным образом на головном мозге — ведущем органе, под контролем которого совершаются все процессы в человеческом организме. Но головной мозг не может работать непрерывно. Ему, как и всему организму, управляемому им, нужно предоставлять отдых. Отдых оберегает хрупкие нервные клетки от истощения, предупреждает дальнейшее утомление, снимает усталость. Продолжительная или очень трудная работа может быть выполнена только в том случае, если она регулярно сменяется отдыхом. Примером такого ритма является деятельность сердца: периоды работы сердца — сокращения мышцы — чередуются с периодами покоя — расслаблением мышцы сердца. Так же ритмично чередуются при дыхании вдох и выдох. Чередуются дневная деятельность человека и его ночной покой. Таким образом, основной принцип построения режима дня — это чередование различных видов труда и отдыха, что позволяет сохранять максимальную работоспособность и здоровье.

Важен и другой принцип режима — каждому занятию свой определенный час. Если человек привык есть в определенные часы, то к этому времени организм «настраивается» на это. Говоря языком физиологии, вырабатывается условный «рефлекс на время», начинается усиление деятельности пищеварительных желез и выделение пищеварительного сока, появляется чувство голода. Пища попадает в уже подготовленный к ее восприятию желудок и лучшим образом усваивается.

Так же важна и подготовленность организма к любому другому действию. Если постоянно сидеть за уроки в один и тот же час, например в 4 часа, то к этому времени организм будет «настроен» на работу и школьник быстрее войдет в ритм труда, работоспособность его будет достаточно высокая.

Таким образом, режим дня подчиняет жизнь школьника определенному ритму, обеспечивает максимальную работоспособность.

Режим дисциплинирует, приучает планировать время, способствует воспитанию характера, воли.

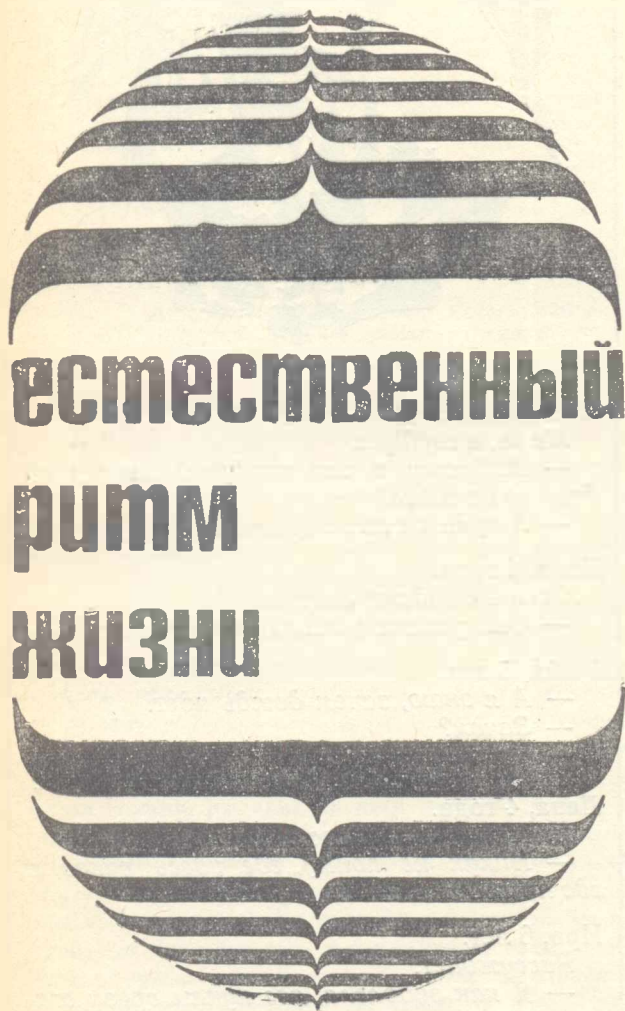
Продолжительность разных видов деятельности — приготовление уроков, прогулки, занятия в школе и т. д. — зависит от возраста школьника. Чем младше ребенок, тем меньше времени отводится на учебу и больше — на сон и отдых. Например, сон первоклассника должен продолжаться от 10,5 до 11,5 часа, ребенка среднего школьного возраста — 10 часов, а старшеклассника — 8,5 часа.

Особенно важен режим дня для первоклассников и младших школьников.

Первый год обучения — это время, когда ребенок приспосабливается к новым обязанностям, к новому режиму. Для первоклассников значительную трудность представляет даже сидение за партой. Трудно удерживать малыша на одном месте хотя бы 10—15 минут, а в школе ему приходится работать за партой в течение четырех часов с небольшими перерывами.

Не меньшая трудность для младших школьников — обучение письму: нетренированные мышцы кисти руки сильно устают. Во время чтения быстро утомляются глаза, потому что нет еще необходимых навыков чтения.

Для старших школьников сам процесс письма или чтения уже не представляет трудности, но объем информации, который они должны получить, настолько велик, что своевременный и достаточный по продолжительности отдых, а следовательно и правильный режим всего дня, совершенно необходим.

Начнем с утра.

Подсчитайте время, необходимое для зарядки и закаливающих процедур, утреннего туалета и завтрака. Получится не менее 45 минут, а для младших школьников — около 1 часа. Значит, вставать следует за 45 минут — 1 час до выхода из дому в школу.

Некоторые родители, желая дать своему ребенку поспать лишние 15—20 минут, будят его слишком поздно и оказывают ему этим плохую услугу. Ребенок начинает торопиться, завтракает на ходу.

Очень плохо, если школьник не успевает сделать утреннюю гимнастику. Недаром она называется зарядкой — она «заряжает» организм бодростью, энергией на весь день. Гимнастические упражнения помогают организму быстрее переключиться от сонного состояния к бодрствованию, углубляют дыхание, улучшают обмен веществ, благотворно действуют на нервную систему. Выполнять упражнения необходимо в определенной последовательности. Нельзя, например, вскочив с постели, сразу бегать и прыгать. Обычно рекомендуется начинать с медленной, постепенно убыстряющейся ходьбы и только затем переходить к упражнениям возрастающей трудности. Каждый комплекс утренней гимнастики строится так, чтобы в работу поочередно включались различные группы мышц. Если ребенок здоров — он может выполнять комплекс утренней гимнастики для школьников, который передают по радио. При необходимости можно посоветоваться с врачом и подобрать подходящие для организма ребенка упражнения.

После гимнастики следует влажное обтирание. Водные процедуры прекрасно закаляют организм, делают его устойчивым к простудным заболеваниям.

На утреннюю гимнастику и обтирание уходит минут 15—20. После этого школьнику нужно одеться, убрать постель и сесть завтракать. Завтрак должен составлять примерно четвертую часть всего дневного рациона. Это может быть каша, яйца или яичница, что-нибудь молочное или овощное, стакан кофе, чая или какао с бутербродом.

После завтрака школьник отправляется в школу. Путь в школу должен быть прогулкой. Дети, которые перед школой минут 30 гуляют, отличаются более высокой работоспособностью и лучше усваивают учебный материал.

Как распределить время школьника после возвращения его домой?

Прежде всего ему нужно пообедать. Обед составляет примерно половину всего дневного рациона и состоит из трех блюд. Затем ребенок должен отдохнуть. Ослабленные или больные дети могут после обеда поспать. Здоровые дети днем обычно не спят. Их отдых должен заключаться в полной перемене деятельности. Не чтение, кино, телевизор, шахматы, а подвижные игры на воздухе, лыжи, коньки — вот занятия для школьников в это время.

После школы продолжительность подвижных игр на воздухе должна составлять 1,5 часа, прогулок, экскурсий — не более 2 часов, катания на коньках — 1,5 часа, ходьбы на лыжах до 2 часов. А максимальное время игры в футбол — 1 час, в бадминтон и волейбол — 1,5 часа.

Очень часто ребята настолько увлекаются футболом или хоккеем, что готовы играть по три часа и больше, забывая обо всем на свете. Такой «отдых» вызывает усталость и после него трудно приняться за выполнение домашних заданий. Вовремя прервите игру и напомним школьнику о его обязанностях.

За уроки ученик садится примерно через 3 часа после прихода из школы и заканчивает их за несколькими часами до сна.

Очень многие ребята любят смотреть по вечерам

телепередачи. По наблюдениям, проведенным в Москве, Ленинграде, Свердловске, дети проводят у телевизора примерно по 2—3 часа в день.

Некоторые родители считают: если школьник приготовил все уроки, а тем более если он получает хорошие отметки, он может все свободное время проводить у телевизора. Исследования, проведенные врачами, показали, что долгое сидение у экрана вызывает утомление, причем дети устают быстрее, чем взрослые. Поэтому детям рекомендуется смотреть передачи не чаще, чем 2—3 раза в неделю. Младшие школьники не должны смотреть телевизор более 1 часа, а старшие — более 1,5 часа. Нужно помнить, что в детском возрасте легко можно испортить зрение, если не оберегать глаза от излишнего напряжения.

В воскресенье и в каникулы в некоторых семьях отменяют режим дня. Утром дети подолгу лежат в постели, пропускают зарядку, а сердобольные мамы поощряют это, считая, что дети отдыхают. А это приносит ребенку только вред: ему трудно потом втянуться в привычный образ жизни. Поэтому и во время каникул нужно следить, чтобы дети ложились спать, вставали и ели в обычные для них часы. Детям надо как можно больше быть на свежем воздухе. Пусть они в каникулы вволю набегаются на лыжах и коньках, катаются на санках.

Правда, энергичная мышечная деятельность после целой четверти «неподвижности» может утомить ребят. Поэтому после обеда — часовой или полуторачасовой спокойный отдых. Можно поспать, просто полежать, спокойно почитать, заняться вышивкой, вязанием.

И еще об одном нужно помнить во время каникул — не увлекаться «елками», концертами, кино, спектаклями. От чрезмерного количества развлечений ребята устают, приходят в школу утомленными.

А. С. Макаренко говорил, что «определенность режима, его точность и обязательность подвергаются большой опасности, если родители сами относятся к режиму неискренне, если они требуют его выполнения от детей, а в то же время сами живут беспорядочно, не подчиняются никакому режиму».

Однажды после лекции для родителей одна слушательница задала такой вопрос: «Как мне организовать режим дня в семье? У меня двое детей — одному 4 года, другому 9 лет. Муж уходит на завод рано, в 7 часов он должен завтракать. С нами живет моя сестра. Она учится в вечернем институте. Приходит домой поздно, и мы ложимся спать не раньше 11 часов».

«Прежде всего, — ответили ей, — режим дня для детей нужно строить отдельно от взрослых. Несмотря на разницу в возрасте детей для них может быть установлен общий режим: они могут вместе вставать и вместе завтракать. Пока старший ребенок в школе, младший гуляет, играет дома. Когда старший приходит из школы, дети вместе обедают, потом младший ложится спать, а старший в это время гуляет. Затем оба получают полдник, старший садится за уроки, а младший идет гулять. Вечером дети вместе играют, рисуют, после чего ужинают и ложатся спать».

В выходной день вся семья может обедать вместе, но если вы обедаете в 15—16 часов, то детям обязательно нужно дать второй завтрак в 12—13 часов».

Конечно, каждая семья имеет специфические особенности, в связи с чем могут возникнуть различные затруднения. В таких случаях родителям следует посоветоваться с учителем или врачом. Вообще, добиться успеха в организации и соблюдении рационального режима дня школьника можно только при объединении усилий родителей, педагогов и врачей.

Т. ЯППО,
кандидат медицинских наук

Д. МЕНДЕЛЬС,
психиатр,
профессор
Пенсильванского
университета

ОБЫЧНЫЕ СТРАХИ ДЕТСТВА

...Мэтью, четырехлетний сын моего друга, жизнерадостный, полный любопытства мальчик никогда ничего не боялся. Родители считали, что он растет счастливым человеком и ему незнакомы неуверенность и тревога. Что могло произойти с ним такого, что он вдруг начал бояться темноты и отказывался ложиться спать, если в комнате не было взрослых?

Я сумел убедить его маму, что боязнь темноты, как и страх перед незнакомыми звуками, тенями и «привидениями», — обычные страхи

детей дошкольного возраста и что ничего опасного в этом нет. Такие страхи возникают и исчезают. Они не являются признаком глубокого внутреннего беспокойства, и все, что нужно ребенку, — это уважение и внимание родителей к его ощущениям.

Не надо смеяться над ним, если он чего-нибудь боится: этим можно вызвать у него ощущение неестественности своих переживаний, стыд за них — и в итоге закрепить чувство страха.

У какой-то части детских страхов есть вполне ясные источники. Мальчика укусила собака — и он начинает бояться не только собак, но и других животных. Старший брат запугивает сестренку, говоря ей, что в их коридоре живут ведьмы — и девочке становится страшно не только у себя, но и в любом коридоре любого дома.

Гораздо труднее определить причину страхов, возникающих по ассоциациям. Трехлетняя Кэтрин слышала, что оружие причиняет людям зло. Затем она встречает картинку с полицейским, у которого в руках ружье. Она запоминает, что полицейские носят оружие и форму. В следующий раз, случайно проезжая мимо пожарной станции, Кэтрин замечает, что пожарные носят форму. Возможно, потому, что она лично знакома с полицейским на углу своей улицы, ее страх перед людьми в форме переносится именно на пожарных, и всякий раз, проходя или проезжая мимо пожарных станций, она начинает плакать и нервничать.

Когда удалось установить источник страха Кэтрин, ее мама долго и подробно рассказывала ей, почему люди носят форму, какие бывают формы и что они обозначают. Отец Кэтрин убедил девочку пойти с ним на пожарную станцию, где их тепло встретили, помогли Кэтрин забраться на лестницу, показали ей, как работают люди на станции. Именно понимание и сочувствие родителей изменили ход рассуждений Кэтрин и помогли ей преодолеть страх.

Этот случай — хороший пример того, как развиваются многие детские страхи. Часто источником их и одновременно путем, которым они проникают в сознание ребенка оказывается цепь самых неожиданных ассоциаций. Хотя причина страха неосновательна, ребенку она кажется вполне логичной. А поскольку с его точки зрения эти страхи вполне оправданы, помочь ему можно лишь одним способом — постепенно показать, в чем его ошибка. Не всегда, разумеется, достаточно одних слов — порой, как в случае с Кэтрин, необходимы реальные жизненные впечатления.

Часто у детских страхов нет вообще никаких реальных причин — ребенок просто почему-то беспокоен. Такие периоды переживают многие маленькие дети, и если подобная внутренняя тревога не становится чувством сильным и затянувшимся, влияющим на нормальную активность ребенка, то нет нужды обращаться к специалистам.

Один из видов страха, переживаемого детьми, — это страх расставания. Преодолеть его необходимо любому ребенку, потому что это — первый шаг на пути к внутренней уверенности и зрелой независимости.

Беспокойство, связанное с расставанием, особенно сильно у детей в возрасте от полутора лет до трех. Двухлетний Джонни играл в комнате. Его мама была на кухне, когда она услышала, что он испуганно зовет ее. Ребенок появился на кухне. Поцеловав мать, он спокойно отправился играть. Может показаться, что ребенку ничего не нужно было. На самом деле он получил то, в чем так нуждался, — уверенность, что мама рядом.

Лучший способ побороть такой страх — это убедить детей, что родители всегда в назначенное время будут на месте, что детям незачем волноваться и ждать. При естественном ходе событий ребенок усваивает, что его родители уходят на какое-то время, но непременно возвращаются, и это приучает его не бояться расставаний. Но даже и в таких случаях приступы страха могут повторяться. Это не означает, что мать должна оставаться дома, когда ребенок поднимает плач. Ей следует успокоить ребенка, облегчить ему это переживание. Ей следует быть очень ласковой и внимательной, непременно объяснить ему, куда она идет и когда вернется. Исчезать незаметно, дабы избежать слез, нельзя: это усиливает страх и подрывает доверие к родителям.

Боязнь школы — еще одна форма страха расставаний. Часто она вызывается нежеланием матери отпускать от себя ребенка и настойчивыми заверениями, что только мама может сделать его жизнь спокойной и безопасной. Ребенок «заражается» беспокойством матери и начинает бояться, что либо с ним, либо с мамой случится что-то плохое. Доктор Дж. У. Кесслер, профессор психологии, предполагает, что боязнь школы — болезнь младших классов и если она встречается позднее, то оказывается следствием мыслей и оценок взрослых, усвоенных ребенком еще в ранние годы. Но если страх перед школой существует, то, независимо от причины, следует обратиться на него серьезное внимание, пока еще он не укоренился глубоко.

Многие дети время от времени не хотят идти в школу. Иногда причины нежелания вполне объяснимы: школьник боится старших ребят, строгого учителя, трудной работы. Помочь тут можно иногда самыми малыми средствами — пойти в школу с ребенком, поговорить с учителем и т. д. Объяснить, наконец, что нельзя при малейшей трудности стремиться прятаться от нее. С самого начала ребенок должен понять, что школа — это его работа. «Твоя работа — школа. Папа ходит на работу каждый день, и, если ты не болен, ты не должен оставаться дома». Если нежелание посещать школу усиливается и причины неясны, то следует обратиться к врачу.

Это не означает, что ребенка всегда следует заставлять идти навстречу своему страху. Если он боится воды, не надо заставлять его лезть в воду — пусть он придет к мысли, что ее не надо бояться, но только пусть придет к этой мысли сам, собственным путем, в свое время. Если он боится эскалаторов — а это очень распространенный страх, — он преодолевает его тем скорее, чем меньше его будет понукать.

Восьмилетний Поль боялся высоты. А еще он боялся, что этот страх обнаружит его друзья. Соединение этих страхов рождало у него беспокойство и тревогу в тех ситуациях, когда его товарищи могли бы открыть эту тайну. Он рассказал об этом родителям, и они дали ему слово, что сделают все, чтобы его друзья ничего не узнали. Родители понимали, что испытывает их сын, когда его товарищи лазают по деревьям в их собственном саду. Они убедили мальчика, что он может легко справиться с этим страхом, если начнет бороться с ним постепенно, преодолевая сначала небольшую высоту. Каждую субботу его отец отправлялся с ним подальше от дома, где его не могли увидеть знакомые мальчики. Там Поль — сначала с помощью отца — тренировался, взбирался на невысокие садовые ограды и деревья. Так он избавился от своего страха с быстротой, доступной ему, и без особенного психического напряжения.

Группа исследователей университета Беркли в Калифорнии, изучавшая проблемы поведения нормальных детей, обнаружила, что на возникновение новых моделей страхов влияет возраст. Когда дети начинают осознавать окружающий мир и себя в нем, у них появляется усиливающееся со временем чувство своей уязвимости. Как только ребенок узнает, что его тело подвластно физическим травмам, вызывающим боль, он начинает понимать, что он не свободен от опасности. Ма-

лыш, выползающий из кровати на волю, меньше осознает свою физическую зависимость, чем четырехлетний человек, который уже знает, что он должен поставить ногу так, чтобы не упасть и не разбиться.

Это и нормально, и даже желательно. Потому что есть ситуации, которых следует бояться ради собственной безопасности. Короче говоря, в ребенке должен быть страх перед некоторыми вещами. Беда в том, что, воспитывая в себе необходимый страх перед огнем, автомашинами, электрическими приборами, он постигает общий механизм страха и волен прилагать его к выдуманным опасностям. Он не в состоянии объяснить, но тем не менее боится «играть на улице», «ходить в гости к Джонну», «проходить мимо дома на углу»... Такие страхи возникают потому, что граница между действительным и воображаемым миром для него еще весьма неопределенна и расплывчата. Воображаемые ситуации для ребенка так же реальны, как и существующие на самом деле.

В ранние годы ребенок особенно подвластен страху перед злыми сказочными существами, о которых ему так часто рассказывают перед сном. Но то, что вызывает страх, может и помочь преодолеть его и научить различать воображаемое и реальное. Представляя себе, будто он идет в подвал искать чудовище, маленький мальчик пытается преодолеть страх. А энергия, которую он затрачивает в такой игре, сжигает часть детского беспокойства и снимает с ситуации болезненную напряженность.

С помощью понимающих и сочувствующих родителей большинство детей безболезненно перерастают свои страхи. Иногда страхи оказываются более продолжительными и сильными, более иррациональными, чем допустимо при нормальном развитии. Если с возрастом они не исчезают, если они становятся частью психики ребенка, следует посоветоваться с врачом и совместно решить, нуждается ли ребенок в специальной помощи, которая поможет ему восстановить утраченную уверенность в себе и чувство внутреннего благополучия.

Ведь только ощущая гармонию мира и свою причастность к нему, чувствуя себя частью его, ребенок научится справляться с более серьезным и обоснованным чувством страха. Только ощущая свое право на присутствие в мире, ребенок сможет наслаждаться жизнью вокруг себя, не страдая от чувства тревоги и беспокойства.

Перевод с английского А. Семеновой

НА ОГОНЁК К ДЯДЮШКЕ ПЭЭТЕРУ

ПОСРЕДИ РИЖСКОГО ЗАЛИВА, на маленьком эстонском острове Рухну живет рыбак Пээтер Роослайд. Ему семьдесят. Пальцы с распухшими суставами, кожа на руках потрескалась. Это за многие годы сделало море — соленое и холодное. Зато лицо без морщин, кожа гладка, покрыта золотистым заггаром. И глаза чистые, голубые, зоркие.

Он рассказывал, что его стала пугать ночь. Это с тех пор началось, как перестал он работать, вышел на пенсию. Жил в собственном доме с женой, детей у них нет. Дом добротный, обшитый тесом. В доме просторные комнаты, камин, приемник, полки с книгами... И вот только солнце окуналось в море, как наваливалась на Пээтера тоска. Выходил он из дому, шел к прибою и долго стоял, глядя в темную воду.

А потом он шел куда-нибудь дальше от моря, тяжело шагая по глубокому песку, отводя рукой высоченную осоку. И однажды в лунную ночь у развалин замка напугал он целую стайку ребятишек. Да как еще напугал: они с криками бежали от него: «Привидение! Привидение!»

Грустно думал Пээтер: вот и детей напугал, уже отвыкают от него люди, привидением стал... Носит Пээтер светлую парусиновую одежду, как и все рыбаки, только добрые люди спят ночью, не шлят у развалин. И вдруг мелькнула мысль: а почему дети-то тут бродят? Впрочем, у многих отцы и даже матери в море, за рыбой ходят. Предоставлены ребятишки самим себе.

Прошло какое-то время. Пээтер пошел к ребятишкам и сказал:

— Хотите послушать легенды дядюшки Пээтера?

— А страшные? — загорелись ребята. — Мы страшные любим.

— Всякие будут, — пообещал Пээтер.

Он повел их к морю, где когда-то была пристань для рыбацких лодок. Теперь колхоз выстроил современный причал, каменные хранилища для лодок, снасти и бочек с рыбой. А тут остался сарай.

Сарай оказался прочным, и бризы не проникали внутрь, хотя стоял он на открытом пространстве и не росло даже трав на песчаных дюнах перед ним. Пээтер сам законопатил щели и просмолил. Внутри было несколько лодок, которыми уже не пользовались.

— Ну, вот что, — сказал Пээтер. — Без дела я вам и рассказывать ничего не стану. Починим эти лодки. Которые захочет колхоз взять — отдадим. И себе одну оставим. Вот эту, бокастую... Будем на ней в море ходить, парус ставить, угря ловить.

Роослайд не забыл, как перепугались ребята, приняв его за привидение. Надо было как-то оградить де-

тей от суеверного страха. Но как это сделать, Пээтер еще и сам не знал, потому что кое в чем сомневался: была такая загадка — таинственное явление «бледной девушки».

Заросшая кустарником стояла серая башенка — все, что осталось от древних укреплений рыцарского ордена. В лунные ночи, глянув в узенькое окошко башни, можно было увидеть бледную девушку. Но ведь не может этого быть на самом деле! Что за фокус такой?.. Пээтер дождался луны и отправился к развалинам. Глянул в окошко — зеленовато-бледная стояла в свете луны девушка. Старик не убежал, как когда-то в молодые годы. Теперь он на склоне лет, и нечего ему бояться, даже самой смерти. Остался дядя Пээтер.

Все знали легенду. В далекие времена, когда островами правил германский рыцарский орден, за стены крепостей и замков запрещалось приводить местных жителей — эстонцев, особенно женщин. Один из молодых рыцарей не подчинился этому. Он любил эстонскую девушку-рыбачку. Нарядив ее в одежды немецкого юноши, он провел девушку в замок. Но обман скоро обнаружили. В наказание рыцаря уморили голодом в подземелье, а девушку замуровали заживо в стене башни. С тех пор в лунные ночи стала она появляться в башне и жалобно звать любимого.

Насчет ее криков, тут дядя Пээтер сразу догадался — ветер двигал ставней, и ржавые петли протяжно скрипели. Стал Роослайд заглядывать в разные окна, и удалось ему разгадать секрет. Вскоре он рассказал легенду ребятам, а затем предложил поглядеть на «бледную девушку».

— Но сегодня нет луны! — возразили ребята.

— А мы возьмем с собой фонарь, — ответил дядя Пээтер.

— Можно с фонарем?

— Еще лучше разглядим.

Он включил сильный морской фонарь и поднял его к старинному окну с готической решеткой. Тотчас же на противоположной известковой стене отразился силуэт решетки, рисунком своим напоминающий очертания женского профиля. Это ясно было видно всем. Дядя Пээтер смещал лампу, и силуэт плыл по стене.

— Лунный свет иной, чем у нашего фонаря, от него и тени искажаются, — сказал Роослайд понемногу приходящим в себя ребятам. — Кроме того, силуэт решетки со стены отражается в другом окне, в том самом, в котором мы и видим лунными ночами «бледную девушку». Теперь можете другим показать этот фокус. Легенды — выдумка, но в каждой есть добро. Они рассказывают о страданиях народа во времена немецкого порабощения, о стремлении народа сверг-

нуть его. Поэтому мы любим наши легенды, храним их как традицию.

Это была победа разума над пред-
рассудками, особенно важная в усло-
виях небольшого острова. Суровые
условия островной жизни приучили
людей верить в приметы и предска-
зания. Особенно остро отражалось все
это на детях. И разоблачение одного
таинства, самого «страшного», неми-
нуемо должно было зародить в детях
сомнение в остальных. Так оно и вы-
шло. Вместе с Роослайдом ребята
«проанализировали» многие приметы
и сказания и пришли к выводу, что
возникли они от незнания, от непони-
мания многих явлений природы.

Отремонтировали ребята лодки и
получили первую благодарность от
взрослых колхозников. А бокастую
лодку, как и договаривались, остави-
ли себе.

— На этом баркасе я, друзья мои,
начинал рыбачить, — сознался дя-
дюшка Пээтер. — Помню, как в
1926 году мы с отцом соорудили пер-
вую салачную мережку. Целую зиму
не выезжал из сарая, а мережка-то
вышла длиной всего 12 футов! Нить
для сети пряли на прялке из льна
или пакли. Но уловы были богатые!
Зато цены в Пярну такие низкие на
салаку, что за полную лодку рыбы
давали гроши, их едва-едва хватало
на харчи. Гребешь домой, держишь
парус, а руки трясутся от досады!..

— А мотор? Разве тогда не было
моторов? — спросил кто-то из ребят.

— Дома вам, что ж, не рассказы-
вали? Были моторы, конечно. Да не
у каждого. Первый лодочный мотор
мы купили только в тридцатом году
на Пярнуском заводе «Сейлера» —
один мотор на три семьи. Вот как.
И купили-то в рассрочку. Расплачи-
вались за него десять лет... Только
Советская власть и погасила нашу
задолженность.

Пээтер догадывался, отчего дети
рыбаков ничего этого не знают.
В семьях не принято обсуждать с
детьми все, что касалось «взрослых»
дел. Воспитание было суровым: отец
или мать дает поручение и ждет точ-
ного, хорошего исполнения. За пло-
хое исполнение, за леность, непослу-
шание детей наказывали. Их не по-
роли, а лишали удовольствия, нагру-
жали внеочередной работой. Ничего
дурного в таком воспитании Роослайд
не видел. Вырастали же дети дисцип-
лированными, любящими труд, не
гнушавшимися никакой «черной» ра-
боты, сильными и выносливыми, ува-
жающими своих родителей и стар-
ших. Он понимал, что ставить парус,
ловить рыбу, чинить рыболовные сна-
сти дети научатся и без его помощи.
Он разослал письма писателям и ху-
дожникам, которых знал лично, —
в разные годы посещали они Рухну.
И вот стал он получать сердечные от-

веты, письма. Шли в адрес Пээтера
бандероли с книгами, посылки с кар-
тинами.

И сам того не ожидал, а вскоре
в доме появилась библиотека и кар-
тинная галерея. Он сразу открыл две-
ри дома для всех. Это был своеоб-
разный клуб, куда заходили «на ого-
нек» не только ребяташки. Чаше все-
го книги читали вслух и сразу же об-
суждали. Конспекты каждого обсуж-
дения Роослайд направлял автору.
Писатель присылал свои соображе-
ния, разъяснения, которые опять же
зачитывались вслух.

Особенно оживленной была пере-
писка с писателями, произведения ко-
торых стали появляться в пятидеся-
тих годах. Это прежде всего Феликс
Таам и Арнольд Негго. Негго в ос-
новном пишет для детей. Но в доме
Роослайда обсуждались и «взрослые»
серьезные книги. Таам присылал Роос-
лайду книги Смуула, Тугласа, Сем-
пера, Вааранди, Промет.

То же самое происходило и с об-
суждениями картин художников, пор-
третной и пейзажной живописи, гра-
фики. Особенную популярность в Эс-
тонии завоевывает эстамп. В нем ото-
бражены картины далекого прошлого,
исторические события и наш день.
Свои произведения и письма присы-
лали Роослайду художники Кютт и
Энносаар. А скульптор Мяни при-
слал маленькую копию скульптуры,
на которой изображены славянский
князь Вячко с сыном эстонского стар-
ейшины Мээлисом на обороне Тарту
в 1224 году — символ многовековой
дружбы русского и эстонского наро-
дов.

У ребят расширился кругозор — и
это было самым главным для Пээтера
Роослайда. Стали ребята все чаще
покидать Рухну, чтобы побывать на
материке, поездить по своей респуб-
лике, по Советскому Союзу. В этом
молодежи помогали Пярнуский рай-
ком партии, райком комсомола и
правление рыболовецкого колхоза.

Есть на Рухну нынче что-то вроде
художественно-прикладного цеха. Ре-
бята под руководством Роослайда
стараятся выразить в дереве, в ме-
талле, изобразить на полотне пейзажи
любимого острова, труд рыбаков, ле-
гендарных героев.

— У меня остается не так уж мно-
го свободного времени, — говорит
тринадцатилетний Михкель Лаас, —
но я стараюсь бывать здесь хотя бы
два раза в неделю. У меня нет мечты
стать художником, я буду рыбаком.
Но работать резцом мне нравится.

Лизо Керс пятнадцать лет. Она
считалась нелюдимой, редко видели
девочку со сверстниками. Теперь
Лизо первая в хоре девушек. А нача-
лось все с того, что мать привела
как-то Лизо в дом Роослайда. Там
пили чай, а потом молодежь заты-

нула старинные песни. Попробовала
петь и Лизо. У нее оказался красивый
голос. Пээтер Роослайд просил Лизо
приходить к нему, он и первый учил
ее пению.

Школьников Карла Мягги и Петера
Альфера, волевых и спокойных, Роос-
лайд агитирует поступить в мореход-
ное училище. Давал им книги о море,
водил на сейнеры...

...Сегодня «зайти на огонек к дя-
дюшке Пээтеру» означает разное: и
просто отдохнуть у камина, разгова-
ривая о своих делах с хозяином дома,
спрашивая совета, и попросить новую
книгу, и собраться компанией, чтобы
отметить какое-нибудь торжество...
Роослайд гостеприимен, весел, участ-
лив и добр. Он рад, когда дом его не
пустует.

Говорят, таких людей много в Эс-
тонии. Они люди скромные и не лю-
бят сообщать о себе. Они получают
всемерную поддержку со стороны го-
сударственных и партийных органи-
заций, хотя сами ни в какой органи-
зации не числятся и выступают даже
не от «лица общественности», а от
себя лично, отдают все свое время,
все силы детям, потому что иначе
жизнь им кажется пустой.

*Г. САВЧЕНКО,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»
о. Рухну — Москва*

лес

П. ВАСИЛЬЕВ,
доктор экономических наук

Еще за тысячелетия до того, как оказаться в духовном плену всевозможных мифов о божественном начале мира, человек выделил из окружающей его среды и воспел четыре могущественнейшие стихии: землю, кормившую его, воду, признанную всеобщим источником жизни, вседуший воздух и огонь, тысячелетиями остававшийся великой загадкой и в камельке, и в разъяренном полыхании лесных пожаров.

Среди этих стихий не было леса. Люди не возвели его в ранг великих стихий только потому, что лес, казалось, сравнительно легко можно и уничтожить и вырастить, что он не таил в себе никаких неотвратимых угроз. И до последних столетий люди не знали о той великой роли, какую играет лес в сложных отношениях между всеми признанными и непризнанными стихиями.

Если бы древнеиндийские философы и современники Гомера и китайского поэта Ду-Фу знали, что лес, и только лес, способен надежно предохранить обрабатываемую поверхность кормилицы-земли от разрушений, наносимых водной и ветровой эрозией, что полноводность рек и в значительной мере распределение осадков поддерживаются лесами, если бы ученым той эпохи была известна решающая роль лесной и другой растительности в сохранении кислородного баланса в приземных слоях воздуха и если бы, наконец, они должным образом оценили тот факт, что и огонь порожден трением дерева о дерево, тайно хранящее впитанную энергию солнца, — они, без сомнения, назвали бы зеленый покров Земли пятой стихией мира.

Миллионы лет существовал лес, находясь под безраздельной властью земли и извечного диктатора — времени. С возникновением челове-

ского общества лес постепенно начал подпадать под третью власть — власть человека. И плененный людьми лес оказался на положении богатого, но больного и безвольного дядюшки, которого обирает каждый, кто может, пока дядюшка не лишится последнего гроша. Именно такая деятельность человека заставила немецкого ученого и путешественника Александра Гумбольта в начале прошлого века сказать: «Человеку предшествуют леса, а сопровождают его пустыни».

Впрочем, столь характерное для прошлых времен хищническое отношение к природным богатствам, знавшее лишь немногие светлые исключения, связано не только с экономическими законами, но и с тем, что люди не знали механизма взаимосвязей между многообразными явлениями и факторами природы и не подозревали, какие последствия вызовет разрушение тех или иных элементов окружающей среды.

Когда-то лес заставляли отступать во имя цивилизации: распаханное поле, отвоеванное у леса, было необходимо. И что же стало?

В Испании, когда-то сплошь покрытой лесами, они сейчас занимают не более 1/3 ее территории. В Греции под лесами находилось 65 процентов территории страны, ныне эта цифра сократилась до 15 процентов. Не менее страшному истреблению подверглись леса Северной Америки. Леса США, занимавшие в прошлом более 800 миллионов гектаров, а в период заселения европейцами около 365 миллионов гектаров, сейчас занимают всего 262, и первичный лесной покров сохранился лишь на 18 миллионах гектаров. В Гане площадь плантаций какао увеличивается ежегодно на 75 тысяч гектаров — за счет лесов.

И все же леса сохраняют пока исключительное положение. Они даже в промышленно развитых и густонаселенных районах и странах за редким исключением продолжают оставаться источником и убежищем девственно чистой природы. Они наряду с травами и сельскохозяйственными культурами играют решающую роль в атмосферном кислородном обмене и, следовательно, в поддержании кислородного и теплового баланса, без чего немислима жизнь на Земле.

И это еще не все. В природной лаборатории зеленого листа ежедневно и ежеминутно осуществляется великое таинство синтеза органического вещества, в котором аккумулируются миллиарды калорий солнечной энергии. Растения нас кормят и греют. И до сих пор еще никто и ничто не может заменить их гигантский труд — человек еще не умеет искусственно воспроизвести синтез растительных продуктов.

Согласно данным известного бельгийского ученого П. Девиньо, автора переведенной в СССР книги «Биосфера и место в ней человека» (М., «Прогресс», 1968), вся масса органического вещества, продуцируемого земной сушей, составляет 53 миллиарда тонн в год, и из них 28,4 миллиарда, то есть около 54 процентов, приходится на леса, хотя площадь, ими занимаемая, не превышает 1/3 суши. В среднем каждый гектар мировой лесной площади (4126 миллионов гектаров) производит около 7 тонн биомассы.

Из этого факта следуют два важных вывода. Во-первых, леса представляют очень крупный и, как утверждает П. Девиньо, наиболее надежный источник будущих пищевых и кормовых продуктов, источник, пока освоенный в самой незначительной степени. Во-вторых, леса благодаря своим свойствам и высокой биологической продуктивности способны стать тем надежным регулятором и стабилизатором, который обеспечивает равновесие отдельных компонентов природы и биосферы в целом.

Леса — вечные самодействующие «фабрики», и продукция их не только кислород и различные виды биомассы. Еще в 30-х годах советскими учеными было открыто ценнейшее свойство многих видов растений — и лесных, конечно, — вырабатывать и выделять летучие вещества — фитонциды, способные убивать вредные для человека микроорганизмы. Лес является массовым «производителем» этих веществ. В зарубежной литературе появился ряд публикаций, свидетельствующих о способности лесов, вернее лесной подстилки, поглощать и нейтрализовать радиоактивные вещества. Не только человека врачует лес, но и природу. Известно, что в лесистых местах даже климат мягче, меньше температурные перепады.

А водорегулирующая роль леса!

Еще Ф. Энгельс писал о наводнениях, вызываемых обезлесением водоразделов и бассейнов рек. В наше время такие европейские реки, как Дунай, Тисса и другие, лишенные защиты лесов, мстят за неразумное обращение с природой, не считаясь даже с 9—10-метровыми (в высоту) дамбами на берегах. Привычным стало усыхание мелких рек. Между тем леса не только регулируют сток. Они и по отношению к воде являются носителями обновления и очищения. Как отмечал В. И. Вернадский, вода под лесной почвой настолько чиста, что более чистую воду нельзя получить ни в одной химической лаборатории. В реке, питающейся лесными ручьями, даже процесс самоочищения от промышленных стоков (если они невелики) идет значительно быстрее, чем в степных реках.

Вопросы леса и воды в последнее время стали настолько актуальными, что, главным образом, им был посвящен международный симпозиум по влиянию леса на внешнюю среду, состоявшийся в Москве в августе 1970 года при участии большого числа советских и иностранных ученых-лесоводов.

Мы уже не говорим об очевидной для каждого человека защитной службе лесов вокруг городов и промышленных пунктов, на полях и пастбищах, вдоль шоссе и железных дорог, на горных склонах, в оврагах и балках, на подвижных песках и песчаных дюнах.

Однако все эти ценные свойства леса могут проявляться лишь при условии, если он есть и окружен нужной заботой.

Сейчас на земном шаре леса занимают примерно $\frac{1}{3}$ всей суши. По результатам специальных исследований принято считать, что леса при средних климатических условиях способны выполнять свои многообразные обязанности с наилучшей отдачей именно при лесистости, близкой к 30—35 процентам. При этом важен их природный и возрастной состав, качество древостоя. Так, водоохранное значение перестойного леса ниже, чем приспевающего, бальнеологическое значение хвойных лесов выше, чем лиственных, разные древесные породы

имеют разное противозероизмное значение.

В связи с этим еще в известном ленинском Декрете о лесах от 27 (14) мая 1918 г. предусматривалась необходимость определить для каждой зоны, района и других территориальных единиц нормы оптимальной лесистости. Хотя таких официальных норм у нас еще нет, но лесоводственной наукой выяснено, в каких районах и для каких целей сколько лесов нужно иметь. Вот только добиться идеала очень трудно; в Ростовской области лесистость ниже 0,5 процента, а в Иркутской — выше 70 процентов. Да и леса разные по своей важности для природы и экономики.

Леса СССР, площадь которых составляет 746 миллионов гектаров (а вместе с вырубками и гарями — более 900 миллионов) делятся на три группы. К первой группе относятся водоохранные запретные полосы вдоль рек и водоемов, пригородные зеленые зоны, лесонасаждения-заповедники, санаторно-курортные леса, а также защитная притундровая полоса, орехопромысловая зона, большая часть горных лесов. Общая площадь лесов государственного значения, отнесенных к этой группе достигает 88 миллионов гектаров. Во вторую группу выделены хозяйственные леса (56 миллионов гектаров) малолесных районов, одновременно имеющие водоохранно-защитное и т. п. значение. Третью группу образуют все остальные леса. Это леса (543 миллиона гектаров) многолесной зоны, используются главным образом как сырьевая база лесной промышленности.

К каждой группе — соответствующее отношение как в лесном хозяйстве, так и в лесозаготовительной промышленности: сколько рубить, сколько растить. К сожалению, существующая, хорошая в принципе система ведения лесного хозяйства у нас еще сплошь да рядом реализуется плохо, с большими нарушениями. Особенно при рубке леса. Почти в каждом нашем лесхозе и леспромхозе есть детальные выполненные при лесоустройстве расчеты, определяющие норму ежегодного отпуска древесины, которая допустима при данном составе леса и которая обеспечивает непрерывное пользование им. Между тем в прак-

тике не только леспромхозы, но и лесхозы, призванные от имени государства контролировать соблюдение этих норм, в последние годы легко идут на переруб. Например, в Карельской АССР все лесоустroительные расчеты показали, что ежегодные рубки хвойных лесов не должны превышать 11—12 миллионов кубометров. А рубят 16—17 миллионов, и, если перемен не будет, через десяток-другой лет заготовки придется сократить до 7—6 миллионов кубометров, и даже предприятия самой Карелии начать питать наполовину привозной древесиной. В то же время из-за отсутствия необходимых мощностей по переработке древесины лиственных пород у нас даже в центральных районах и в хорошо доступных лесах севернее Москвы ежегодно оставляются на корню миллионы кубометров спелой осины, ольхи, березы и других мягколиственных пород.

Или взять возобновление лесов на вырубках. В стране ежегодно идет под сплошные рубки более 2,5 миллиона гектаров леса. Посадки же производятся на площади 1,2 миллиона гектаров, несколько сот тысяч гектаров возобновляются мерами содействия самовозобновлению леса или по милости природы. А 15—20 процентов вырубок бросаются на произвол стихий, и многие вырубки превращаются в пустыри и болота. Слабо еще борются наши лесоводы и за повышение урожайности, то есть продуктивности наших лесов. В ряде мест они могли быть в два-три раза плодороднее.

Много печалей вызывает состояние даже особо защитных лесов. В большинстве из них не видишь следа заботливой руки лесоводов. Яркий пример этому — Подмоскoвье. Во многих защитных лесах распространена пастьба скота. А туристы и другие любители леса! Из каждой сотни лесных пожаров не меньше половины возникает по вине тех наших «цивилизованных современников», которые, по-видимому, всерьез считают, что цивилизация, обременив их знаниями пяти тысячелетий развития культуры, одновременно освободила от простой привычки дикаря тушить оставляемый костер.

А ведь человек должен охранять лес не ради леса, а ради себя само-

го — чтобы было чем дышать, из чего строить и... чем кормить свои заводы и фабрики.

Одно время, в начале революционных наступлений химии, казалось, что применение древесины как технологического сырья идет на спад. Но произошло обратное — химия в последние десятилетия вызвала новый скачок в этой области. Если между двумя мировыми войнами считалось, что из древесины вырабатывается 4—5 тысяч различных видов изделий, то теперь из древесины получают более 25 тысяч видов продукции, большая часть из которых своим появлением обязана химии и химической технологии. В переработку стало возможным направлять древесину самых различных пород, включая такие, которые полвека назад считались сорной породой (например, береза, осина, ольха и т. п.). Широкий обратный путь в производство стали получать древесные отходы и макулатура, хотя еще не в том объеме, как это было бы необходимо.

Парадоксально, но факт, что наиболее опасным для сохранности лесов детищем химии в наше время становится самая культурная отрасль лесопотребления — целлюлозно-бумажная промышленность. Если в СССР в предвоенные годы она «съедала» не более 5—6 процентов всей заготовленной древесины, то теперь — около 10 процентов. В США на эти нужды расходуют более 30 процентов древесины отечественной заготовки, а в Канаде и в странах Северной Европы — до половины.

Десятки тонн газет, журналов и книг поглощают огромное количество леса. Большая ежедневная газета сводит за месяц 400 гектаров леса. Один воскресный номер «Нью-Йорк Таймс» поглощает 77 гектаров леса.

В странах с ограниченными лесными ресурсами призывали на помощь химию — ей предстояло найти заменителей дереву в строительстве и отоплении. Этот процесс не миновал и нашу страну. В сравнении с тридцатыми годами расходование древесины на один миллион рублей капитальных затрат сократилось у нас в три раза, доля дров в общем объеме лесозаготовок — с 50 до 28 процентов. Однако эти проценты никого не должны успокаивать. Здесь важны абсолют-

ные объемы. А они вот каковы: из 280 миллионов кубометров ежегодно заготавливаемой деловой древесины на нужды строительства идет 40—45 миллионов кубометров круглых сортиментов и вдвое больше пиломатериалов. В современных условиях это нерациональная трата лесного богатства.

Еще менее оправдано расходование 40 миллионов кубометров на ящики и бочки — деревянную тару, потребляемую промышленностью и торговлей. Лесному хозяйству это стоит очень дорого: средний выход деловой древесины с гектара в наших лесах обычно не превышает 100—120 кубометров. Следовательно, для выработки одной лишь тары мы сводим ежегодно 340—400 тысяч гектаров спелого леса, а с учетом попутных дров — все полмиллиона гектаров, то есть проходим рубкой лесную площадь (с накопленным за 100 лет запасом древесины), которая при ширине 7—8 километров составила бы полосу от Москвы до Ленинграда. И это, повторяем, на одни лишь ящики и на разную другую тару!

Между тем современная технология позволяет вырабатывать на нужды упаковки, для тары, мебели, внутренней отделки зданий, судостроения и т. д. прекрасные плитные материалы, расходуя одни лишь отходы и дрова. У нас это производство уже получило большое развитие, но при наших потребностях и возможностях его масштабы все еще недостаточны.

Большую экономию древесины можно получить за счет переработки макулатуры. В США и Японии на вторичную переработку идет 30—35 процентов всей потребляемой бумаги, а у нас, к сожалению, использование этого ценного вторичного сырья пока организовано неудовлетворительно.

Экономить лес можно и удлиняя сроки службы древесины, например, пропитывая ее различными маслами и специальными составами.

Расчеты и передовой опыт, например, работников леса Латвийской ССР говорят, что при реальном использовании даже половины указанного рода резервов страна могла бы удвоить выпуск конечной продукции из древесины, не увеличивая объема лесозаготовок.

В настоящее время, как уже сообщалось в печати, готовится проект нового большого закона о лесах, точнее, основ лесного законодательства. Закон этот, несомненно, определит прочные и верные основы для решения вопросов использования, охраны и воспроизводства лесов.

Но и законы наши, как известно, сильны не только глубокой научной обоснованностью и точными формулами. Их силой во многом была и остается сознательность и культура народа. Поэтому будущее леса во многом зависит от того, сумеем ли мы воспитать у каждого, кто общается с ним, чувство ответственности за его судьбу.

ОТ РЕДАКЦИИ. Читателям, желающим ознакомиться с затронутыми в статье вопросами более подробно, редакция рекомендует прочесть книги автора настоящей статьи: *Сокровища советских лесов*. М., «Лесная промышленность», 1967; *Земля лесная*. М., «Наука», 1967; *Лесные ресурсы сегодня и завтра*. М., «Знание», 1969, а также статью «По заветным страницам и тропам» в журнале «Лесное хозяйство», № 3, 1970.

В декабре

23 декабря — день зимнего солнцестояния, в этот день самое низкое солнце, самый короткий день и самая длинная ночь. Именно с этого дня продолжительность светлого времени суток начинает увеличиваться, увеличивается и высота солнца над горизонтом. В целом декабрь самый темный месяц года с самым низким солнцем. Поэтому именно в декабре земля получает наименьшее количество тепла.

В декабре уже прочно ложится снег. Для районов средней полосы СССР средняя дата — 7 декабря, а если зима запаздывает, то эта дата отодвигается до 23 декабря.

Декабрь — месяц ледостава. В первой половине декабря замерзает Нева у Ленинграда, Западная Двина на уровне Двинска и Витебска, Неман на уровне Каунаса, Северная Двина на уровне Архангельска, Днепр на

уровне Могилева, Березина на уровне Борисова, Десна на уровне Чернигова, Дон на уровне Калача и Задонска, Волга на уровне Горького, Куйбышева и Саратова, Кама на уровне Перми, Ока на уровне Орла. Около середины декабря ледостав достигает Киева, Астрахани, Ростова-на-Дону.

На подавляющей части территории страны (за исключением южных районов) растительный мир полностью переходит в состояние зимовки. Большинство деревьев и кустарников зимует с открытыми почками и только карликовые ивы и ягодные кустарники (черника, голубика и другие) зимуют под снегом. У большого числа травянистых растений, таких, как злаки, осока и другие, зимующие почки находятся на поверхности. Значительная часть травянистых растений имеет корневище, зимующее под землей, и наконец у однолетних растений зимуют семена. По-разному относятся к зиме с ее холодами зеленые части растений: хвойные деревья и кустарники (за исключением лиственных) одеты хвоей в течение круглого года, листопадные деревья и кустарники на зиму освобождаются от листьев. Обе эти группы широко известны, но мало кто знает, что существует и третья — зимние зеленые растения. Волосистая осока, зеленчук, гравилат, волосистая ожига и некоторые другие растения сохраняют зеленые листья в течение всей зимы. Ранней весной с развитием нового весеннего побего зимовавшие зеленые части отмирают.

Многочисленный и многообразный мир наземных беспозвоночных найдется полностью в состоянии оцепенения, так же как и земноводные и пресмыкающиеся.

Известную активность проявляют рыбы, птицы и млекопитающие. Уже многочисленность любителей подледного лова показывает, что у опытных рыболовов он может быть добычливым.

(В частности, в декабре подледным ловом добывают щуку, судака, леща, плотву, густеру, голавля, окуня, ельца, пескаря, ерша.)

После осенних перекочек расселяется по таким участкам, которые обеспечивают ее кормами, боровая дичь (рябчики, тетерева, глухари). Также в достаточной степени ста-

бильно зимнее питание некоторой части птиц — спутников человека, в частности голубей, домовых воробьев, сорок. Из пернатых соседей человека менее постоянны вороны и галки. В сильные холода и многоснежные зимы их стаи смещаются к югу. Сильно изменяется численность и разнообразие зимних лесных пернатых, в зависимости от наличия кормов — в сытые зимы при урожае семян хвойных, рябины, березы увеличивается число дятлов, задерживаются стайки синиц, подолгу не улетают дрозды, а в годы урожая еловых семян гнездятся клесты.

Многообразна декабрьская жизнь млекопитающих. Барсуки, сурки и суслики отремонтировали с осени зимние квартиры, солидно ожирели, залегли. Под землей обитают хомяки и бурундуки, но вместо того чтобы жиреть, эти зверьки собирают запасы и кормятся ими во время зимовки.

На большей части СССР и медведи в декабре спят в берлогах, а если медведь не накопил жира, то он в спячку не ложится (охотники таких зверей называют шатунами). Этот медведь обречен на гибель, но прежде, чем погибнуть, он может наделать много бед, и встреча с ним опасна.

Интересен вопрос о зимовке летучих мышей. Кольцеванием установлено, что основная масса летучих мышей — перелетная. Но имеются и оседлые виды. Для Подмосковья это в первую очередь ушан.

В своих подземных лабиринтах, которые они устраивают еще с середины лета, спасаются от морозов водяные полевки, неправильно называемые водяными крысами. Остаются в районах летнего обитания и зайцы, причем русаки тяготеют к условиям культурного ландшафта, а беляки — к зарослям приречных ивняков и к молодым осинникам.

Практические дела в декабре для ребят? Надо уже заботиться о подкормке птиц. А еще важное дело — елки. Когда елки заготавливают сами лесничества, то лесу от этого только польза, а вредит ему рубка самовольная. Пусть ребята «желчные» патрули остановят браконьеров!

П. СМОЛИН

МАЛЬЧИК И МУЗЫКА

Валерия АЛФЕЕВА

...ОДНАЖДЫ НАСТУПАЕТ ВРЕМЯ подводить первые итоги, и ты понимаешь, что ко всему пришел очень поздно. Поздно определил главное в собственных стремлениях. Поздно — когда надо было многое ломать и начинать сначала — поверил в свое право заниматься любимым делом. Поздно одолел первые ступени мастерства. «Если бы те же — пусть не слишком большие — способности проявились и получили развитие в юности, — думаешь с печалью о непоправимом, — если бы...»

А уже растет сын, милый, забавный мальчишка, с которым так приятно бродить по лесу, читать книжки с картинками, говорить перед сном друг другу добрые слова. Придет когда-нибудь и его пора решений. И уже сейчас рождается в нем что-то свое, возникают склонности и увлечения, которые могут сохраниться и разрастись или, наоборот, раствориться, затеряться, растаять. Не опоздать бы теперь с ним, не дать бы угаснуть искрам одаренности — ведь это самое ценное, что в каждом из нас есть...

На столике у окна — стереофонический проигрыватель и отобранные для сына пластинки в картонной коробке.

— Бабушка, включи мне проигрыватель, — говорит мой трехлетний сын.

— Гришенька, я не умею, — отвечает бабушка.

— Ну, это же так просто, иди, я тебе покажу.

Сын включает проигрыватель, укладывает ластик или спичечную коробочку на звукозаписывающую, нуждающийся в дополнительном нажиме, по размеру и цвету конверта находит нужную ему пластинку.

— Видишь, как просто. Сейчас будет «Марш солдатиков». Бабушка, давай со мной маршировать!

И вслед за маршем напевает «Сицилийскую песенку» или «Маленький романс» из того же «Альбома для юношества» Шумана.

Пожалуй, музыка — самая длительная его «страсть». Она возникла еще раньше, чем любовь к автомобилям, — при виде которых он всегда испытывал сильное волнение и годам к двум освоил все марки машин, — и даже эту любовь пережила. В моем дневнике, посвященном сыну, сохранились записи, относящиеся к самым первым его музыкальным впечатлениям. Сейчас, когда с естественным для матери удовольствием я рассказываю, что Гриша правильно напевал музыкальную пьесу «Пианисты» из «Карнавала животных» Сен-Санса уже в 1 год и 9 месяцев, в выражении лиц других родителей появляется прикрытое вежливой улыбкой недоверие. Но это так, и, наверное, так и должно было быть, несмотря даже на то, что в «Музыкальном образовании» его не было системы. Просто мне очень хотелось, чтобы мальчик в будущем чувствовал музыку, остальное получалось почти преднамеренно.

Может быть, эти дневниковые записи будут интересны не только мне самой.

Грише 2—3 месяца. Однажды, когда он очень плакал и я никак не могла его успокоить, я включила проигрыватель с первой попавшейся под руку пластинкой; кажется, это было «Музыкальное приношение» Баха. И мальчик затих. Он лежал в деревянной кроватке, в синенькой с белыми звездочками распашонке, успокоившийся вдруг, лежал с широко раскрытыми глазами и слушал. Может быть, и не слушал он, а просто кон-

чился какой-то неведомый повод для плача? Но я отдыхала от нервного напряжения, всегда вызываемого детским криком, и думала: уж не нашла ли я универсальное утешающее средство?

В последующие дни я часто испытывала это средство. Дома у нас небольшая, но тщательно подобранная по исполнителям фонотека. И раньше, с первых недель мальчика, когда он не спал и был спокоен, я слушала Баха, Шостаковича, симфонии Брамса — в те месяцы преимущественно их. Мне казалось, что сын почти не реагировал на музыку. Но позже я читала, что такой музыкальный фон все же способствует развитию музыкальной памяти. Для Гриши я стала включать что-нибудь красивое, легкое, например концерты Вивальди. Иногда это успокаивало, иногда нет. Так, отчасти утилитарно, все началось.

4—6 месяцев. У Гриши появились две «любимых» пластинки. Мы ставим одну из них и спокойно уходим в другую комнату. Если раздается плач, значит, пластинка кончилась и пора ее переворачивать. Избирательная способность мальчика совершенно очевидна. Например, пластинку Вивальди он соглашается слушать только с одной стороны. Песни тоже приходится перебирать довольно долго, прежде чем какая-нибудь окажется соответствующей его настроению, зато потом ее можно повторять бесконечно.

10 месяцев — 1 год. Мы выехали на дачу, и это послужило причиной неожиданного качественного сдвига в «музыкальном воспитании». Большую часть дня мальчик проводит в саду, густо-зеленом от листьев недавно отцветших вишен, от разросшейся травы. В трюсиках и панаме он подолгу играет в кроватке или стоит, держась за перекладинку, провожая глазами прогуливающих по дорожкам птиц. Мы обогащаем свой репертуар детскими песенками. Теперь в саду звучат «Спать пора, уснул бычок», «Серенький козлик», «Елочка». Есть еще одна простенькая мелодия неизвестного происхождения, которую часто поет бабушка и в ритм которой Гриша постоянно приплясывает. Мелодия эта ассоциируется у него с бабушкиной соломенной шляпой, и часто он начинает приплясывать в том же ритме, когда просто видит шляпу, даже без бабушки.

Он очень внимателен ко всем звукам — рокоту проезжающих машин, мотоциклов, гулу самолетов, скрипу колодца, к птичьим голосам. Примерно в это же время он начал произносить первые слова, сделал первые шаги и принял участие в первом стихотворении. «Гуси, гуси!» — говорит кто-нибудь из нас, и он радостно откликается: «Га-га-га!», и теперь это «га-га-га» звучит по целым дням из разных уголков сада.

1 год и 4 месяца. Недавно Гриша играл один и вдруг совершенно точно пропел первую строку из «Елочки», — разумеется, без слов. Я несколько раз пропела ему две строки вместе, после четырех попыток он их воспроизвел, а дня через три напевал всю строфу, заменяя слова повторяющимся слогом «ка». Песенку очень охотно исполняет по первой просьбе.

В последующие недели как-то сразу выплеснулось то, что, видимо, долго накапливалось раньше. Так же самостоятельно он пропел песенку «Заинька серенький», даже с первыми словами, больше похожими на

«хаинька синенький», потом «Во поле березонька стояла», «Любителя-рыболова» и «Картошку». Теперь мы часто поем «дуэтом»: в каждой строке он нараспев повторяет последнее слово. Мелодии новых песен запоминает быстро, после нескольких повторений. Однажды, придя с улицы и усевшись на красного пластмассового коня-богатыря, он запел что-то, чего мы еще не пели и что при ближайшем рассмотрении оказалось «Калинкой-малинкой», очевидно услышанной в саду.

Использование проигрывателя теперь затрудняется тем, что слишком большой интерес вызывает у него крутящийся диск. Поэтому временно отец чаще играет ему на пианино: детские песенки, вальсы, «Итальянскую польку» Рахманинова, гаммы. Гаммы он полюбил, стал различать тональности и постоянно требовал до мажор («го мажо»), не обходя вниманием и другие тональности — преимущественно мажорные. А недели на две его совершенно пленила хроматическая гамма...

Эти музыкальные упражнения мы вовсе не навязываем сыну, скорее наоборот, оказываемся едва способными утешить разбуженную жажду новых мелодий. Вернувшегося с работы отца сын встречает радостным криком: «На паанино!» Потом сидит у него на коленях, заказывает песни, к примеру «Коробушку» или «Заиньку», передвигая руки отца то к басовому ключу, то к верхним регистрам. Если игра отца ему надоедает, он говорит: «Сам!» — сейчас это основное в его лексиконе слово — и «играет» сам, нажимая на клавиши пальчиками; что нельзя шлепать по ним ладошкой, он уже давно усвоил.

1 год и 8 месяцев. За окном пробежал мальчик с фонариком.

— Огонек! — выговорил Гриша, глядя в окно.

Мальчик скрылся за углом.

— Погах... (погас) — вздохнул Гриша и объяснил мне: — Огонек погах.

Это была одна из первых его фраз.

Недели через две уже так исполнял «Муху-Цоко-туху»:

Муха, муха, ха-ха-туха,

Позолоченная буха... —

— и так далее, с чистейшим словом «позолоченное» и с ритмизированной невнятицей всего остального.

Игра на пианино остается самым сильным увлечением. Причем безразлична ему и техника исполнения: любит, когда отец играет скрещенными руками, любит трели, упражнения. Увлечения одной мелодией очень длительны. Так, недели две он слушал пьесу «Пианисты» из «Карнавала животных», чрезвычайно ликовал, когда услышал ее по радио и узнал, а теперь напевает эту пьесу сам. Многие поет, с неясно выговариваемыми, но вполне понятными словами, многое говорит вполне сознательно, а несознательно повторяет почти любые слова. Требования его совсем определены: «Березоньку» не надо, «Кисоньку» надо!

Кстати, на примере этой «Кисоньки» мы поняли, что и текст производит на него впечатление. Придется привести этот забавный и трогательный текст:

Идет кисонька из кухни,

У ней глазоньки опухли...

О чем, кисонька, ты плачешь?

О чем, милая, горюешь?

А она отвечает:

Как мне, кисоньке, не плакать!
Как мне, маленькой, не плакать!
Повар пеночку слизал
И на кисоньку сказал!

Песенку эту он слышал много раз, а однажды, когда я пропела первую строфу, лицо его приняло соответствующее теме жалобно-сочувственное выражение, он стал потихоньку всхлипывать и — уже нельзя было этого предотвратить — на второй строфе безутешно разрыдался: «Кисоньку жанко...» Весь вечер повторял, что жалко кисоньку, но все просил, чтобы снова про нее спели. Подобное же впечатление произвела на него трагическая ария петуха из детской оперы: «Несет меня лиса за синие моря». Теперь мы стараемся не петь таких горестных песен.

Говорят, что для своего возраста он развит неплохо. После одного посещения зоопарка и потом по книжке фотографий «Животные близкие и далекие» изучил всех зверей и птиц.

— Попидай! Обезьяна! Себрал

Бывают, конечно, и самые неожиданные заблуждения. Так, увидев случайно в книге золотую маску Тутанхамона в полосатом головном уборе, он тоже предположил, что это «себра».

Говорит уже несложными фразами: «Мамина перчатка», «Ноженьку обуть», «Там коляска едет», «Завяжи бантик». Иногда подолгу предается фонетическим упражнениям. «Басяком», говорит он и прислушивается, потом «басяким!» и, наконец, «бисиким!» и заливается нежным, похожим на звук тоненького колокольчика смехом. Иногда он намеренно шутит, называя хорошо знакомый предмет другим словом, особенно когда взрослые в порывах умиления надоедают бессмысленными вопросами. «Гришенька, что это у тебя?» — спрашивает гость, показывая, например, на Гришин нос. «Собака!» — быстро отвечает он и хохочет.

Около двух лет.

— Ах, какой водопад! Какой красивый водопад! Беленький, желтенький... Большой и красивый, как грузовая машина!

Говорит он уже свободно, хотя и со многими детскими неправильностями. Часто говорит о себе в третьем лице или, разговаривая сам с собой, и во втором:

— Зачем ты туда полез? Ну как тебе не стыдно! — приговаривает он, взбираясь на письменный стол. — Мальчик мой, маленький, хорошенький, солнышко мое, сынишка мой, ну как тебе не стыдно!

Сейчас уже знает наизусть много стихов: «Уронили мишку на пол», «Спать пора, уснул бычок», «Зайку бросила хозяйка» и т. д. и т. п. Сидя за столом, с увлечением декламирует:

Уходи-ка ты домой, говорит,
Да лицо свое умой, говорит...

Часто рифмует: «мальчишка-зайчишка», «папа-шляпа» или произнесет нечаянно «калитка открыта» и вдруг начинает импровизировать: «Калитка-открытка, закрытка-калитка, открыта-калита, а-ха-ха-ха!»

А вечером, освободившись от своих дневных многосложных трудов, лежа в кровати, он поет песни, иногда очень забавно их интерпретируя. Тривиальный «Чижик» зазвучал так:

Чижик-пихик, где ты был?
На фонтане он купил!
Выпил кружку молока,
На фонтане он купил!!!

Недавно в гостях у нас была женщина, которая, стараясь Гришу занять, несколько преднамеренно и нарочито, как часто взрослые говорят с детьми, пела ему «Елочку». Вдруг, всех нас очень смутив, Гриша подошел к ней и сказал доверительно:

— Больше никогда не пой. Ты не можешь петь. Лучше не надо.

К сожалению, последующие записи в этом дневнике посвящены почти только языковым, поэтическим, литературным «откровениям» моего сына. Музыкальное увлечение вошло в ровное, спокойное русло, пластинки стали неотъемлемой частью дневных занятий, привычных и естественных, как еда, сон, игры. И пожалуй, проследить это увлечение в течение следующего года, от двух до трех лет, я могла бы только обзорно или по главным вехам.

Около трех лет было Грише, когда у нас появилась инсценировка «Доктора Айболита». Это был почти праздник. Несколько дней сын слушал только «Айболита», вдохновенно подсказывая героям их реплики, и долго потом в нашей комнате — то в записи, то в Гришином исполнении, то, наконец, в нашем собственном — звучали прелестные песенки и доброго доктора, и обезьянки Чичи, и Бармалея.

Не меньше радости доставили две пластинки «Приключений Буратино»; потом «Петя и волк» Прокофьева.

Одно из последних увлечений — «Альбом для юношества» Шумана.

Каждый вечер, когда он ложится в кровать, когда уже рассказано мне обо всех последних, важнейших событиях, когда уже по несколько раз произнесены все прощальные слова:

— Спокойной ночи — ночи спокойной — всего доброго — всего хорошего — я тоже куплю тебе потом конфетку-лариску — послушай меня, ты забыла сказать: «Спи, мой маленький, спи, моя ласточка», укрой мне щечку — спасибо — спокойной ночи — до свидания.

Когда все это уже сказано, но есть еще время и нам не хочется расставаться, он просит:

— Спой мне про парус, потом «Ноченьку», а я расскажу тебе про царевну-лягушку и спую «Спи, младенец мой прекрасный», и тогда все.

И я пою ему лермонтовский «Парус», и он мне поет, и мы расстаемся счастливые.

Сейчас ему исполнилось 4 года. Теперь, с этого года непременно, мы будем водить его на уроки музыки. Кажется, почти все, что мы сами могли дать ему в этом отношении, он уже исчерпал.

Настала пора, когда новые впечатления, новые музыкальные навыки и знания он может осваивать более глубоко, более систематически.

Надо, наверно, еще сказать, что мы совсем не хотим сейчас предопределить для сына выбор профессии. Кем он станет — это решит время.

Сейчас он забавный, милый, трогательный, иногда капризный мальчик, какими бывают все дети в его возрасте. Как и в каждом ребенке — в нем бесконечные потенциальные возможности, возможности духовного, интеллектуального, нравственного развития. И как это нужно, как бы хотелось помочь укрепить этим совсем еще слабым, хрупким росткам души...

свободная вакансия

С. Соловейчик. ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА. М., «Детская литература», 1970.

Перед автором книги сидит человек, по всему видно, не глупый, достаточно образованный, достаточно... нет, пожалуй, даже избыточно рассудительный, и самонадеянный в ту самую воспитательную меру, которая присуща его шестнадцати годам. Автор был волен выбирать собеседника и мог посадить рядом юношу более доверчивого или, скажем, более вежливого, который не стал бы прямо с начала отталкивать иронией даже сам предмет предстоящего разговора, настолько он показался ему общеизвестным. Еще заманчивее было обратиться к натуре пока не тронутой раздумьями, ступить на землю никем не завоеванную и проповедовать там свою веру, зная, что она для слушателя твоего вновь и единственная.

Но автору не интересна мягкая податливость, не хочет он обращаться к мышлению неразвитому, потому что делу, которому он ищет последователей, нужны качества совсем противоположные, нужны характеры бойцовские, умы смелые и одновременно расчетливые, нужна новаторская отвага, нужна крепкая воля. А тот, на кого автор смотрит с надеждой, воскипает запальчиво:

— Ни за что!

Ни за что он не пойдет в учителя. И не говорите ему, что это самая благородная профессия, что на учителе мир стоит, что учитель — это связь поколений, прошедшего и будущего... Он все это тысячу раз слышал. И даже согласен с этим. Но пусть тянут ляжку школьной одноитости те, кто ни к чему другому не способен или душевно ленив, лишен нормального честолюбия, как учитель математики в их десятом классе. Отличный, правда, учитель, мог бы стать профессором.

Так он хвалит-жалует застрявшего в школе талантливого человека и этим опять подтверждает свое категорическое «Ни за что!» Да с какой стати? Люди

на Луну летают, на Марс, на Венеру собираются, а ему — в подсобку!

— С вами трудно, — признается автор, — но я и не рассчитывал на другой прием.

Да и как ему рассчитывать иначе, когда против него стоит полузнание, которое вреднее полного незнания, потому что преграждает путь к истине. Если человек думает, что ему о чем-нибудь все ведомо, зачем ему копаться глубже? Об учительской профессии все все знают, и потому нет к ней любопытства. И еще стоит учесть, как упорно тиражируется это ограничивающее полузнание: какие бы красивые слова ни употреблялись в книгах и очерках об учительском труде, все равно смысл большинства из них укладывается в строчку — «с седыми прядями над нашими тетрадками». Так может ли, по совести говоря, увлечь юношу, обдумывающего жизнь, перспектива тихой жертвенности, которая прочно заштампована в качестве похвального отзыва об учителе?

Спор необходим был автору.

Этот спор, составляющий предисловие к книге, — не только средство привлечь читательское внимание, не прием занимательности, которая числится обязательной, когда адресуются к молодежи. Задача спора воспринимается шире и серьезнее: это — стремление прорвать заслон распространенной репутации педагогики как дела цехового, узкоремесленного, это и полемика с разоружающей бесконфликтностью многих публичных представлений самой педагогики, это, наконец, сожаление о том, что педагогика выпала из круга современного общего образования и о ней как о важной сфере общественной мысли не догадываются не только юноши...

Несомненно, что книга С. Соловейчика «Час ученичества», изданная Детгизом и предназначенная для детей старшего возраста, привлечет и возрасты более поздние.

Потому что она в своем роде — единственная. Первый у нас популярный очерк науки о просвещении и воспитании.

Есть учебники педагогики, где показана ее история и теория, ее методы и специальные отрасли, ее составляющие. Но к учебникам обращаются по обязанности и, предположим, те, в ком уже разбужен интерес к предмету. Сам же учебник, увы, такого интереса вызвать не старается. Одни из учебников более удачны, другие удачны менее, но ни к одному из них не подставляется слово «увлекательный». Да солидные авторы, пожалуй, обидятся, если кто скажет про них такое или потребует такого от них. Наука же! При чем здесь увлекательность?

Не удержусь, приведу тут смешной, хотя не без примеси грусти, эпизод. На заседании коллегии Министерства просвещения РСФСР, где говорилось о пропаганде педагогических знаний, сотрудница одного педагогического НИИ потребовала запретить, как она выразилась, «необоснованные журналистские книжки по вопросам воспитания». Никаких примеров она не приводила, ни на какие ляпсусы не ссылалась, требовала, так сказать, принципиально, оберегала свою область от дилетантов. На речь ее посмеялись, если же задуматься — в ней опасный симптом: каковость неизменно мертвит науку. Научная ревность лишь тогда полезна, когда она — соревнование.

А педагогика всегда была наукой открытых дверей. Ей по-другому нельзя, ибо она человековедение и человекоусовершенствование. К ней всегда тянутся люди мыслящие, на ее вершинах совсем не неожиданно оказывались выдающиеся философы, революционеры, медики, математики, химики, ботаники — обладатели передового знания века.

С. Соловейчик пишет об этом увлекательно. Удастся это ему потому, что он и талантливый публицист и талантливый педагог. Совпадение закономерное: педагог — всегда пропагандист, главный талант учителя — всегда отдача. Я представляю себе его путь к этой книжке, его «час ученичества». — Учительство в деревне, пионервожатый, ребячий нумир, сам по уши в их интересе (и другим они ведь не привязываются), работа в журнале «Пионер» — для них и в «Комсомольской правде» — о них. И тут все закономерно: деятельное желание каждому дать высшее человеческое образование — классическая основа вступления на поприще педагогической науки. Соловейчик в эту науку влюбился и, видимо, не мог не поделиться своей любовью с теми, для кого привык работать и... учиться. Просто рациональная задача не сумела бы сообщить его изложению такой страстности.

Учитель — школа — педагогика — общество: такая неразрывная цепь представлена в книге, дана как

долгий путь борьбы и мужества. И не силой слова достигается страстность рассказа об этом пути, а силой осмысления фантов.

И вот оживают знакомые понятия, и глубокому смыслу которых для многих закрыт путь полужа- нием: учитель, ученик, класс, урок, доска с мелом, учебник, самое право прийти в школу, превращение права учиться в прекращенную всеобщую обязанность, сама возможность школу окончить... Оживают в борьбе классов и в борении умов — масштаб взят огромный: чтобы лучше была видна значительность этих привычных понятий. Путешествуя по истории школы от «Арифметики» Магницкого и «Грамматики» Смотрицкого, — названных Ломоносовым «врата моей учености», — от самого Ломоносова до наших дней, читатель все время сталкивается с необходимостью думать, размышлять над встреченными суждениями. Не на пассивное ознакомление, на активное мышление нацелена эта книжка.

— Для чего человек учится?

«Человек учится ради всего потому, что его мучат любознательность, инстинктивная тяга к знанию: это — внутренние побудительные причины. От природы они есть у всех, но в иных людях они развиваются, в других — заглушаются неудачными обстоятельствами.

Человек может учиться и потому, что его принуждает к учению житейское здравомыслие: не выучившись, он не сможет занять в жизни то положение, которое хотел бы занять. Это — внешние побудительные причины. Они так же сильны, как внутренние. Когда внешние побуждения развивают природную любознательность, эти два двигателя творят чудеса, делают человека невероятно способным. И сколько бы ни путешествовали мы по истории школы, в каком обличье школа ни представляла перед нами, мы, просмотревшись, всегда увидим эти две причины. Всегда есть тяга к знанию и нужда в знании».

Автор постоянно дает повод видеть вещи и явления в их перекрестном историческом развитии. Вот выражение — «идеальный ученик». Это Ломоносов, который «жизнью своей создал образ идеального ученика. Образ народного учителя сложился много позже, век спустя после смерти Ломоносова. А у самого начала школы, как источник ее, как идеал, как вызов каждому, кто дерзает учиться, стоит Ломоносов, непревзойденный в этом смысле, один-единственный человек».

Но подошла такая пора, когда надо, чтобы все выпускники учебных заведений становились идеальными учениками.

«Наука развивается теперь так быстро, что человеку за время его жизни приходится несколько раз переучиваться... Школа должна теперь давать не только знания, но, главное, способность и охоту всю жизнь учиться самостоятельно».

Массы идеальных учеников — нужда общества, следовательно, — цель достижимая, хотя и неимоверно трудная.

Про Ломоносова — взято с первых страниц книги, следующая цитата — с предпоследней. Вся книга состоит из педагогических задач. Она вся о творчестве.

И о творцах. Сисорода, Новиков, Коменский, Песталоцци, Пирогов, Чернышевский, Толстой, Ушинский, Ульянов, Крупская, Блонский, Шацкий, Макаренко — через них, через их работу — борьбу — жизнь педагогика представлена во всей широте, в связи с человеческой культурой, как могучее общественное течение, во взаимодействии с другими общественными силами.

И вот что ценно: наряду с таким широким представлением науки не выглядит ругательной утвердившаяся в мире характеристика педагогики как каталога правил воспитания и обучения детей. «Но откуда берутся все эти правила, методы, приемы?» Книга спрашивает и отвечает. Можно написать из нее и такой однозначный ответ: «Только тот педагог в самом истинном смысле слова, кто... добыл очень серьезное образование, кто внимательно изучал педагогический опыт народа и школы, кто хорошо знает психологию, физиологию, философию, социологию, логику». Но до таких обыкновенных подытоживающих слов и после них явлены читателю такие искатели правил, такие, по выражению автора, «приключения мысли», что тысячу раз высмеянные рецепты воспринимаются уважительно, как открытия.

Книга емкая, в ней все коротко. Не по необходимости коротко, по искусству: по искусству вызвать дальнейший интерес.

«От портрета Блонского невозможно оторваться. В большом свитере с воротником под самый подбородок, Блонский выглядит на снимке рабочим-революционером, вроде Максима из кинотрилогии, — и рабочий, и интеллигент. Во взгляде его и воля, и мягкость, и как-то сразу видно, что это очень талантливый человек. Блонский и был невероятно талантливым. Он и был и философ, и психолог, и педагог...»

Блонский был страстен и пылок. Его сочинения можно ставить рядом с книгами Пирогова или Писарева — Блонский не уступит им».

Убеждайтесь. Вот его строки:

«Любите не школу, а детей, приходящих в школу... не жизнь суживайте до учения, но учение расширяйте до жизни!..»

Возьмите его книги, длите свой час ученичества...

Не упустите, впрочем, предупреждения:

«Люди вчитываются в биографии замечательных учителей прошлого, в их книги и статьи вовсе не для того, чтобы восхищаться ими, а только. И не для того, конечно, чтобы повторять их в жизни: подвиги ученых неповторимы. Но их пример...»

С. Соловейчик показывает вершины науки как практический ориентир. И пути восхождения показывает во всей драматической сложности: люди же шли, живые — значит, все в силах человеческих!»

У всякой вершины есть основание. Самая счастливая находка книги — Раменские — вечные от отца и сыну — учителя. О них — не отдельно, история рода их, поселившегося на реке Итоми, ведется в бундальном, не в композиционном сопереживании с просветителями, писателями, артистами, учеными, революционерами, с Ульяновым, с Лениным... Раменские, для которых существует, работает наука, от которых она питается, начинается. Раменские, которые существуют, работают — творят для народа.

Живут Раменские, все новых учат детей. И их нынешних питомцев, сыновей нового времени, по-старому учить нельзя. Слишком велики теперь требования общества, велики и запросы самой личности. Автор обозначает насущные проблемы педагогики настоящего и будущего и зовет: «На воротах образования белеют записки с большими буквами: «Требуются». Требуется новый Песталоцци, новый Ушинский, новый Макаренко. Кто попробует? Кто риснет?»

Вакансия великого педагога свободна...

И не надо думать, что призыв идет от влюбленности автора в педагогику. Любовь сама собой, важнее надобности: «Физика завладела умами, когда она предложила миру несколько сумасшедших идей. А где такие дерзкие идеи в педагогике? Мир ждет их... По некоторым признакам можно предсказать, что в ближайшие десятилетия именно эти области будут больше занимать общественное мнение: психология, социология, педагогика — все, что непосредственно касается человека».

Однако, по примеру автора, хочется и мне видеть перед собой прищипанного читателя, который, поди, спросит, прищурясь: «Что же, в книге и недостатков никаких нет?» Как не быть в таком сложном труде оплошностям, есть они: что-то упустил, о ком-то сказал не полно, о многих современных достижениях как бы забыл. Ну что ж, такую сложную тему сразу исчерпать невозможно. И надо надеяться, что первый популярный рассказ о педагогике недолго останется единственным. Может, у других, кто более полно владеет этой наукой, тоже явится желание рассказать о ней, написать свою книгу. Но, конечно, такую, чтобы, начав читать, было трудно оторваться до самого конца. Как эту.

Л. ИВАНОВА

И в шутку, и всерьёз

Э. Пархомовский. ОТЕЦ И СЫН.
М., «Знание», 1969.

«...Если автор решился написать эту книгу, то вовсе не потому, что разбирается в воспитании своего сына лучше других, а потому, что не хуже». Мягкий юмор этого предупреждения, предпосланного книжке Э. Я. Пархомовского, сразу располагает читателя к разговору с автором «на равных». И в этом, пожалуй, главное достоинство книги «Отец и сын».

А между тем проблема отцовской линии в воспитании, действительно, ох как непроста. Когда пишущего эти строки спросили однажды, что можно по этой проблеме почтить из популярной педагогической литературы, память почему-то стала подсовывать многочисленные «Записки», «Советы», «Исповеди» матери, а количество отцов, пожелавших поделиться своим воспитательным опытом, оказалось позорно малым.

Сейчас немало говорят и пишут о педагогической «феминизации» в семье и школе. Обремененные мировыми проблемами отцы целиком передоверяют детей женам, учитель-мужчина — вообще большая редкость. Но у этого явления есть еще одна сторона. В наших общественных условиях вместе со всеми заботами по хозяйству, с ролью главного вершителя сложнейших отношений между взрослыми и детьми в семье и школе женщина почти неизбежно приобретает огромную власть. Происходит, как тонко подметил автор, своеобразная «маскулинизация» женской линии в отношениях с детьми, причем «если женщина начинает играть суровую роль мужчины, женская линия воспитания исчезает, а мужская не появляется». Это весьма сложное и многими причинами обусловленное общественное явление, которое, разумеется, не может быть всесторонне рассмотрено в популярной брошюре. Однако хорошо, что книжка заставляет читателя задуматься над этим.

В чем же должна состоять эта самая «мужская линия» воспитания? Нередко думают — в проявлениях отцовской власти с позиции силы, вплоть до физических наказаний. «Пусть в школу придет отец», — пишет в дневнике неумного озорника отчаявшаяся классная руководительница, и если парнишню начинает ее упрямить передать этот вызов маме, — значит, дело ясное, боится порки... Но ведь воспитание ребенка, в особенности семейное, — это прежде всего воспитание чувств. «О страхе и мужестве в первоначальном воспитании» — так называлась изданная в начале века популярная книжка известного русского педагога П. Ф. Каптерева, который со всей силой убежденности ученого и демократа развенчивал домостроевские традиции воспитания, базирующегося на страхе. Воспитание мужества, умения, когда надо, и перенести синяк под глазом, и перед хулиганом не струсить, и за слабого заступиться — вот с чего, по мнению Э. Пархомовского, начинается воспитание мужчины.

Одно из проявлений мужества — в сдержанности чувств. Невольно вспоминаешь Гайдара, который в минуту наивысшего эмоционального напряжения пригласил своего сына... помолчать, прислушаться к окружающему миру и своим чувствам. Мужская дружба, мужское воспитание — немногословны. Подтверждение этому мы находим в полшутливом рассказе об отцах-молчалиниках. «Дети молчалиников», — пишет автор, — не представляли собой определенной категории. Среди них были и тихие, и сорванцы, и общительные, и дикие. Единственное, пожалуй, что их объединяло, это какие-то особо доверительные отношения с отцами». Очень верное наблюдение. Многословие, неудержимая склонность к нравоучениям, резонерство — вот что мешает многим родителям и педагогам устанавливать с детьми отношения взаимного доверия.

Разумеется, дело здесь не в одной форме, у этой проблемы есть и содержательная сторона. Немало есть семей, где сфера взаимоотношений между родителями и взрослеющими детьми ограничивается напоминаниями типа: «Дай-ка свой дневник» или «Выдайте мне 50 копеек на кино». «...Для того чтобы шестнадцатилетнему парню было интересно со своими родителями и их друзьями, нужно, чтобы это было вообще интересно, — замечает Э. Пархомовский. — Если у родителей, как говорится, не хватает времени на развитие собственной культуры, то ясно, что о привитии этой культуры детям не может быть и речи».

Рядом с областью чувств лежит другая важная область воспитания — интересы и потребности ребенка. Не случайно воспитание разумных потребностей А. С. Макаренко считал моментом, определяющим всю направленность личности. Если потребности парня не выходят за рамки круга — хорошо одеться, выпить кружку пива, сходить в кино, потрепаться с приятелями в парадном, если все остальное рассматривается им лишь как терпимое зло или как средство удовлетворения этих нехитрых потребностей, — это, разумеется, плохо. Однако глубоко заблуждаются люди, думающие, будто путь воспитания здоровых и разумных потребностей лежит через длинную цепочку разного рода запретов. Запрет, например, на ту или иную моду, поветрием охватывающую вдруг миллионы мальчиков и девочек, хотя и диктуется самыми благими намерениями, успеха все же не приносит.

«Начинать надо с наличных интересов и потребностей ребенка, — говорил интереснейший педагог В. Н. Терский, — но не с тем, чтобы плестись в «хвосте» этих потребностей, просто потакая им, а с тем, чтобы, зацепившись за сегодняшнюю потребность, повести ребенка за собой в сторону интересов подлинно творческих».

Воспитание в условиях современной семьи в силу ряда причин подвержено серьезной опасности педоцентризма, когда ребенок с его желаниями и напором превращается в некоего семейного божка. На подобную позицию нередко сбивается и педагогическая журналистика, призывающая, повторяя крылатую фразу Корчана, «вставать перед ребенком на цыпочки», «баловать» детей, «не мешать природе» и т. п. Слова зачастую красивые, звонкие, у разных авторов разные, но смысл, в общем-то, один: личность ребенка должна свободно самовыражаться, а окружающий мир — это арена для подобного самовыражения.

Отрадно, что книга «Отец и сын» в равной мере нацелена и против идей «ужесточения» в воспитании, и против воспитания «всегда по шерстке». Вот один

лишь характерный эпизод. «Однажды сын сказал, что не сможет выйти со мной на уборку снега, так как идет в кино. Ему приятель уступил билет на какой-то труднодоступный фильм». Создалась, как говорится, сложная ситуация. И можно положить руку на сердце сказать, что большинство из нас, отцов, в этой ситуации сказали бы: «Ну ладно, сходи в кино, в другой раз поработаешь...» Кое-кто, возможно, возразил бы: «В кино не пойдешь. Верни билет и скажи, что ты идешь на воскресник». Отец в книге Э. Пархомовского поступил по-другому. Он показал сыну в окно, как четыре туеядца во дворе распили за трансформаторной будкой бутылку водки и, потешаясь над жильцами, вышедшими на уборку снега, уселись под первым весенним солнышком играть в домино. Намек оказался лучшей формой требования.

«Сын помрачнел.

— Кино отменяется, — сказал он. — Пойду повна-ляваю...»

В этом эпизоде важно понять, как внешний стимул совершения нравственного поступка становится внутренним мотивом поведения ребенка, выбора им правильного пути.

Иногда мудрый реализм изменяет автору. Это происходит, в частности, когда он утверждает, что «для уважающего себя ученика хуже тройки ничего быть не может». Протест против посредственности понятен, ползуя серость сплошных троек — действительно признак опасный. Однако в условиях современной школы с ее всеобщим средним образованием и непрерывно растущим теоретическим уровнем обучения значительная часть ребят в старших классах по отдельным предметам — хотим мы этого или нет — будет все же успевать на тройку. Важно лишь, чтобы это действительно было отражением удовлетворительного знания, а не замаскированным невежеством. Максимализм родителей, требующих, чтобы их дети непременно учились на «4» и «5», в значительной части случаев не имеет под собой реальной почвы.

Разумеется, книга Э. Пархомовского не отражает всех аспектов многогранной темы — отец и сын, да автор и не ставил перед собой такой задачи. Пером профессионального журналиста он рассказал читателю о том, что волнует сегодня каждую семью, где растут дети. И, наверное, в каждой семье, где прочли эту книжку, искренность автора, его отцовская озбоченность вызовут благодарный отзвук.

Л. ГОРДИН,
кандидат педагогических наук

когда уроки сделаны...

В. Доценко. *ДЕТИ ВНЕ ШКОЛЫ*.
М., «Просвещение», 1970.

Автор этой книги — общественник, уже много лет работает с детьми и подростками по месту жительства. Однако он не только делится собственным опытом. В книге собрано много живых фактов, показывающих, как в разных городах и поселках организуется ребячья жизнь вне школы, как дети в свободное время с увлечением занимаются спортом, со-

вершают добрые трудовые дела, интересно проводят досуг.

Разнообразны и формы, в которые выливается деятельность ребят. Дворовые лагеря и спортивные команды. Зоны пионерского действия. Технические, музыкальные, драматические кружки. Детско-юношеские клубы при ЖЭКах. Тимуровские команды и «зеленые патрули». Туристские группы. Специальные клубы юных автомобилистов, моряков, космонавтов, детские пожарные дружины, детские автотрассы и т. д. Вместе с тем жизнь убеждает: ни одна форма сама по себе ничего не создает. Только когда душой дела становится взрослый человек, любящий детей, сам увлекающийся и в то же время хороший организатор, тогда и выбранная вместе с детьми самостоятельная форма начинает «работать»: будит ребячью инициативу и творческую выдумку, создает атмосферу дружбы, дисциплинирует трудных и сплавляет всех в единый деятельный коллектив. Автор с любовью и уважением рассказывает о таких людях.

Как важно поддержать каждого учителя и общественного человека, желающего работать с детьми, готового бескорыстно отдать им свой ум и сердце, свои знания и руки. И главное — дать ему точное знание, как подойти к делу, как его организовать и наладить, где и как получить необходимые средства, наладить не только его обязанности, но и права. Забота об этом побудила автора не ограничиваться описанием опыта. В книге подобраны все необходимые директивы и постановления о работе с детьми, подростками и молодежью по месту жительства.

Л. АБРАМОВ

для читателя завтрашнего...

Л. Беленькая. *РЕБЕНОК И КНИГА*.
О читателе восьми-девяти лет.
М., «Книга», 1969.

Вы, несомненно, отдаете себе отчет, что руководство детским чтением — чрезвычайно тонкое и умное дело. Как воспитать вдумчивого читателя, для которого чтение — важнейшая потребность жизни? Как развить художественный вкус, тонкое понимание литературы?

Педагог и библиограф Л. Беленькая аргументированно и убедительно доказывает, что уже в возрасте 8—9 лет у ребенка обнаруживаются свои, ярко выраженные художественные критерии (разумеется, он не умеет их формулировать, это дело исследователя и педагога). Он понимает и выделяет в книге прекрасное, героическое, комическое, то есть ему доступны все важнейшие эстетические категории. Яркую эмоциональную реакцию вызывает у него художественная деталь. У ребенка этого возраста складывается личное отношение к литературным героям. Словом, дети 8—9 лет обладают способностью чувствовать искусство слова, в их восприятии форма и содержание рассчитанной на их возраст книги неразрывны.

Но детское художественное чутье с годами может утратиться. И тогда в любом произведении, будь оно даже литературным шедевром, читатель будет искать лишь хитросплетения сюжета.

Л. Беленькая предлагает целую программу действий для того, чтобы этого не произошло, рекомендует

методику бесед с детьми о прочитанных книгах. Ее программу возьмет на вооружение прежде всего профессиональный руководитель детского чтения — педагог, библиотечарь. Но она будет интересна и родителям — в том числе и тем, чьи дети младше или старше исследуемого автором возраста. Прочтя книгу Л. Беленькой, взрослый человек может и самого себя проанализировать как читателя: свой эстетический уровень, свой собственный читательский опыт. В книге дан подробный и точный анализ художественной специфики литературы — в частности, детской. Здесь приведены детские высказывания о книгах, замечательно тонкие, своеобразные, любовно и добросовестно зафиксированные. Читать их чрезвычайно увлекательно, они много дают для понимания ребенка.

Г. АНТИПОВА.
сотрудник Дома детской книги

торопитесь отгадывать!

Л. Успенский. ЗАГАДКИ ТОПОНИМИКИ. М., «Молодая гвардия», 1969.

У книг Л. В. Успенского точный адрес — подростки и юноши. Этим читателям Лев Васильевич адресовал и предыдущие свои книги о русском языке, начиная со «Слова о словах» и кончая популярной книгой о происхождении географических названий «Имя дома твоего». Эту же тему продолжает и новая работа писателя — «Загадки топонимики». Топонимика — это наука о географических именах.

Л. В. Успенский пишет просто и живо, с юмором и горячностью; задушевный, доверительный тон старшего собеседника умело сменяется повествованием, полным драматизма и интриги. У него особый род таланта — талант литератора и ученого в одном лице. Ведь чтобы оживить всегда несколько суховатые научные выкладки, чтобы заставить юношу читать и перечитывать книги, главными героями которых являются слова, названия, имена, пробудить в нем страсть исследователя, необходимо помимо специальных знаний и литературных способностей глубокое понимание психологии юного читателя, безошибочное чувство такта и меры.

Трудно не последовать за автором, если приглашение к исследованию звучит как приглашение к полному соблазнов путешествию (в пространстве или времени — неважно): «Граф Сергей Юльевич Витте, премьер-министр царя Николая Второго, в своих «Записках» рассказывает...» Или: «Вот я встал ясным утром 1913 года и решил пройтись просто так». Будешь уверен, подобные прогулки «просто так» — не что иное, как довольно обычные в топонимике научные экспедиции, которые кончаются не просто так, а если и не открытиями, то находками.

Что это такое — «открытия», «находки»? Часто это всего лишь новая, более или менее достоверная версия происхождения географического имени. По поводу некоторых имен версий таких высказываются десятки. Один перечень версий происхождения слова «Москва» занимает в книге Успенского пять страниц! И только очень редко это будет настоящее «торжество топонимики» (так, знаменитый археолог Генрих Шлиман, опираясь на географическое имя, раскопал древнюю Трою). Но в любом случае ученый прикасается к живой истории, а это интересно и заманчиво уже само по себе.

Несомненно, в намерения автора входило не только объяснить, чем занимается топонимика, но и раскрыть перед юным читателем романтику этой увлекательной науки. И общедоступной: чуть ли не каждый любознательный и вдумчивый человек в состоянии внести свою лепту в раскрытие тайн, которыми занимается эта наука.

Когда в 1945 году южный Сахалин вернулся в состав России, наши ученые заметили на японских картах этого острова странные, на первый взгляд совершенно необъяснимые названия — поселки Морудзи и Марузуфусики. Ни один японский словарь не объяснял этих слов... И тогда кому-то пришла в голову простая мысль — глянуть на старые, дореволюционные русские карты этих мест. Секрет сразу раскрылся: на месте загадочных японских названий оказались самые обыкновенные русские — поселок Морж и село Муравьевское...

Впрочем, топонимических загадок — хотя, возможно, и не столь курьезных — достаточно в любой географической точке. Однако Л. Успенский предостерегает против чересчур легковесного, скоропалительного подхода к их разрешению. Я, говорит писатель, вовсе не пытаюсь расписывать соблазны, которыми якобы полна моя наука. Напротив, я стараюсь отпугнуть от нее искателей романтики. Да, топонимике остро нужны молодые силы, горячо любящие родную историю и полные энтузиазма, но пусть это будут люди вдумчивые, терпеливые, усидчивые, не жалеющие сил для решения самых простых, самых «невкусных» загадок.

И, конечно, ни один, даже самый талантливый, энтузиаст не должен ограничивать свои познания только этой книгой. Она не учебник. «Чтобы стать дельным исследователем географических имен, — говорит автор, — надо прочитать очень много разных книг, причем три четверти из них не будут иметь прямого отношения к топонимике».

А. ЛУКЬЯНОВ

смешное слово

Ирина Токмакова. ГДЕ СПИТ РЫБКА? Стихи. Рисунки В. Конашевича. М., «Детская литература», 1970.

Человек придумал слово: п л и м.

Что это значит?

Сам человек рассказал о нем только то, что оно смешное и что

...прыгает и скачет
Плим, плим, плим!
И ничего не значит
Плим, плим, плим.

А тот, кому читают эти строчки, смотрит на прыгучие — подстать стихам — рисунки В. Конашевича, и тоже прыгает, и смеется, и знает, что очень многое значит это — плим, плим, плим!

Потому что выдумывание новых слов — в натуре ребенка.

В книжке Ирины Токмаковой много удач.

Очень смешно написано поучительное стихотворение о гноме, который приходит к детям и уговаривает их: «почаще мойте уши!»

А мы твердим ему в ответ:

— Мы точно знаем, гномов нет! —

Смеется он: — Ну нет, так нет,
Вы только мойте уши!

Стихотворение об усни-траве, знающей слова, от которых «сразу никнет голова», полезно перечитывать перед сном детям и взрослым.

Еще одно стихотворение — о старом, сером, сонном слоне, который ходит в переулке, а потом подходит к нашему окну.

Стало в комнате темно:
Заслоняет слон окно.
Или это снится слон?
Дин-дон. Динь-дон.

Здесь во второй строчке есть каламбур, но не на нем держится стих. Стих держится на естественности поэтического видения мира, на интонациях, близких и фольклорным. В детской народной песенке — «загорелся кошкин дом», а у Токмаковой — «динь-дон, динь-дон, в переулке ходит слон», — то, да не то. Так же и «рыбка, рыбка, где ты спишь» — вроде бы похоже на «чижи-пыжи, где ты был», но и тут сходство чисто внешнее.

Лучшие стихи Ирины Токмаковой сразу запоминаются, повторяются с улыбкой. Ну как не улыбнуться на обмолвку «спится слон» вместо «сон».

Книжечка учит любоваться звонким словом. Ценная, полезная для наших малышей книжечка!

Я. САТУНОВСКИЙ

наследие древней руси

Я. Брук. ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ. М., «Искусство», 1970.

Молодой человек пришел в магазин, он хочет купить интересную книгу о древнерусском искусстве. Что ему посоветовать? Конечно, прекрасно, если ему попадется хорошее иллюстрированное издание, но одних репродукций, как бы ни были они хороши, мало. Немного поможет и короткое предисловие. А ведь хочется получить представление об идеях, мыслях, самом существе искусства далеких предков. И прежде всего получить ответ на вопрос — почему это называют великим искусством?

В этом смысле, мне кажется, может оказаться очень полезной книга Я. Брука «Живое наследие». Сам автор называет свою работу не историей, а введением в историю древнерусского искусства. И все равно — задача в высшей степени сложная. Прежде всего потому, что в искусстве Древней Руси трудно что-либо упростить. Чтобы составить себе картину его развития, нужно иметь представление о раннехристианском искусстве, знать, хотя бы в общих чертах, многовековую историю Византийской культуры, ее влияние на живопись средневековья в Италии, Сербии, Болгарии, на Руси.

Автор попытался не только дать представление о раннехристианском и византийском искусстве с III по XI век, но, главное, раскрыть самобытность мышления древнерусских мастеров. На конкретных произведениях он показывает, что любой художник прежде всего выражает свое время, что его творческая индивидуальность служит ключом к раскрытию идей, мыслей, духовного мира человека прошлого.

Читатель узнает, почему так спокойны и величественны образы Андрея Рублева и так мятежно-нистовы лики Феофана Грека. При этом автор не пытается обойти стороной религиозные проблемы в

творчестве древнерусских мастеров, проблемы, которые так пугают многих. В течение восьми веков искусство Руси по своему содержанию было религиозным, неразрывно связанным с мировоззрением христианства.

Древнерусское искусство невозможно отделить не столько от религии как таковой, сколько от развития сознания человека прошедших веков, его внутреннего мира, мыслей, исканий. Нужно только уметь понять, что хотел сказать художник, так или иначе трактуя канонические сюжеты Успения или Троицы, — его духовный мир, философское кредо. В результате окажется, что русский иконописец выражал высо гуманные идеи искусства всех времен и народов: идеи любви к ближнему, сострадания, духовной красоты и величия человека. Но выражал их совершенно определенным, условным языком символов, знат которые не помешает ниному. Потому без умения «читать» иконы древнерусскую живопись понять так же трудно, как, к примеру, искусство древней Греции без знания мифов. Формальное же восприятие: «Ах, какая линия, какой цвет!» (иногда его называют эстетическим) — вряд ли может удовлетворить человека, который действительно хочет понять искусство прошлого, хочет, чтобы оно стало для него «живым наследием». Книга Я. Брука во многом может помочь преодолеть этот нелепый барьер, и тогда действительно окажется, как пишет автор, «что основные идеи средневекового искусства близки и понятны современному человеку».

В. КАЛУГИН

недавно выпущено...

Амлинский В. Музыка на вокзале. Повести и рассказы. Предисл. В. Катаева. Худож. Ю. Ранша. М., «Дет. лит.», 1970. 303 с. с илл. 75 000 экз. 71 к. (Для детей старшего возраста).

Березина Н. У меня растет сын... М., «Знание», 1970. 63 с. 112 000 экз. 12 к.

Заходер Б. Волчья песня. По мотивам нар. сказок. Худож. В. Чижиков. М., «Малыш», 1970. 28 с. с илл. 300 000 экз. 24 к. (Для младших школьников).

Краковский А. П. О подростках. Содержание возрастного, полового и типологического в личности младшего и старшего подростка. М., «Педагогика», 1970. 272 с. 155 000 экз. 39 к.

Крылов Г. В. и Юдин Б. С. Умей отдыхать и беречь природу. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд., 1970. 239 с. с илл.; 3 л. карт. 30 000 экз. 46 к.

Кузнецов Ф. Беседы о литературе. М., «Дет. лит.», 1970. 319 с. 50 000 экз. 80 к. (Разговор с юными читателями на материале современной советской прозы).

Лавренюк Б. Встреча с цветами. М., «Моск. рабочий», 1970. 104 с. с илл.; 2 л. илл. 50 000 экз. 22 к.

Лавров А. и Лаврова О. Вы, ваш ребенок и мир вокруг. М., Политиздат, 1970. 192 с. 200 000 экз. 27 к.

Левшин В. Магистр рассеянных наук. Рис. Н. Антокольской. М., «Дет. лит.», 1970. 254 с. с илл. 100 000 экз. 60 к. (Научно-художественная книга о математике. Для детей младшего и среднего возраста).

Рябинин Б. Мои друзья. Свердловск, Сред.-Уральское кн. изд., 1970. 295 с. с илл. 75 000 экз. 73 к. (Популярный сборник о собаках и служебном собаководстве).

С чего начинается Родина? Сборник школьных сочинений. Сост. С. Прасолова и Т. Шевбунова. Предисл. Т. Куценко. М., «Мол. гвардия», 1970. 207 с. с илл.; 8 л. илл. 100 000 экз. 52 к.

Утков В. Г. Дороги «Конька-Горбунка». М., «Книга», 1970. 112 с. с илл. 38 000 экз. 19 к.

Хочу все знать! Альманах. Сост. Л. А. Джалалбекова. Л., «Дет. лит.», 1970. 351 с. с илл. 1 р. 11 к. (Для детей среднего и старшего возраста).

Шуишин В. Земляни. Рассказы. Худож. А. Васин. М., «Сов. Россия», 1970. 208 с. с илл.; 8 л. илл. 50 000 экз. 54 к.

КИНО

без сантиментов

ПЕРЕСТУПИ ПОРОГ. Сценарий
А. Гребнева. Постановка Р. Викто-
рова. Киностудия имени М. Горь-
кого, 1970.

Похоже, что школьник в нашем искусстве берет наконец реванш у студента.

Это чувство возникает не столько даже от количества фильмов о «подростках» (фильмов все больше), сколько от подчеркнутого в них ощущения специфической и особой важности проблемы, от их безусловной веры в то, что именно школьник — фигура ключевая. Это новость. Лет десять назад в центре прочно стоял студент, выпускник, молодой специалист, ищущий, как приложить к делу свой обширный мыслительный багаж, — студент был в ту пору средоточием нравственной дискуссии; школьник жался где-то за его спиной, он подражал старшему брату, он острил, как студент, он явно хотел быть умней самого себя. Во всяком случае, сам по себе, как явление специфическое, этот школьник интересовал тогда, пожалуй, только детскую литературу. В 1962 году у Ю. Райзмана в фильме «А если это любовь?» «школьная тема» интересна лишь постольку, поскольку выявляет всеобщие моральные проблемы. Но год от года ситуация меняется, и вот уже **друг мой Коля** выходит на авансцену, властно требует внимания как лицо специфическое и самостоятельное, и вот он уже **стучится в любую дверь**, чувствуя свое право на внимание, еще немного, и юный герой выступает чуть не как объект для летописца царствующего дома: **личная жизнь Кузьева Валентина** — озаглавливает он свои будни, да что «жизнь», теперь **трех дней** его достаточно, чтобы критика кинулась обсуждать характер **Виктора Чернышева**, теперь этот семнадцатилетний герой уже не похож на старшего

брата-студента, теперь он и не хочет быть на него похожим, он — сам по себе, он так уверен во всеобщем интересе, что смело **переступает порог**.

Так что успех недавно вышедшего на экраны фильма Р. Викторова «Переступи порог» не случайность; менее всего этот интерес связан с чисто кинематографическими достоинствами ленты (они бесспорны, но обычны). Нет, эта картина возникает как звено в цепи, как знак времени, как портрет типа. Кто теперь на скрещение взглядов? Алик Тихомиров, «одна тыща девятьсот пятьдесят третьего года рождения», — вот кто. Он теперь — «загадка будущего», к его порывам приглядываются, его привычки обсуждают вокруг, взвешивают собравшиеся свидетели и наблюдатели: родители, учителя...

«Родители». «Учителя». «Абитуриенты». «Соблазны». «Решения»... Это названия глав фильма. Фильм начинается с оглавления. В этом есть некоторая демонстративность: обнажение приема, современный стиль, «примите нас такими, какие мы есть».

Хорошо, попробуем. И воспользуемся оглавлением.

Итак, родители. Что переменялось в их реакции на проказы отпрысков? Застали дома Содом и Гоморру, незваную компанию десятиклассников, приятелей сына, устроивших вечеринку, а проще сказать, выпивших без спросу все спиртное из холодильника, — и что же? Какова реакция? Потянули носом табачный дым, сморщились, а потом — бодренько так: «Здравствуйте, молодежь!» — с улыбкой и пониманием: а как же, мол, надо понимать... Где бывший родитель, таскавший за вихры самовольного сына? Он исчез, этот монстр. Исчез и его антипод, родитель «безучастный». Раньше полюса были такие: заинтересованный родитель бывал неистов; если он буйствовал, его осуждали, но понимали. Если же родитель не был строг или неистов в своей любви, — значит, он равнодушен, и тогда его осуждали безоговорочно. Теперь — что-то совсем новое. Мамы и папы явно заинтересованы, но они старательно прячут свои страсти, они словно стыдятся их, словно опасаются нарушить стиль, который теперь в ходу: «интеллигентное партнерство» с младшими: «Я, знаете ли, привыкла верить своему сыну...», «Сами решат, умнее нас...», «Нечего порочить девочку...» Родители явно боятся соскочить с той корректной и вежливой манеры, которой владеют их дети, только дети-то владеют ею, иронизируя (но об этом ниже)...

Учителя. Здесь тоже что-то новое. Во всяком случае, не слышать уже бывшего властного ментора, который твердо знал, что для ученика хорошо, а что плохо. Да и ученик смотрит на учителя не без снисхождения. Впрочем, этот мальчик знает убийственную силу вежливости, и, глядя учителю в глаза, он может сказать с издевательской кротостью: «Я бы просил, если вам не трудно, говорите мне «вы»... А учитель? Возмущился? Удивился хоть? Нет, съежился в растерянности: «Конечно, это ваше право», а потом наедине стал спрашивать ученика: «За что вы на меня сердитесь?» — даже закурить у него попросил, чтобы контакт наладить; как же, теперь без контакта гибель.

Наконец, авторы фильма. Их отношение к героям тоже ведь фактор, и фактор показательный. Более того, в данном случае — решающий, мы ведь говорим о произведении искусства. В этом смысле «Переступи порог» — картина, как бы закрепляющая все новации, которые в нашем «кино о подростках» копились чуть не десять лет. Неврежная грубоватость юного героя, которая еще в «Трех днях Виктора Чернышева» была темой специальных раздумий, теперь приемлется как само собой разумеющийся ес-

тественный стиль: юным свойственна эта резковатая манера, этот небрежный шарм спортивности, этот тон «сильного человека», который не хочет договаривать: умный сам понимает... Монтажный ритм фильма настроен на эту грубоватую небрежность: иронические подзаголовки эпизодов, оборванные без комментариев диалоги, тонкая небрежность общих планов улицы... Правда, в одном случае авторы изменили себе: вставили в фильм сентиментальную песенку, но там, где она не заливает действия вязким сиропом, — там чувствуется суховатая графика «нового стиля». Тоже — контакт с героем. Причем, если для картины «Доживем до понедельника» этот контакт, это партнерство с учеником было еще проблемой фильма, — здесь это попутный, естественный стиль. Я уже не говорю о любви. У Райзмана любовь школьников была предметом трагической борьбы, здесь это предмет любования, и когда влюбленная пара сбегает с уроков, чтобы целоваться под сенью струй, их преследуют не встревоженные наставники и не разъяренные матери, а восхищенные режиссер и оператор.

Иначе говоря, фильм «Переступи порог» закрепляет ту систему **внешних примет** теперешнего подростка и ту связанную с нею систему киностилистики, которая еще недавно была проблемой. Теперь это обиход. Я могу понять, почему картина вызывает такой интерес и энтузиазм у зрителей семнадцатилетних: по-моему, они просто смотрятся в эту картину как в зеркало. И потом — это ощущение всеобщего интереса, это кольцо сочувствующих свидетелей на экране и перед экраном, эти подбадривающие глаза вокруг...

Теперь посмотрим, что внутри круга. «Родители», «учителя», «авторы» — это антураж. Главное — «ученики». Что там? Что это за новый юноша входит в жизнь на рубеже семидесятых годов? Он одет в белоснежную рубашку и короткий модный галстук. Он безукоризненно вежлив и неуловимо ироничен. Он владеет собой и требует, чтобы его права были спорно и немедленно признавались. Дальше, дальше!

Заметьте, он грешит по всем «классическим» линиям: закурил, пошел в ресторан, сбежал с уроков, чтобы целоваться с одноклассницей. Так вот: меня во всем этом не «грехи» смущают. Я, правда, считаю, что курить вообще ни к чему, что в семнадцать лет пижонить по ресторанам — дело пустое и что целоваться с девочкой можно и не во время занятий. Но я понимаю, что для определенной части подростков и эти формы самоутверждения могут оказаться необходимыми.

Знаете, была такая старая антитеза: лучше потерпеть от живого грешника, чем от мертвого праведника. Разбойник, который знает, что делает зло, — не потерянный человек, он еще может раскаяться. Страшен человек, для которого добра и зла нет, который может холодно осуществить свое право, унизив другого человека, — страшно не само зло, а то, что называется «низостью сердец», — атрофия непосредственного морального чувства.

Возможно, что все это слишком сильные определения для героев данного фильма. Но в потенции меня смущают не их проступки, а то холодное, ироническое спокойствие, которое сквозит в их проступках. Вы понимаете, они не нарушают никаких «заповедей», — они просто... **берут свое**.

Актер Евгений Карельских очень точно находит краски для своего Алика (надо, вообще, сказать, что актеры подобраны в этом фильме прекрасно, это молодые парни из театральных училищ и ориентируются они, совершенно очевидно, не на классические мизансцены, а на свой живой опыт); так вот,

Евгений Карельских сыграл характер, наиболее остро выявляющий суть нового типа: быстрый, резкий, легкий, спокойный молодой человек с решительными и ледяными глазами. Я смотрел фильм и думал: что же в нем главное, для чего же создан этот сильный характер с его мгновенной реакцией, с его спокойной решительностью и беспощадной проницательностью? И понял: для конкурсов. Для конкуренции! Для конкурентной борьбы.

Атмосфера «гонки с выбыванием» создается, между прочим, и всем строем диалогов, всеми этими репликами, что архитектору **мало диплома**, надо, чтоб тебя **заметили**; говорят, что это вопрос таланта? — не обязательно, **локти**, наверное, нужны, да, впрочем, если и талант, — так ведь талантливых людей **много**. Вообще «ты **не одна** такая умная», что хочешь выиграть викторину и поехать в турпоездку в Польшу, на это дело знаешь **сколько охотников!** — так что надо оказаться умнее, талантливее и сильнее других. «Ты у нас будущий гений, Алик». — «Будущий гений, Наденька, это нелепость, гений — это сейчас или никогда», кроме того, «в текстильный — только три человека на одно место» и т. д. и т. п. Разумеется, эти реплики можно принять всерьез, а можно не всерьез, — я уже говорил, что молодые герои абсолютно все свои высказывания сопровождают неперменной иронией, но вот холодные, спокойные глаза их не дают покоя. Думаю, что в данном случае выражение глаз важнее выражения голоса, так вот, эти глаза...

Это вообще довольно тонкая задача, — каким образом молодой человек думает пробиваться в жизнь при условии, что «охотников много», и надо, стало быть, оказаться сильнее их. Прямая подлость, скажем, неприемлема, и когда один такой будущий гений, прогуляв с приятелями урок, предает их, достав **одному себе** справку из поликлиники, то ему прямо так и говорят, что это подлость, а сам обладатель справки, которому, оказывается, нужна «чистая характеристика», потому что он думает поступать «в такой институт, где на это, к сожалению, смотрят», сам этот мальчик своей слабости стесняется — в их кругу слабые не в чести; надо окантоваться действительно сильнее своих конкурентов; здесь в чести «великодушные сильные»: я ему даю свою шпаргалку, хотя мы оба претендуем на одно место. Слабость здесь принято прятать, и другой парнишка, которому родители наняли, pardon, репетитора, пуще смерти боится, что ребята об этом узнают.

Ладно. Фиктивная справка — подлость, репетитор — слабость. Возьмем лучшего из героев — того самого Алика Тихомирова, которого за его неподкупную прямооту дружбу прозвали «президентом». Он действительно не выносит никакого лукавства (это он считает, что гений значит «сейчас или никогда»), и при нем не покрутишь. Написав сочинение про Рахметова и получив свою пятерку, он является в учительскую и заявляет, что «написал неправду», что Рахметов ему «никогда особенно не нравился» и что «спать на гвоздях, это, по-моему, не от большого ума». Учителя, естественно, столбенеют, преподавательница литературы робко пробует спасти свою репутацию: «Нет, в этом ты неправ, Алик», а Алик, спокойно глядя ей в глаза, добивает: «Так что, пожалуйста, не ставьте мне отметки», затем он так же вежливо просит прощения и холодно удаляется, сопровождаемый, впрочем, лирическими волнами той самой песенки о десятиклассниках, которая в этом фильме служит, очевидно, знаком авторского одобрения.

Не знаю, как объяснить, вам, в чем **тут** подлость.

Ну, во-первых, элементарное: не любишь Рахметова — не пиши, а уж написал — молчи, не срамись. Тут какая-то двойная бухгалтерия честности, с запросом, с провокационным вызовом. И потом, что же это, в сущности, за жест: возьмите себе вашу пятёрку за сочинение... Это ж надо совершенно не уважать учительницу, считать ее за ничтожество... Да ее ли одну? Весь мир надо считать или насквозь живым, или непроходимо глупым, чтобы таким вот образом демонстрировать миру свою честность. Это, между прочим, та самая простота, что хуже воровства, это тыканье своей добродетелью в глаза, это добродетель в качестве оружия. Значит, я честный, искренний, волевой, и я, как видите, лучше вас всех, так что поосторонитесь-ка, пожалуйста...

Тоже, как видим, борец за существование. Да еще какой! Тут репетиторы не нужны, тут их самих учат.

Конечно, новому молодому герою не откажешь ни в прямоте, ни в самообладании, ни в пронизательности. Особенно — в пронизательности. Он действительно беднягу-учителя насквозь видит. Помните эпизод: когда завуч пытается усовестить друзей за прогул, один из них (тот, которому «чистая характеристика» дорога) выкладывает справку, а остальные, мгновенно сообразив, покрывают его: мол, он с нами не прогуливал, он с химии не сбежал и мяч не гонял. Наорать на парней завуч не может: я уже говорил, теперь не тот стиль. И сделать с ними ничего не может. Тут-то наш главный герой и говорит учителю вежливо: «Не хотел бы я быть на вашем месте...» Попал по больному? Попал, ничего не скажешь. А зачем?

Ученики, между прочим, во все времена понимают и видят больше, чем показывают: они знают, что педагог должен сохранить достоинство, иногда это почти игра в поддавки со стороны класса, но все чувствуют, что без этого «школа» просто не состоится. У Вл. Гусева есть рассказ «Март»: вот там как раз описано состояние ученика, который, как на грех, насквозь видит своего учителя: это та самая послевоенная школа и те самые рано постаревшие учителя, которых я помню и по своему опыту... Это мучительное ощущение, когда с задней парты, затаясь, наблюдаешь все отрететированные, отлаженные, отработанные позы и реплики своего учителя. Меня при этом охватывало чувство, прекрасно переданное в рассказе Вл. Гусева, — боязнь, заpret, страх зоркости, ибо из-под грозного, или иронического, или холодно-пунктуального, или яростного стиля преподавания проступал человек, и этот человек что-то пытался сделать, он бился об нас, как об стену, — ему тоже было больно, — от этого мучительного ощущения в пору было зажмуриться, только бы не увидеть «насквозь», только бы вернуться в условность ученического «трепета», только бы не унижить учителя той пронизательностью.

Нет, здесь совсем другое ощущение, в этом фильме. Здесь в самом деле **переступили порог**. Так что учитель, пожалуй, и неспроста ежится, и помалкивает, и чуть не просит прощения у этого самого Алика: «Я вас обидел, наверное?» — «Хотите правду?» — очень вежливо говорит Алик. — Я и в самом деле не хотел бы быть на вашем месте. Вы ведь когда поступали в университет, наверное, строили какие-то плаксы, верно? Вы ведь не думали, что будете в школе. Вряд ли это ваше призвание — быть завучем и преподавать школьный курс физики... Так вот, я надеюсь, что мне удастся избежать такой судьбы. Человеку свойственно надеяться. Простите...»

Ну вот, мы и дошли, наконец, до существа дела. До существа моральной ситуации, отраженной и утвержденной в фильме, ибо пока Алик Тихомиров морально раздвигал перед нами своего учителя, я испытывал простую неловкость. Когда сам учитель признал, что все так, что он действительно неудачник, что другие из его выпуска в свое время «устроились в аспирантуру» и преуспевают, а он — «прозябает в школе завучем», но ничего, и у него есть утешение: он, так сказать, делает полезное дело, — меня охватили стыд и жалость. Но когда я понял, что не только бедный завуч Виктор Васильевич, но и сами авторы фильма не имеют возражений против этой ситуации, что и они не хотят знать ей альтернативы, — тут уж подождите. Нет, давайте-ка поищем иных путей, потому что та нравственная ситуация, которая выявляется в фильме, — фальшива даже тогда, когда она тысячу раз правдоподобна. Она правдоподобна, если видеть в человеке ничтожество. Но она фальшива, если видеть в человеке личность.

Итак, первый пункт этой схемы: гений, вперед! В институт, только в институт! Ты сильнее других, ты достойней!

Второе. Пусть неудачник плачет. «Не хотел бы я быть на вашем месте, Виктор Васильевич». Что делать, на войне — как на войне...

Третье. Не все, знаете ли, потеряно и для неудачников. Утештесь. Вы, по крайней мере, принесете пользу и на своем «скучном» месте. Например, «поможете человеку, который моложе и способнее» вас. Например, Алику Тихомирову, которому надо пробиться в институт.

Пойдем по пунктам.

В чем фальшь первого? В том, что это стремление в институт беспредметно, оно носит абстрактно-престижный характер, это просто стремление «вверх». Я не собираюсь говорить, будто в жизни такого не бывает; да, мы действительно сумели вколотить в детей эту тягу к «какому бы то ни было вузу», но я убежден, что в идеале должно быть иначе. Да что «в идеале» — просто **нормально** должно быть другое. Нормально — когда человек выбирает не профессию, а специальность. Проще говоря: не тип занятий, а предмет занятий. Не то положение, которое он займет, а то дело, которым займется. Нельзя хотеть быть врачом, но можно хотеть заниматься медициной — и тогда человек, ставший не академиком, а фельдшером, все равно будет при любимом деле. Нельзя хотеть стать поэтом, но можно хотеть заниматься литературой, и тогда учитель словесности никогда не подумает о своем деле снисходительно. При таком естественном подходе личность просто выявляет заложенную в ней связь с той или иной сферой предметного мира, и тогда вообще не может быть неудачи, а может быть только труд, творчество — на том уровне, который **твой**.

А здесь? Здесь — я имею в виду фильм — выхолощено именно это вот главное, основное, существенное ядро. Здесь просто высчитывают, в каком институте меньше конкурс. Поэтому на вопрос ректора «Физика или математика — ваша жизнь?» Алик Тихомиров затрудняется ответить, он привык мыслить по другой системе: гений я или не гений, сильный я или слабый?

Раз так, что же должен думать о себе слабый, то есть не поступивший? Это второй пункт схемы — как быть неудачнику? Вопрос серьезный — в свете новейшей статистики. В свое время в высшую школу шли почти все выпускники средней; тогда-то и утвердилась определенная престижная этика: учиться во что бы то ни стало (это и означало: срезался на юридическом — иди в пищевой). Только ведь не веч-

ная эта ситуация! Она сохранялась, пока страна накапливала новые кадры интеллигенции. Но нормально-то, когда кадры накоплены. И тогда возникает иная ситуация: учится дальше только тот, кто действительно склонен учиться дальше. Что, кстати, и соответствует процентной нужде народного хозяйства в специалистах наивысшей квалификации. Но престижная инерция прошлых лет действует. И вот статистика (я беру опубликованные не так давно результаты социологического исследования, проведенного в школах Новосибирска). Округляя проценты, скажем так: из нормального, человек в сорок, класса **хотят** в институт (в любой) человек тридцать пять, **поступают** же — человек двадцать. Половина! Да и эти, поступившие, далеко не всегда попадают туда, куда **хотят** (если, кстати, они **хотят** чего-то определенного, что тоже проблема). Но ведь и тех счастливиц, которые попали в вуз «по склонности», пять лет спустя ожидает распределение, где все начинается сначала. Как сказал бы Алик Тихомиров, «вы ведь строили какие-то планы, верно?»

Одним словом, из этого чертова колеса не будет выхода до тех пор, пока моральное оправдание человека будет всецело подчинено служебно-престижной гонке. Надо вывести нравственный потенциал личности за пределы этой тарифной сетки. Понимаете? Человек, который после школы пошел не в институт, а, скажем, на завод, — не неудачник, а работник. «Отчаяние», которое овладевает десятиклассником, когда он не может пристроиться ни в один институт (ни в юридический, ни в пищевой и т. д.), есть первый признак того, что ему и не нужно в институт, а надо быть человеком там, где он почувствует себя на **своем** месте.

Но для этого нужно одно: абсолютная моральная основа внутри личности. Абсолютная — значит, не зависящая ни от каких «ситуаций», в том числе — от ситуаций абитуриентских.

Я не чувствую этой моральной основы ни в героях картины «Переступи порог», ни во взгляде авторов. Я не разделяю того восхищения, с которым они относятся к своему герою, когда он, провалившись в институт, отказывается от протекции и мужественно идет в армию. Почему? Потому что Суворовым этот мальчик не зачитывался, и жезла маршала он явно не носит в своем ранце. Так что нечего ему строить из себя героя, а пусть послужит, как все, он ведь, кажется, не слишком уважал неудачников? Что же до железного спокойствия, с которым он ломает себя, отказываясь от студенческого билета, то вот здесь-то, простите, куда больше подавленной ярости неудачника, чем спокойной убежденности в своей правоте.

Борец за существование вообще бывает или победителем, или побежденным, середины он не знает. Мне не легче от того, что, оказавшись «внизу», он не «скисает», а «продолжает борьбу», потому что это опять-таки неморальный круг, это опять-таки не жизнь личности, а борьба за существование. Вот почему я далек от того умиления, которое разлито в финале этого фильма.

Пожалуй, здесь и кончаются мои претензии к картине «Переступи порог» как к произведению киноискусства. Я даже думаю, что в этом смысле фильм заслуживает вполне положительной оценки: он хорошо сделан, живо смотрится и неспроста вызывает интерес публики — здесь действительно подмечен новый тип молодого человека без сантиментов. Я только не разделяю той благостности, с которой авторы следят за его приходом. Только и всего.

Л. АННИНСКИЙ

всегда с нами

ЛЮДВИГ ВАН БЕТХОВЕН

«Вся жизнь его похожа на грозовую день. Вначале юность, прозрачное утро. Еле уловимое дуновение истомы. Но уже в неподвижном воздухе парит какая-то скрытая угроза, тяжкое предчувствие, и вдруг стремительно проносятся огромные тени, слышится грозный рокот, гулко замирающий в страшной напряженной тишине, яростные порывы ветра «Героической симфонии» и симфонии до-минор. И все же ясность дня не померкла. Радость пребывает радостью, в скорби неизменно таится надежда. Но вот наступают десятые годы — душевное равновесие нарушено. Разливается злобещий свет. Мысли самые светлые обволакивает какая-то туманная дымка, она рассеивается, возникает вновь, омрачая сердце своей смятенной и своевольной игрой; часто музыкальная мысль словно тонет в этом тумане, вынырнет раз, другой и вот уже исчезла совсем и только в финале вдруг вырвется наружу гневным шквалом. Даже веселость, и та приобретает язвительный иступленный характер. Какой-то горячечный бред, какая-то отравка примешивается ко всем его чувствам. Гроза надвигается по мере того, как близится вечер. И вот уже тяжелые тучи, изборожденные молниями, черные, как ночь, набухшие бурями, — начало Девятой. Внезапно в самый разгар урагана мрак разрывается, ночь сметена с небосвода — и ясный день возвращен к нам его волей...»

Это Ромен Роллан говорит о Людвиге ван Бетховене. В декабре 1970 года исполняется 200 лет со дня его рождения.

Музыка Бетховена обладает удивительным качеством — о ней знают все, даже если не знают самой музыки. Все знают, что есть 3-я симфония Бетховена, знают о том, что она была написана под впечатлением Великой Французской революции и была вначале посвящена Наполеону, а затем посвящение с гневом было снято Бетховеном, когда он узнал, что Наполеон объявил себя императором. Все знают, что есть 5-я симфония до-минор (помните начало ее — «так судьба стучится в дверь») и 9-я симфония с хором на слова оды Шиллера «К Радости» («Обнимитесь, миллионы»), 32 сонаты для фортепиано, квартеты, песни, опера «Фиделио»...

Но кроме этого, все знают еще о том, что Бетховен оглох, что он прожил тяжелую жизнь, боролся, мучился, творил, что в его могучей музыке присутствует его могучая личность.

«Если мы окинем взглядом исторически-прогрессивную эпоху, сделанную музыкой в лице Бетховена, то верно и точно определим этот прогресс, назвав его приобретением новой способности, которой до того времени за музыкой не признавали. Благодаря этому новому приобретению, музыка поднялась над областью эстетически красивого и вступила в сферу бесконечно возвышенного...» Можно присоединиться к этим точным словам Рихарда Вагнера, сказанным им в трактате «Бетховен».

Бетховен был гением-музыкантом, творцом, но он был и гением-человеком. И эта человеческая гениальность заставила его жить так, чтобы из ужаса и мрака подняться до высот творчества.

Какие безумные страдания причиняла ему глухота — это страшное испытание судьбы!

«...По природе пылкий и деятельный, даже не чуждый светских развлечений, я еще почти юношей был вынужден отказаться от людского общества и вести одинокую жизнь. Если иной раз я пытался преодолеть это, каким жестоким испытанием было для меня всякий раз новое подтверждение моего увечья. И ведь мне невозможно было сказать людям: «Говорите со мной громче, кричите, потому что я глухой!...»

Один, совершенно один... Я должен жить как отверженный... Испытания доводили меня чуть не до отчаяния; я был недалеко от того, чтобы наложить на себя руки — **Искусство!** Только оно одно и удерживало меня. Мне казалось немыслимым покинуть этот мир прежде, чем я не выполню того, к чему я чувствовал себя призванным».

Обжигающие строки Гейлигенштадского завещания звучат, укоряют, бичуют. «О люди! Если вы когда-нибудь прочтете это, подумайте, как вы были несправедливы ко мне — и пусть страдалец утешится, видя такого же страдальца, как он сам, который вопреки всем преградам, воздвигнутым самой природой, сделал все, что было в его силах, чтобы удостоиться звания художника и войти в число избранных».

Строки эти были написаны в 1802 году, когда Бетховен более уже не мог скрывать свою болезнь. В 32 года он был полон ожидания смерти и написал завещание. Но ему суждено было прожить еще 25 лет...

Он был одним из самых известных пианистов своего времени. Хотя были люди, которые говорили, что он играет грубо, «неотесанно», но музыка Бетховена и их повергала в душевный трепет.

Этот особенный путь Бетховена-пианиста привел его к созданию произведений, которые необходимо присутствуют в нашем представлении о Бетховене — это «Патетическая» соната, «Лунная» соната, соната «Аппассионата».

Бетховен знал силу воздействия своей музыки, и

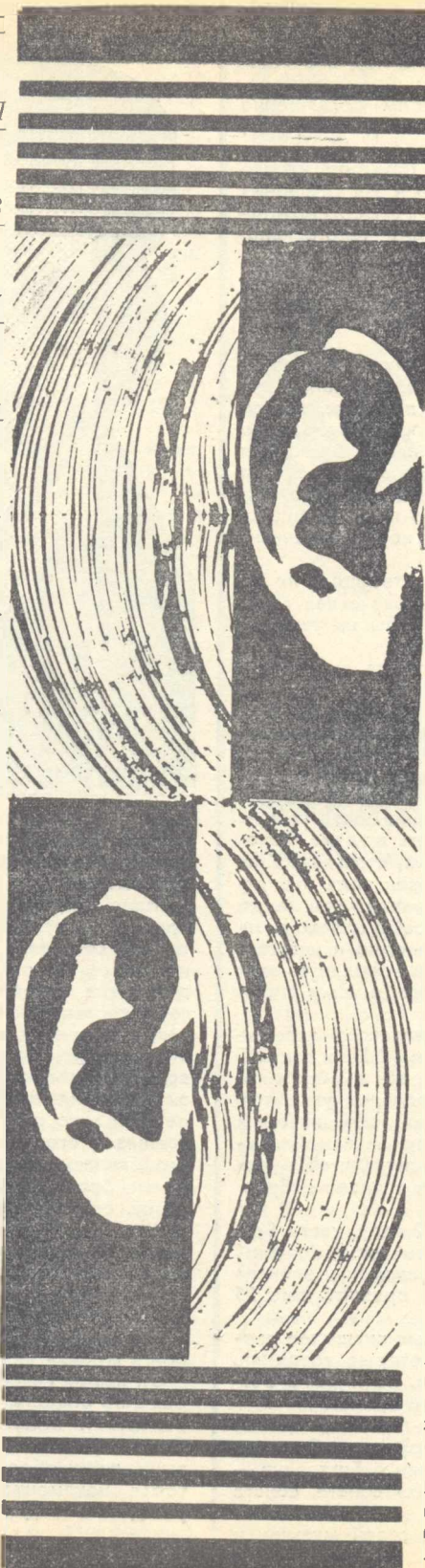
не только музыки, но и вообще своего присутствия. Он обладал выдающимся чувством собственного достоинства.

Голос Бетховена звучит ярко и гордо: «Короли, принцы могут заводить себе наставников, ученых и тайных советников, могут осыпать их почестями и орденами, но они не могут создавать великих людей, таких людей, чей дух поднимался бы выше этого великосветского навоза... и когда два человека сходятся вместе, двое таких, как я и Гёте, пусть все эти господа чувствуют наше величие. Вчера мы, возвращаясь с прогулки, повстречали всю императорскую фамилию. Мы увидели их еще издали, Гёте оставил мою руку и стал на краю дороги. Как я ни увещевал его, что ни говорил, я не мог заставить его сделать ни шага. Тогда я надвинул шляпу на самые брови, застегнул сюртук и, заложив руки за спину, стремительно двинулся в самую гущу сановной толпы. Принцы и придворные стали шпалерами, герцог Рудольф снял передо мной шляпу, императрица поклонилась мне первая. Великие мира сего знают меня. Я имел удовольствие наблюдать, как вся эта процессия продефилировала мимо Гёте. Он стоял на краю дороги, низко склонившись со шляпой в руке...»

Он нашел счастье в том, что создал музыку, которая есть радость. Он перекавал свои страдания в эту радость и отдал свою добрую силу всему свету. Прикоснувшись к неиссякающему роднику его музыки, люди обретают творческую силу. Радость, которая неизменно живет в бетховенских творениях, рождает в людях великую Веру в человека.

Е. ЗАЙЦЕВА

ИНТЕРЕСНОЕ УСТРОЙ-
СТВО ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ
ШУМА УСТАНОВЛЕНО В
ОДНОЙ АНГЛИЙСКОЙ
ШКОЛЕ. КОГДА В КАКОМ-
НИБУДЬ КЛАССЕ УЧЕНИ-
КИ НАЧИНАЮТ ЧЕРЕСЧУР-
ГАЛДЕТЬ И УРОВЕНЬ ШУ-
МА ПРЕВЫШАЕТ ДОПУ-
СТИМУЮ ВЕЛИЧИНУ, АВ-
ТОМАТИЧЕСКИ ЗАЖИГА-
ЕТСЯ КРАСНАЯ ЛАМПОЧ-
КА. ГОЛОС ДИРЕКТОРА
ШКОЛЫ, ЗАПИСАННЫЙ
НА МАГНИТОФОННУЮ
ПЛЕНКУ, ПРЕДУПРЕЖДА-
ЕТ: «ДЕТИ, ТИШЕ!»

О ТИШИНЕ И О ДЕТЯХ

Дети и тишина... Да правомерно ли ставить рядом эти два слова? Мы же часто повторяем: дети есть дети, подразумевая под этим, в частности, право ребят на веселые и шумные игры.

Но задумываемся ли мы о том, в какой степени шум вреден именно детям?

Человек всегда жил в мире звуков, однако никогда шум не был столь угрожающим фактором, как в наше время. Проблема защиты от шума за последние десятилетия стала одной из актуальнейших социальных и гигиенических проблем.

Бесспорно установлено, что шум — источник многих болезней. Он замедляет психические реакции, нарушает обмен веществ, вызывает раздражительность. Людям нередко приходится расплачиваться за шум глухотой, нервными, сердечно-сосудистыми и другими заболеваниями.

Шум снижает работоспособность, ослабляет память и внимание, нарушает сон — этот, по Шекспиру, «бальзам души».

Шум коварен, его вредное воздействие совершенно незримо, незаметно. Нарушения в организме до поры до времени ярко не выражены и обнаруживаются не сразу. Может быть, поэтому не всегда осознается его пагубное влияние.

Особенно страдают от шума дети. Известны многочисленные случаи, когда в результате резкого, внезапного шума у детей появляется пугливость, повышенная чувствитель-

ность кожного покрова. Нередки случаи, когда неожиданный шум вызывал у детей искажение речи, судорожные припадки, «ночные страхи». Неокрепшая нервная система детей требует особо бережного отношения и тишины в семье, детском саду, школе.

Попробуем взглянуть на школу глазами гигиениста. Дети подвергаются здесь воздействию шума от 40 до 110 децибел, а это выше допустимого уровня — ведь уже при шуме в 65 децибел у школьников на 12—15 процентов снижается внимание, увеличивается количество ошибок, ухудшается зрение.

Учеными, работающими в области школьной гигиены, выработаны десятки полезных «шумозащитных» рекомендаций. В частности и прежде всего должна быть обеспечена необходимая звукоизоляция учебных помещений.

А дома? К сожалению, во многих семьях тишина не в почете. То, что телевизор или радиоприемник включены постоянно, — скорее правило, а не исключение. И беда здесь не только во «взрослом репертуаре» или количестве часов, проводимых ребятами у экрана, но и в постоянном шумовом воздействии на организм ребенка.

Нет нужды говорить о важности сна для детей. Он священен. Но, к сожалению, немало еще родителей считают, что в наше время ребенок должен привыкнуть к шуму. В некоторых семьях ребята спят или занимаются при включенном телевизоре, радиоприемнике или при громких разговорах взрослых...

Даже тихие шумовые раздражители (разговор вполголоса, легкий свист) вносят изменения в организм спящего: дыхание становится чаще, усиливается пульс, меняется состав крови. Можно с полным основанием утверждать, что шум во время сна более вреден для здоровья, чем в состоянии бодрствования.

Вынужденные заниматься и отдыхать в условиях шума, школьники выполняют домашние задания в состоянии сниженной работоспособности. Интерес к работе падает, появляются головные боли и сонливое состояние. Правильный звуковой режим должен быть законом для всех членов семьи.

Проблема борьбы с шумом имеет и еще одну важную сторону. Речь идет о воспитании у ребят уважения и любви к тишине.

Дети ведь зачастую и сами — «источник шума». Сколько на этой почве возникает нежелательных конфликтов и коллизий! И, несомненно, многие из них были бы исключены, если бы ребята и родители четко представляли и контролировали свое

Если в 60-х годах прошлого столетия на транспортных магистралях больших городов шум не превышал 60 децибел, то в настоящее время на тех же магистралях он достигает 100 и более децибел. Чтобы эти цифры стали более понятны, можно привести следующие сравнительные данные:

Порог слышимости — 0 децибел.
Шелест травы — 10 децибел.
Реактивный самолет — 120—140 децибел.

Болевой порог — 130 децибел.
Шум в 150 децибел для человека непереносим, в 190 децибел — вызывает заклипки из металлической конструкции.

...Люди страдают от бессоницы. Это следствие больших нервнopsихических перегрузок, которые могут вызвать со временем тяжелые нервные расстройства.

По данным статистики, бессонница мучает каждого четвертого жителя Западной Германии и каждого третьего в Соединенных Штатах Америки. В поисках сна миллионы людей оглушают себя всевозможными снотворными средствами. В Западной Германии ежегодно потребляется полмиллиарда снотворных таблеток на сумму 75 миллионов марок.

...Шум притупляет слух. Установлено, что более одного миллиона рабочих США из 4,5 миллиона, занятых в производстве с интенсивным шумом, страдают серьезной потерей слуха. Видный американский отоларинголог С. Розен путем обследования в Судане африканского племени, не подвергавшегося воздействию «цивилизованного» шума, установил, что острота слуха у 60-летних представителей этого племени в среднем такая же, как у 30-летних людей, живущих в Нью-Йорке.

...Шум нередко играет значительную роль и в возникновении заболеваний сердечно-сосудистой системы.

Известный терапевт, академик АМН СССР А. Л. Мясников указывал, что шум может быть источником гипертонии. Эксперимент на животных подтвердил эту мысль. В то же время клинические исследования свидетельствуют о том, что устранение шумового раздражителя нормализуют артериальное давление у больных. При обследовании рабочих, подвергающихся действию высокочастотного шума (93 децибела и более) гипертоническая болезнь обнаруживалась в 2 раза чаще, чем у людей, находившихся в условиях с меньшей интенсивностью шума.

...Еще в прошлом столетии Роберт Кох предсказывал, что когда-нибудь человечество вынуждено будет расправляться с шумом столь же решительно, как оно расправляется с холерой и чумой. Эти слова известного ученого отнюдь не преувеличение. Время, когда мы решительно должны расправиться с шумом, уже наступило. Гигиенисты всего мира все настойчивее и чаще, перефразируя известную поговорку: «Чистота — залог здоровья», напоминают о насущности другой истины: «Тишина — залог здоровья».

«звуковое поведение» в условиях общественной жизни. Бесспорно, запрещать детям играть — это жестокость. Но жестокость в том случае, если ребята никому не мешают. Но если дети, увлекшись игрой, потеряли чувство меры и мешают отдыхать и работать взрослым, в этом случае следует разумно регулировать их поведение, а иногда и запретить детям шуметь. Ведь рядом могут быть больные, маленькие дети, взрослые, которым шум противопоказан, вреден или мешает.

В этой связи следует сказать несколько слов о детских игрушках. Если взглянуть на некоторые игрушки под углом их «шумовых» свойств, следует признать, что иная металлическая игрушечная автомашинка, влекомая по тротуару ее владельцем, производит шум больший, чем настоящий грузовик... Кстати, у ребят складывается неправильное представление о шуме — как о каком-то обязательном качестве, без которого не может обойтись техника нашего века, хотя очевидно, что она должна и может быть бесшумной.

Выпускается у нас немало и так называемых музыкальных игрушек. Но большинство их издают далеко не мелодичные звуки и скорее притупляют слух, нежели развивают его. Не отсюда ли начинается привычка у некоторой части молодежи к некоему постоянному «транзисторному» шуму, без которого уже не мыслится существование?

Многие, вероятно, были невольными свидетелями и слушателями объяснения детей и родителей, когда одна из сторон с балкона или из окна что-то громкогласно приказывает, требует, а другая столь же громкогласно умоляет, просит и обещает. Может быть, и не стоит на такую мелочь обращать внимания? Но это мешает отдыху и занятиям соседей по дому!

Каралуз отчаянно дубасит палкой по водосточной трубе, мама же спокойно беседует с соседкой...

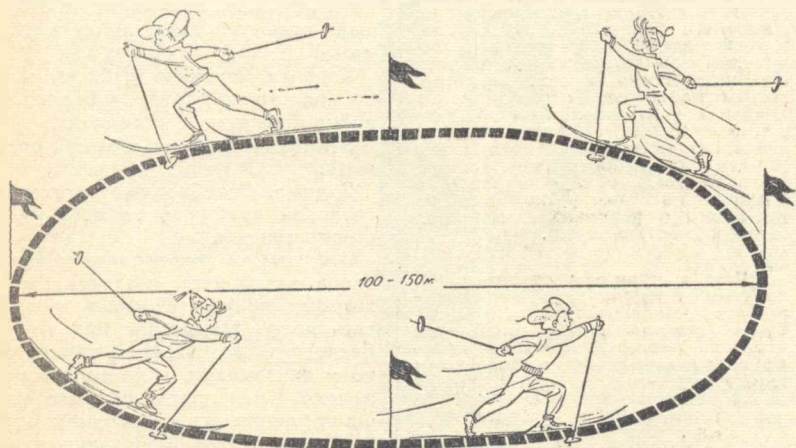
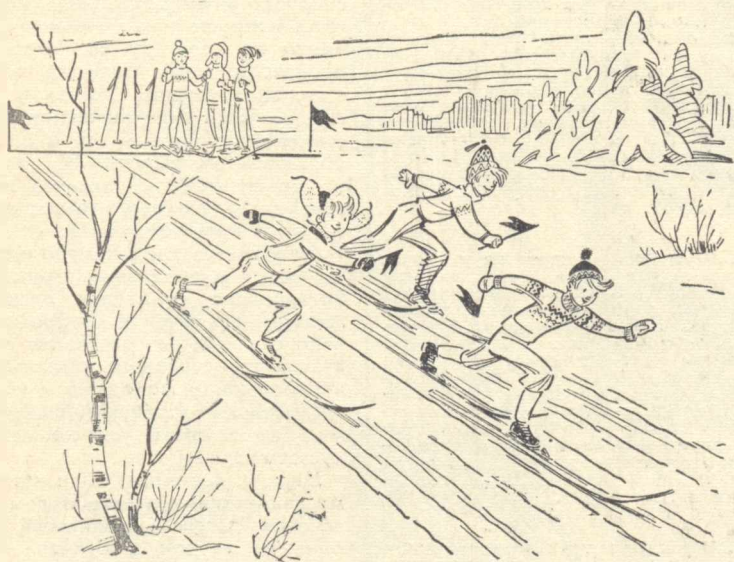
Эти примеры легко можно продолжить.

Видимо, необходимо воспитание звуковой культуры, то есть умения ценить тишину.

В одном из ленинградских детских садов детей учат, казалось бы, нехитрому делу — закрывать и открывать дверь так, чтобы при этом не беспокоить других. И не только учат, но и показывают, и не только показывают, но и просят каждого малыша проделывать эту операцию самому... Вот так... тихо и без излишнего стука. Именно из таких привычек должно впоследствии вырасти и нечто большее — уважение к людям, уважение к их труду и отдыху.

Владимир ЧУДНОВ

на лыжах и санях

накаты

Основой лыжного хода является широкий накати́стый шаг. Быстро и мягко перенося вес тела на выдвигаемую вперед лыжу, спортсмен достигает легкости движения, меньше устает и быстрее скользит.

Но как добиться накати́стого шага? Мастера это делают, используя палки, а новички скользят без них.

В игре «Накаты» заранее прокладывается лыжня, длиной в 50—60 метров. Участники игры, расположившись в 10—12 шагах от линии старта, ждут команды. Для каждой группы — своя лыжня.

Игра заключается в следующем: каждый делает шесть шагов. Это разгон до лыжни, а вступив в нее, надо скользить до полной остановки. Там, где закончилось скольжение, сбоку втыкается флажок или лыжная палка. Побеждает та команда или группа, которая проскользит дальше.

Есть другой вариант игры. От линии старта по проложенной лыжне делается десять попеременных шагов то на правой, то на левой лыже. У кого шаги окажутся самыми длинными и накати́стыми, тот и победил.

догонялки

На снежной площадке прокладывается овальная или круглая лыжня. Диаметр ее примерно 100—150 метров. По кругу в четырех точках, на равном расстоянии друг от друга, становятся участники состязания. Старт дается одновременно, задача каждого играющего догнать впереди идущего. Если ему это удалось, то преследуемый сходит с лыжни. Игра кончается, когда на лыжне остался один лыжник.

круговая эстафета

В игре участвуют 4—5 команд. Для того чтобы игра проходила быстро, вместо линейного построения используют круговое. Команды становятся в колонну по одному: первые номера на внешнем круге, а последние — в самом центре.

По сигналу первые номера бегут по внешней стороне круга и, как только достигают своей колонны, стараются коснуться палкой второго игрока. Первый уходит в тыл колонны, а место второго занимает третий и т. д. Побеждает команда, игроки которой первыми успели переместиться.

виражная горка

Известный специалист по спортивным сооружениям инженер В. П. Поликарпов — заслуженный мастер спорта и лауреат Ленин-

ской премии говорит: «Надо знать, что на каждый метр высоты горки должно приходиться не менее 25 метров дорожки... Это значит, что горка высотой в 2 метра должна иметь дорожку равную 50 метров и т. д.».

Для того чтобы не надо было долго ходить с санями, строят встречные горки. Но такие горки занимают много места, и не на каждом дворе ее построишь.

Другое дело — виражная горка. Здесь «пронат» устроен так, что сани, скользя, делают вираж и по инерции подкатываются к ступенькам, ведущим на вершину горы.

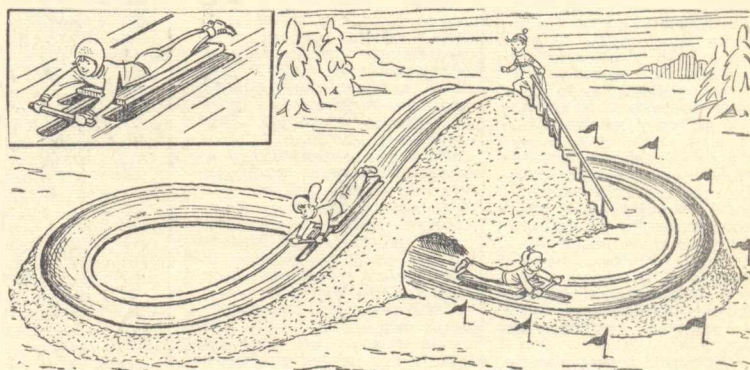
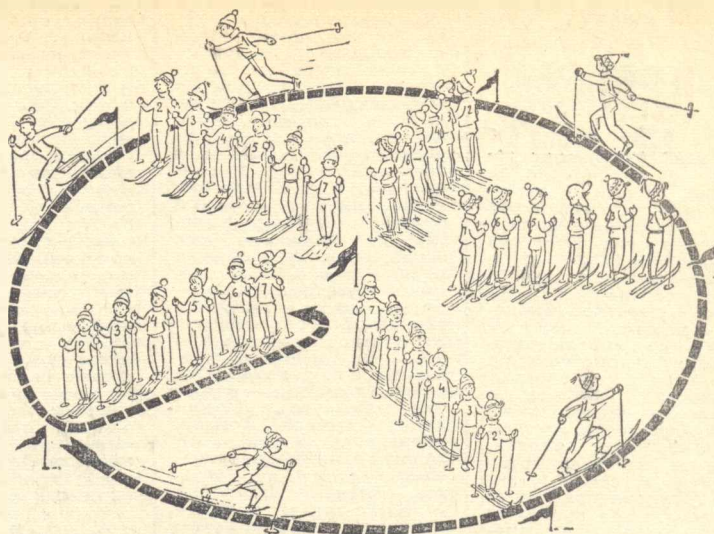
Преимущество виражной горки в том, что она занимает вдвое меньше места, чем обычные, и для ее сооружения не нужны бревна, доски. Она целиком сооружается из снега.

Высота такой горки должна быть 3—4 метра, соответственной длины и прокат. Пронат может быть не такой длинный. Последний вираж, в зависимости от высоты горки, делается длиной 10—20 метров. Через каждые 1—2 метра на нем втыкают цветные флажки.

Только тот, кто хорошо использовал виражную горку, может доехать сразу до ступенек, чтобы снова стартовать. Каждый флажок, начиная от туннеля, из которого выезжает саночник, дает ему 1 очко.

Побеждает тот участник, который сумел набрать больше очков. Тот, кто достиг десятого флажка с одного рейса, набирает 10 очков и сразу поднимается по ступенькам на вершину горы.

Кататься на виражной горке можно на простых санях и на рулевых.

пионерский бобслей

Рулевые сани бобслей завоевали признание на первой зимней Олимпиаде в Шамони (Франция).

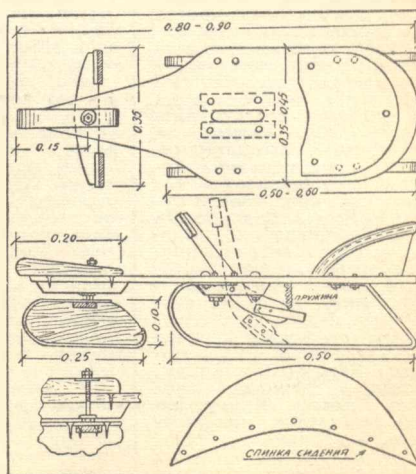
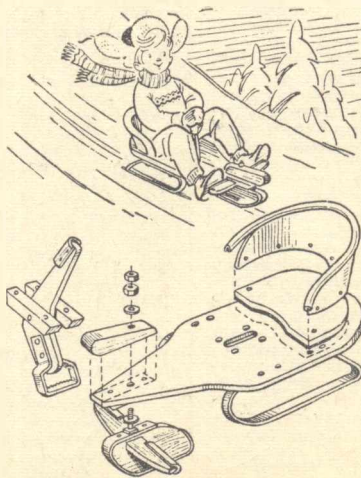
Сейчас бобслей вводится и в советский спорт. Обычно соревнуются экипажи из двух и четырех спортсменов.

На рисунке показано, как изготовить пионерский бобслей — рулевые сани из дерева и полосового железа. На бобслее перед сиденьем имеется тормозная ручка. Потянет сидящий ручку на себя — и может значительно замедлить ход и даже остановить сани. Чтобы действие ручки было безотказным, ее нижняя часть обита полосовым железом в виде металлической скобы. Крепится тормозная ручка при помощи болтов и гаек.

Пионерский бобслей рассчитан на одного пассажира и управляется ногами.

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта

Художник А. Орлов

В чулке у камина

В 7207 (1699) году декабря 20 дня читали по Москве новый царский указ — вести счет летам не от сотворения мира, а от Рождества Христова (25 декабря 5508 года) и начало месяцам писать не от 1 сентября, а с 1 января: «Известно великому государю, что не только во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною православною нашею церковью во всем согласны, как волохи, молдавы, сербы, далматы, болгары, и самые великого государя подданные чернасы и все греки, от которых вера наша православная принята, — все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова осым дней спустя». В честь доброго начинания домовладельцы должны были выставить перед воротами украшения «от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых» и сохранять их до 7 января. Палатным, воинским и купеческим людям предписано было во время фейерверка и пушечной пальбы на Красной площади стрелять из небольших собственных пушек или из мелкого ружья трижды и лускать ракеты. А всю первую неделю января зажигать по ночам костры и смоляные бочки.

Петровским указом завершилось всеевропейское признание зимнего новогоднего праздника, которое затянулось более чем на сто лет — с 1594 года, когда французский король Карл IX первым среди западных монархов привел календарь к нынешнему круговороту. Однако самые важные заслуги в превращении 1 января перед остальными 364 днями — за древними римлянами. Даже само название месяца произошло от имени римского бога смен и начал — Януса. С двумя лицами, юношеским и старым, стоял он на распутье времен, обратив усталый взор к прожитому и устремив нетерпеливый взгляд в будущее. Предание связывает зимнее начало года с императором Нумой Помпилием, который приказал считать месяц Януса не одиннадцатым, как прежде, а первым. По верованиям римлян, начало января имело роковое влияние на весь остальной год. Горе тому, кто

не успеет на ритуальную встречу. Шум, крики, песни, пляски до рассвета оглашали улицы и дома. Мужчины одевались нормицами, матроны — воинами, и те и другие наряжались в шкуры баранов, приделывали головы коров, оленей, псов, принимали образы демонов, богов и богинь. Ряженные ходили из дома в дом. Чародеи и предсказатели гадали о будущем, и, верно, никогда не бывало у них столько посетителей, как в эту ночь. С наступлением утра все спешили друг к другу с поздравлениями, благопожеланиями и подарками. Обычно это были глиняные, мраморные или металлические статуэтки — изваяния божества. Дарили свечи — символ солнца, вновь обретающего силу, золото, означавшее пожелание богатства, лампы — знак просветления и мудрости и медовые кушанья — пожелания приятной безмятежной жизни. Дарители обменивались ветвями вечнозеленых растений.

Ветви вечнозеленых растений стали одной из самых обязательных и почитаемых принадлежностей Нового года. В средние века возник обычай загодя приносить домой плодовые деревья, чтобы к концу декабря они покрывались цветами. В начале XVI века реформатор Мартин Лютер вместо традиционного в Германии боярышника принес к себе рождественскую елку и украсил ее свечами в подражание звездному небу.

С течением новогодних зим видоизменялись обычаи праздника. Дед Мороз не так уж стар, как кажется — появился он сравнительно недавно и в этом смысле не древнее Снегурочки. Еще в прошлом веке в России (а во многих странах и до сих пор) подарки приносил белобородый святой Николай Мирликийский. Как утверждает легенда, он спускался на землю 6 декабря и объезжал дома на белом коне в сопровождении юного мавра Петра — своего слуги. Однажды во время такой рождественской поездки святой выронил несколько золотых монет. Они провалились в дымовую трубу и попали в детский чулок, сущившийся у огня. С этого случая ведет свое начало обычай высевивать на ночь «рождественские чулки» и оставлять у камина детские башмаки.

А елочными украшениями сначала служили цветы и плоды деревьев (откуда пошли теперешние шары), фигурные пряники, конфеты и прочие сласти, незатейливые формы которых положили

ли начало причудливым стеклянным игрушкам.

«Съедобной» игрушкой славились по России Вязьма, Тула и Тверь. Тверские мятные пряники были особенно смелы и хитроумны по композиции. От скромных «сердечек», «грудчиков», «угольничков» и «кругляков» доходили до изображения парадных выездов и праздничных прогулок («он» — в треуголке с плюмажем, «она» — в пышных «сдобных» кринолинах). Излюбленными рисунками были «коники», петушки и «стерлядь-колыбель». По разнобразию сюжетов равнялись с тверскими белыми пряниками разве только расписные архангельские «козули». Но поморы больше изображали оленей, собак, коров... «Печатные» рельефные пряники Тулы поражали воображение своими аршинными размерами.

В. ШАТЧЕНИН

осторожно с ёлкой!

Конечно, не очень хочется думать в преддверии радостного новогоднего праздника о грустных вещах, но лучше все-таки иметь их в виду, чтобы они не случились.

Вот те простые меры, выполнения которых требуют строгие пожарные и которые обеспечат безопасность вашим детям.

Елку устанавливайте на устойчивой подставке, вдали от приборов отопления.

Электрическое освещение елки должно монтироваться электрическим проводом, применяемым для освещения, с надежной изоляцией мест соединения.

Совсем откажитесь от свечей!

Нельзя украшать елку игрушками из легковоспламеняющихся материалов, а также ватой, не пропитанной огнезащитным составом.

В помещении, где установлена елка, не зажигайте бенгальские огни и не взрывайте хлопушки!

Маснарядные костюмы пропитывайте огнезащитным составом.

А вот как приготовить огнезащитный состав и обработать им маснарядные костюмы, вату, марлю и другие легковоспламеняющиеся материалы: 150 граммов диаммоний фосфата и 90 граммов сернокислого фосфата растворить в одном литре теплой воды (растворять нужно в стеклянной посуде). Дать раствору отстояться и перелить его в чистую посуду, в которую и погружать для пропитки вату и марлю. В одном литре раствора пропитывают 200 граммов ваты или марли.

Пусть праздник доставит вашим детям только радость.

рецензии на игры и игрушки

„Икар-7Е“ — заводная мышка

«Икар-7Е» передвигается по поверхности незнакомой планеты стремительными прыжками толчками. Встретив препятствие, оббегает его. Непрерывно вращается зоркий глаз антенны радиолокатора, а перед кабиной на белом круглом экране проплывают загадочные световые пятна. Но что делает сам космонавт? Маленькая фигурка в комбинезоне и гермошлеме занята отнюдь не исследовательской работой. Руки космонавта держат пулемет, который, поворачиваясь по сторонам, посылает очередь за очередью, и все это сопровождается соответствующими звуковыми и световыми эффектами. Кто угрожает космонавту? Зачем при высадке земля на поверхность другой планеты нарушать ее безмолвие грохотом пулеметных очередей?

Мы описали машину, которую увидели на прилавке Дома игрушки, что на Кутузовском проспекте в Москве. Внешне «Икар» выглядит эффек-

но. Он пленяет воображение ребят, будит фантазию. Да и что может быть романтичнее, чем тема покорения космоса? Но в погоне за впечатляющим эффектом создателям игрушки изменил такт.

К счастью, описанный нами «Икар» является не единственным представителем игрушечной семьи планетоходов. Вот планетоход рижского завода «Страуме». Он выполнен из пластмассы светлых оттенков, имеет примерно ту же компоновку и те же световые эффекты. Но две фигурки космонавтов под прозрачным колпаком кабины настроены более миролюбиво. Кстати, рижская игрушка на два рубля дешевле грозного «Икара».

Московский завод механической и заводной игрушки тоже представляет планетоход, однако оформление этого образца отличается безвкусицей. Игрушка сделана из металла (печатная жесть), на ее темно-красных бортах нанесены черные круги, видимо, изображающие иллюминаторы, но сделано это грубо, и качество окраски всей игрушки оставляет желать лучшего. Правда, московский планетоход отличается одной особенностью. Это так называемая непадающая игрушка. Запущенная на столе, она, приблизившись к краю, не падает на пол, а сворачивает в сторону.

Приятно отметить, что за последние годы расширился выпуск электрифицированных игрушек. На прилавках и витринах Дома игрушки представлен сравнительно богатый ассортимент: планетоходы, легковые и грузовые автомобили, автобусы, тягачи с трейлерами, машины-амфибии, катера — всего не перечислить.

Электрическая энергия, пришедшая на смену заводной пружине, раскрывает широкие перспективы создания игрушки, рассчитанной на активное вмешательство играющего. К сожалению, этого не замечают некоторые авторы и производители игрушки, оставаясь в плену старых традиций. Часто электродвигатель только заменяет собой отжившую заводную пружину, не внося существенных изменений в само содержание игрушки, сохранив в целости ее основную пору, пору «самодельствующей» игрушки, за движением которой можно только наблюдать. К такой «созерцательной» игрушке очень критически относился А. С. Макаренко. «Если вы купите ребенку заводную мышку, — писал он, — целый день будете ее заводить и пускать, а ребенок будет

целый день смотреть на эту мышку и радоваться, — в этой игре не будет ничего хорошего. Ребенок в этой игре остается пассивным, все его участие заключается в том, что он глазеез. Если ваш ребенок будет заниматься только такими играми, из него вырастет пассивный человек, привыкший глазеть на чужую работу, лишенный почина и не привыкший творить в работе новое, не привыкший преодолевать трудности. Игра без усилия, игра без активной деятельности — всегда плохая игра».

Более интересна игрушка управляемая, снабженная выносным пультом с кнопками (или клавишами) управления, повинующаяся приказам своего маленького хозяина. Разумеется, формы управления и действия управляемой игрушки могут быть весьма разнообразны. Педагогически важно одно: ребенок из наблюдателя превращается в повелителя техники, его взаимоотношения с игрушкой приобретают иной характер. Ребенок в такой игре развивает глазомер, быстроту реакции, координацию движений и многое другое, очень для него важное и полезное.

В том же Доме игрушки продают ленинградский «Автомобиль с электродвигателем», «Авто-трейлер» таллинского завода «Норма», снабженные выносным пультом управления, с кнопочным включением хода и дистанционным управлением на поворотах. Появились и другие любопытные игрушки, разумно использующие электрическую энергию. Например, хотя бы «электронный тир», где стреляют световыми лучами, а фотозащелка фиксирует попадание в мишень.

Вот и планетоходы, с которых мы начали этот небольшой обзор, стоило бы перевести из категории «заводных мышек» в категорию управляемых игрушек. Пусть планетоход будет, например, оборудован подвижным рычагом со щупом, который сможет подбирать образцы «неведомой породы» (мелкие камешки) и доставлять их на борт. Пусть четкими или последовательными движениями рычага управляет ребенок с помощью специального пульта, в нужном порядке нажимая его кнопки и выбирая наиболее выгодный режим работы машины.

Л. ЭЙДЕЛЬС,
член художественно-методического совета по игрушке при Министерстве просвещения РСФСР

ВОТ какие тележки

«Цветные тележки».
Автор С. Файнштейн.
М., «Малыш», 1970

Как познакомить малышей с формой и цветом? Как научить их составлять из частей целое? Как развить конструкторские способности?

Успешное решение этих задач зависит от того, насколько обучение будет увлекательным, а материал — интересным.

В игре «Цветные тележки» удачно сочетаются яркость оформления и заманчивость цели. Из различных геометрических фигур надо сложить тележки, укладывая составные части в строго определенный контур. Каждый складывает свою тележку — красную, синюю, желтую или зеленую. Кто скорее?..

Играющие с удивлением и радостью делают открытия. Оказывается, круг — это «колесо», прямоугольник — «кузов», а квадратик — «кабина».

Собрать круг из двух полукругов, а прямоугольник из двух квадратов тоже интересно.

Когда тележка готова, можно проверить ее в работе. Главное, чтобы поместился груз. И снова — внимание, решение комбинационных задач. С каждым туром игры груз меняется: надо выбрать разноцветные фигуры, или фигуры, одинаковые по цвету, или фигуры, одинаковые по форме и т. д.

Много игр можно провести, используя тележки — и лото, и квинтет, и домино, и «Сосчитай», и «Четыре цвета».

раз, два — и в дамки!

Отдел ведет
заслуженный тренер СССР
Ю. БАРСКИЙ

тем, кто в шашки... не играет

Если вы «давненько не брали в руки шашек», эта рубрика именно для вас. Присмотритесь к этой диаграмме.

«Несмотря на то что у черных тут уже есть дамка, победу будут праздновать белые, — утверждает автор позиции ленинградец Гусейн Гумбатов. — И очень быстро: семь ходов — и все кончено!»

Так ли это? Согласны ли вы с Гумбатовым?

Две следующие позиции тоже присланы из Ленинграда. Их автор И. Прибыльский.

На каждой из этих диаграмм есть черная шашка, которой до да-

мок один шаг. Если она сделает его, то белые, конечно, не выиграют. Но И. Прибыльский заверяет, что сделать этот шаг черным не удастся: белые могут не пропустить в дамки прорвавшуюся черную шашку и одержат победу. Найдите, как это выполнить.

Во всех трех позициях — ход белых.

убийственный маневр

На диаграмме вы видите положение, которое возникло в партии одного из старейших шашкистов страны, заслуженного тренера СССР Л. М. Рамма.

Осталось всего по 4 шашки, и, казалось бы, позиция очень проста. «Сейчас они согласятся на ничью», — перешептавались зрители, следившие за игрой двух мастеров. Игравший черными тоже не прочь был заключить мир.

Но обладатель белых шашек — им и был Рамм — держался иного мнения. Он уже много ходов тому назад предусмотрел, что в этом положении победа будет ему обеспечена... Еще раз проверив свои расчеты, он сыграл.

1. e1—d2!

Противник, разумеется, ожидал этот ход. Видел он и то, что нельзя ему ответить 1... g7—f6 (или g7—h6) из-за размена 2. b4—c5 d6 : b4 3. c3 : a5, после которого черным остается лишь сдаться. И все же он не унывал, считая, что ничья у него в кармане.

1. ... b6—a5

Дальше оба играли очень быстро:

2. d4—c5 d6—e5

3. c5—d6 e5—d4

В этом ходе, как полагал игравший черными, заключалось его спасение. И вот тут-то Л. Рамм и применил заготовленный им маневр. Маневр короткий, состоящий всего из двух ходов, но неожиданный и настолько убедительный, что после этих двух ходов черные сразу прекратили сопротивление. Найдите этот выигрышающий маневр.

вопрос — ответ!

— Как записывают ходы в шашках? — спрашивает читатель А. Петряев.

— Чтобы записать ход, укажут поле, на котором шашка стояла, и поле, на которое она пошла. Например, шашка идет с поля d2 на поле e3 — пишут d2—e3. Дамка идет с поля c1 на поле h6 — пишут c1—h6. При взятии ставят двоеточие, так что, если шашка с поля a3 бьет на поле c5, то пишут a3 : c5.

Ходы нумеруют. Ход белых и ответ черных пишут под одним номером.

И еще обозначения: выигрыш — X, сильный ход — 1, слабый ход —? Вот запись короткой партии, разыграйте ее.

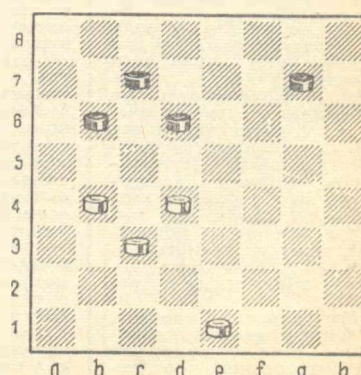
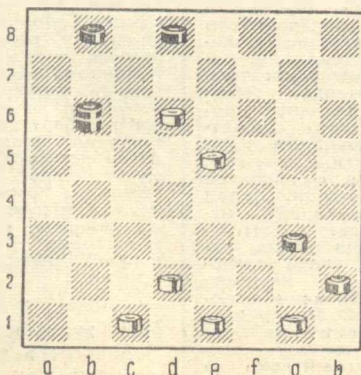
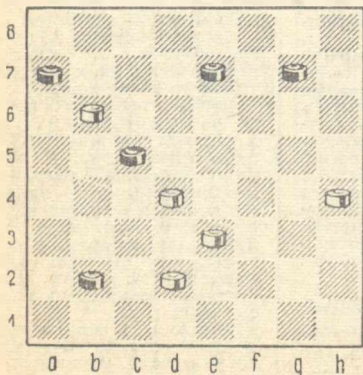
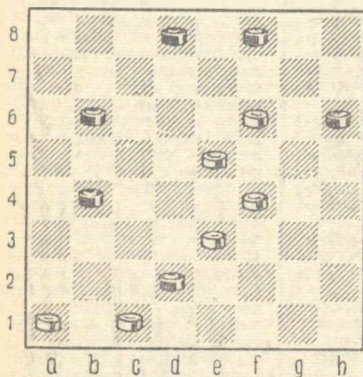
1. c3—d4 d6—e5 2. b2—c3 e7—b6 3. a1—b2 d6—c5! 4. g3—h4? c5—b4! 5. a3 : c5 e5—f4! 6. e3 : e7 f8 : b4 7. c3 : a5 h6—g5 8. h4 : f6 g7 : a1X.

мнения разошлись

Один довольно известный в Петербурге любитель шашек считал себя тонким знатоком дебюта «нол» и, где только мог, применял это начало.

— Какого вы мнения о его игре? — спросили как-то знаменитого петербургского шашкиста А. Шошина.

— Играет он недурно, — ответил тот, — но почему-то всегда избирает такие дебюты, которых совершенно не знает.

О ЛЕНИНЕ

Адрианов И., Юрьев Г. Через тернии — к звездам. № 4, стр. 9.

Бонч-Бруевич В. Д. Владимир Ильич в семье. № 1, стр. 2.

Карпинский Л. Энергия знаний. № 3, стр. 2.

Крупская Н. К. Как и что рассказывать школьникам о Ленине. № 4, стр. 12.

По ленинским местам: **Жунова Е.** Цюрих. № 1, стр. 17; Петроград. № 2, стр. 17; Петроград. Смольный. № 3, стр. 35; Москва. Кремль. № 4, стр. 14.

Прилежаева М. «...Любящий тебя В. Ульянов». № 4, стр. 6.

Хрипкова А. Бессмертный наказ. № 4, стр. 2.

Шаньгина В. Юные ленинцы. № 4, стр. 16.

Юбилейная научная. № 4, стр. 17.

Адрианов И., Юрьев Г. Через тернии — к звездам. № 4, стр. 9.
Бонч-Бруевич В. Д. Владимир Ильич в семье. № 1, стр. 2.
Карпинский Л. Энергия знаний. № 3, стр. 2.
Крупская Н. К. Как и что рассказывать школьникам о Ленине. № 4, стр. 12.
 По ленинским местам: **Жукова Е.** Цорих. № 1, стр. 17; Петроград. № 2, стр. 17; Петроград. Смольный. № 3, стр. 35; Москва. Кремль. № 4, стр. 14.
Прилежаева М. «...Любящий тебя В. Ульянов». № 4, стр. 6.
Хрипкова А. Бессмертный наказ. № 4, стр. 2.
Шаньгина В. Юные ленинцы. № 4, стр. 16.
 Юбилейная научная. № 4, стр. 17.

Адушкина В. Мы тебя слышим! № 5, стр. 4.
Баланина-Королева М. О моем сыне. № 3, стр. 10.
Большанов В. На конвейере стопроцентности. № 3, стр. 42.
Иванова Л. Урок великой любви. № 5, стр. 2.
Из сочинений, присланных на конкурс «Есть у революции начало, нет у революции конца»: **Нина Швецова.** Постараюсь. № 9; **Александр Филиппов.** Учиться у Ленина. № 10; **Ольга Тихонова.** Делать жизнь с кого. № 11 (всуду стр. 2).
Кодекс здоровья. № 3, стр. 5.
Комсомолец в школе. № 5, стр. 15.
Краснов В. Прикосновение к подвигу. № 5, стр. 7.
Письма в армию. № 2, стр. 2.
Халатов Н. В руки взял газеты номер... № 5, стр. 16.

Бардин К. «Чему я сегодня научился?» № 9, стр. 6.
Вережлагина Т. И все-таки поддается лечению. № 9, стр. 43.
Гаркунова И., Мишарева Е., Дошколы — для школы. № 6, стр. 6.
Гаркунова И. Что читаем? Как пишем? № 10, стр. 6; Самостоятельно. № 12, стр. 7.
Гуревич К. Воля. № 1, стр. 12.
Ипполитов Ф. Час потехе — важный час. № 7, стр. 55.
Кистенева Г. Летний стол. № 7, стр. 41.
Консультации «Семья и школы». № 1, стр. 30; № 2, стр. 30; № 3, стр. 24; № 4, стр. 30; № 6, стр. 22; № 7, стр. 24; № 9, стр. 20; № 10, стр. 27; № 11, стр. 34; № 12, стр. 26.
Ковалева Л. «Ты не понимаешь!» № 12, стр. 4.

Кунджи Н. Время за уроками. № 8, стр. 24.

Лосева О. Не тяжело ли было малышам? № 6, стр. 8.

Маландин И., Волков Н. Не жалейте времени на уроки улицы! № 9, стр. 47.

Менделёв Д. Обычные страхи детства. № 12, стр. 32.

Мишарева Е. Что надо знать первокласснику? № 3, стр. 18; Первый год учения. № 8, стр. 5; Математика продолжается. № 10, стр. 4; Умножаем. Делим. Решаем задачи. № 12, стр. 9.

Перед звонком. Четвертые классы: что нового? № 8, стр. 2.

Потапова В. Несмотря на помехи... № 11, стр. 32.

Пушкин В. Мышление. № 7, стр. 20; № 8, стр. 28.

Файнберг С. Не таской, а лаской. № 3, стр. 22; «Не давши слова, крепись, а давши, держись...» № 7, стр. 33; «Сегодня одно, завтра другое...» № 8, стр. 32; Слово: смысл и тон. № 12, стр. 28.

Фроим Алан. Нельзя! № 6, стр. 33; Кормление насильно. № 8, стр. 21.

Чернин Е. Первоклассник глазами физиолога. № 10, стр. 8.

Шевченко Л. Сыну по плечо. № 8, стр. 22.

Замс С. В защиту застенчивости. № 10, стр. 34.

Зрдниец П. Нескучная арифметика. № 9, стр. 9.

Юридическая консультация. № 2, стр. 31.

Яппо Т. Естественный ритм жизни. № 12, стр. 30.

А как поступали вы? № 8, стр. 9.
Алфеева В. Мальчик и музыка. № 12, стр. 40.
Аннин Б. Еще раз в первый класс. № 2, стр. 26.
Байков Ф. Когда соединяешь голову с руками. № 2, стр. 19; Отчего и почему? № 10, стр. 57.
Блок М. Только уважая друг друга. № 9, стр. 4.
Говорят дети. № 1, стр. 42; № 2, стр. 25; № 3, стр. 19; № 5, стр. 26; № 6, стр. 35; № 7, стр. 37; № 8, стр. 33; № 9, стр. 23; № 12, стр. 29.
Какой должна быть жизнь в семье — замкнутой или открытой? **М. Плян.** Нужна отдушина. № 9, стр. 35; **С. Королев.** Единого стандарта нет. № 9, стр. 36.
Книорин Л. Педагогические страницы «Горьковского рабочего». № 12, стр. 15.
Кондратенков А. Толя и его братья. № 7, стр. 30.
Могилевская Г. Шесть Шиленковых. № 5, стр. 12; Папа из нашего класса. № 8, стр. 11.
Моргулис И. Мы с сыном играем в «следователей». № 2, стр. 18.
Науманн Ф. Помогают ли они вам? № 9, стр. 41.
Очановская Л. Стидно или трудно? № 1, стр. 27; Глава семьи. № 11, стр. 28.
Полоцк Ил. Когда вас двое... (Диалог с психологом Р. Л. Круминем). № 11, стр. 30.
Протопопова А. Слова и поступки. № 2, стр. 6.
Ребята во дворе: **Журавлев В.** Стихийные группы: опыт исследования; **Лавровы А. и О.** Стихийные группы: а как быть родителям? № 3, стр. 14, 15.
Соболев А. Решите задачу! № 4, стр. 47.
Соловейчин С. Народный педагогический. № 4, стр. 41.
Сухомлинский В. Мы продолжаем себя в наших детях. № 11, стр. 4.
Фролов А. Дневник отца. № 2, стр. 9; № 4, стр. 22; № 5, стр. 19; № 6, стр. 10.

Арбузов А. Ленинская тема в педагогическом всеобуче. № 2, стр. 28.

Богуславский С. Исключение из правил. № 9, стр. 28.

Демидов М. Думаем вместе. № 2, стр. 29.

Из местных газет. № 2, стр. 20.

Ковалева Л. Последняя школьная весна. № 4, стр. 32.

Левшин А. Трудный перевал отрочества. № 12, стр. 12.

Лидина М. Приятного аппетита. № 12, стр. 16.

Малых З. Рычажок. № 12, стр. 14.

На повестке дня — работа школы с родителями. № 10, стр. 11.

Общее собрание Академии педагогических наук. № 10, стр. 10.

Основной закон школы. (Интервью с заместителем министра просвещения СССР **М. И. Кондаковым**). № 12, стр. 2.

Печерникова И. Тысяча дипломов. № 5, стр. 18.

Приглашаем на подсовет. (Ответ на письмо Л. Бутаевой). № 5, стр. 24.

Режим дня и новые программы. № 1, стр. 4.

Савченко Г. На огонек к дядюшке Пэзтеру. № 12, стр. 34.

Свет и тени продленного дня. № 2, стр. 4.

Смирнова Н. На выставке учебников. № 11, стр. 7.

Строится школа. № 4, стр. 48.

Урес М. Наследники рабочей славы. № 4, стр. 28.

Хрулев Н. Главная роль. № 3, стр. 6; № 4, стр. 18; № 5, стр. 8.

Шур М. Простые истины Льгова. № 10, стр. 12.

Алленсеева В. Надо объяснять азы. № 8, стр. 26.

Анин В. Горькие лавры. (Ответ на письмо В. Буковой). № 11, стр. 18.

Баршевский А. Библиотека на отдыхе (Письмо комментирует В. Воробьева, методист Центрального методического кабинета Министерства просвещения РСФСР). № 4, стр. 23.

Виноградова Н. Требуя уважения... № 1, стр. 38.

Галочкин В. Хлеб. № 9, стр. 12.

Гурская Е. Не боимся темноты. № 11, стр. 17.

Гусев А. Все началось с субботника... № 12, стр. 18.

Давыдов В. Аппетит приходит во время еды. (Ответ на письмо А. Булычевой). № 8, стр. 27.

Данченко М. Не плачь, Сережа! (С редакционными комментариями). № 7, стр. 19.

Дмитриева А. Смысл труда. № 4, стр. 27.

Иванова Л. Еще раз про любовь (Ответ на письмо Зайцевых). № 11, стр. 16.

Исаков Г. Как мы ездили в столицу. № 4, стр. 26.

Капарулина Л. И понуканий будет не нужно... № 10, стр. 19.

Кладов Л. Труби, горнист, поход! № 4, стр. 27.

Колесников Ф. Испытатели. № 9, стр. 13.

Кузнецова Н. Испекли мы каравай. (С редакционными комментариями). № 6, стр. 15.

Куинджи Н. Звонок на перемену. (Ответ на письма Ботеовой и Т. Жучковой). № 12, стр. 19.

Леонидова Б. Как тебя зовут? № 5, стр. 23; Папа, мама, детский сад и Сережа. (Ответ на письмо В. Афанасьевой). № 10, стр. 18.

Макарина Т. Замедлите шаг. № 7, стр. 18.

Милева Н. Клубок. № 11, стр. 19.

Оглянься во гнев... (Обзор писем). № 1, стр. 18.

О красавицах, всадниках и родительском комитете. (Ответ на письмо А. Леонидовой). № 8, стр. 27.

Очень личная тема. (Ответ на письмо Ю. П.). № 7, стр. 18.

Павлов Н. Бабушка. № 6, стр. 14.

Панченко В. Крайностей можно избегать. № 5, стр. 22.

Печерина-Черевань Н. Хочу домой. № 1, стр. 38.

Почему Таня не справляется? (С редакционными комментариями). № 3, стр. 21.

Рыбанов Л. Отцовское спасибо. № 7, стр. 19.

Свиридовы. Турник дома. № 11, стр. 17.

Своими словами. (С редакционными комментариями). № 3, стр. 20.

Семенова А. Непослушные ноги. № 5, стр. 22.

Сидорова Н. Даже если новая семья. № 1, стр. 38.

Спентор И. На них все горит. (Ответ на письмо Н. Федотовой). № 9, стр. 13.

Станкина С. А помнишь... № 3, стр. 20.

Старинова Н. Будьте счастливы! № 6, стр. 15.

Товстоле Л. Кто гладит сыну брюки? № 8, стр. 26.

Фадеева Г. В основном бору. № 12, стр. 18.

Федоров С. Подумаешь, рублы № 9, стр. 12.

Хочу стать цветоводом! (Ответ на письмо Л. Кочергиной). № 6, стр. 14.

Шварц Д. Буквы приходят в гости. № 7, стр. 18.

Шкарупа Л. Прямо на берегу. № 6, стр. 16.

НАУКА И ВОСПИТАНИЕ

Бестужев-Лада И. Заглядывая в будущее... № 4, стр. 39.

Герасимов Г. Демографическое путешествие. № 7, стр. 42.

Детство замечательных людей. (Из записей заслуженного учителя школы РСФСР С. А. Гуревича). № 6, стр. 36—41; № 7, стр. 47; № 10, стр. 39.

Кондратов А. Подводная археология. № 9, стр. 38.

Мом И. Возраст и общество. № 6, стр. 18; № 7, стр. 34.

Константиновский М. Во сне или наяву? № 8, стр. 17; Днем или ночью? № 10, стр. 24.

Леонтьев А. Лингвистика XXI века. № 8, стр. 48; Лингвисты слушают малышей. № 9, стр. 22.

Марнушевич А. Реальность и обзоры техники в обучении. № 3, стр. 12.

Неймарк М. Я — для кого? № 9, стр. 14; № 10, стр. 14.

Представляем: «Квант». № 3, стр. 31.

Современные дети. (А. Н. Леонтьев, А. Г. Хрипкова, Н. С. Ковалев, А. И. Марнушевич, А. В. Запорожец, В. Н. Колбановский). № 1, стр. 4, 15, 23, 29, 34, 39.

Холт Джон. Тирания тестов. (Предисловие старшего научного сотрудника Института общей и педагогической психологии АПН СССР К. Гуревича). № 7, стр. 38.

Чуднов В. О тишине и о детях. № 12, стр. 54.

ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Н. Х. Вессель. Об основных положениях педагогики. № 12, стр. 20.

А. И. Герцен. Мысли о воспитании. № 1, стр. 24.

Жан-Жак Руссо. Эмиль, или О воспитании. № 3, стр. 26.

Ян Амос Коменский. Великая дидактика: Об изгнании косности из школ. (С приложением очерка М. Шагинян

«Отец современной педагогики»). № 11, стр. 21.

Е. И. Конради. Несносные дети. (Предисловие кандидата педагогических наук Л. Гордина). № 9, стр. 24; № 10, стр. 20.

Н. И. Лобачевский. Речь о важнейших предметах воспитания. (Предисловие академика А. Д. Александрова). № 8, стр. 34.

Джон Локк. Мысли о воспитании. (Предисловие доктора педагогических наук М. Ф. Шабаевой). № 6, стр. 24.

Б. М. Теплов. Способность и одаренность. № 2, стр. 21.

К. Д. Ушинский. Родное слово. № 5, стр. 30.

ПУТЬ К ПРОФЕССИИ

Алпатов В. На подступах к науке. № 2, стр. 13.

Езерский С. Кем быть? Каким быть! № 6, стр. 2.

Колмогоров А. Увлечения, призвание, дело. № 2, стр. 13.

Левин В. Кем работать подростку? № 7, стр. 28.

Леонидова Б. Дамский мастер. № 6, стр. 34.

Миронова Д. Узнайте нас. № 7, стр. 29.

Павлов О. Требуется доказать. № 3, стр. 40.

Рыбанов В. Слагаемые выбора. № 5, стр. 27.

Смирнова Н. 40 000 дорог. № 4, стр. 35.

Черных Т. Любуйтесь цветами. № 1, стр. 22.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И ДЕТИ

Андреева Е., Моросникова М., Шлопан М. Много ли они знают? № 11, стр. 36.

Галочкина Г. А если бы его не было... № 8, стр. 14.

Глушкова Е. Найдите свою программу. № 7, стр. 26.

ПРИРОДА

Александров Б. Природа у нас дома. № 1, стр. 57.

Армад Д. О пользе животных. № 8, стр. 40.

Васильев П. Лес. № 12, стр. 36.

В заботах о русском лесу. № 4, стр. 46.

Гамаюнов И. Такая ребятня. № 7, стр. 16.

Гладков Н. Мать богатства. № 4, стр. 44.

Гончаров И. Чувство родины, чувство красоты. № 7, стр. 3.

Гржимек Бернгард. Австралийские этюды. № 11, стр. 45.

Даррелл Дж. Моя семья и другие звери. № 7, стр. 14.

Иорданский А. Вода. № 7, стр. 8.

Кайгородов Дм. Как вороны сад спасли; Василек. № 7, стр. 11; Синицы. № 10, стр. 31.

Ковинько Л. И любить, и знать. (Ответ на письмо В. Строй). № 11, стр. 42.

Любимов И. Земля. № 5, стр. 36.

Паустовский К. Спасибо от всего сердца; Пока не выпал снег. № 9, стр. 32.

Петрянов И. Воздух. № 6, стр. 36.

Седов Е. Мама, привези скальпелы! № 6, стр. 39.

Смолин П. Только в мае. № 5, стр. 39; В июне. № 6, стр. 40; В июле. № 7, стр. 5; В августе. № 8, стр. 44; В сентябре. № 9, стр. 34; В октябре. № 10, стр. 33; В ноябре. № 11, стр. 44; В декабре. № 12, стр. 39.

Шишкин И. Судьба оксана. № 10, стр. 28.

РАССКАЗЫ. СТИХИ. ПЕСНИ

Батлер Фрэнк. В каменном омуте. (Рассказ. Перевел с английского А. Кистяковский). № 6, стр. 42.

Бондарюк М. Светник гость. (Рассказ). № 7, стр. 45; В моей квартире... (Рассказ). № 10, стр. 36.

Гилберт Майкл. Знаток. (Рассказ. Перевод Л. Стефановой). № 9, стр. 44.

Емельянов В. Песенка. (Рассказ). № 3, стр. 36.

Кабо Л. Сладчайшее бремя наше. № 1, стр. 9.

Колыбельная. (Песня. Музыка Вл. Блона, слова А. Коваленкова). № 10, стр. 56.

Крестинский А. Тигр дурак. (Рассказ). № 1, стр. 50.

Лидин Вл. Берберийская львица. (Рассказ). № 11, стр. 38.

О комиссаре И. В. Зуеве. (Песня. Музыка В. П. Соловьева-Седова, слова Никиты Марунова). № 1, стр. 36.

Петрушевская Л. Два окошка. № 4, стр. 59.

Померанцев В. Встречи. № 6, стр. 30.

Ружевич Тадеуш. Ревность. (Перевел с польского В. Честной). № 11, стр. 31.

Сент-Энзюпери Симона де. Мой брат Антуан. (Перевод с французского Н. Галь). № 8, стр. 46.

Смирнова Т. Ключ. (Рассказ). № 1, стр. 33.

Халфина М. По закону. (Рассказ). № 5, стр. 40.

Цюрупя Э. Две половинки одного урока. № 1, стр. 6.

КНИГИ

Абрамов Л. Когда уроки сделаны... (О книге В. Доценко «Дети вне школы»). № 12, стр. 46.

Аксенова Е. Женщина с большой буквы. (О книге Эм. Миндлина «Не дом, но мир»). № 3, стр. 44; Миссионеры или организаторы? (О книге «...И ничем ты их больше не приманишь»). № 6, стр. 47; Добрый сеятель. (О книгах В. А. Сухомлинского «Сердце отдаю детям» и «Павлышская средняя школа»). № 7, стр. 48.

Амирджанова Н. Школа дошкольника. (О книгах Л. Левиной «А ваш ребенок готов к школе?» и Н. Завьяловой «Готовимся к школе»). № 6, стр. 45.

Аннинский Л. Землю — шагами. (О книге В. Вронского «Тропой Кулики»). № 3, стр. 45; На хорошей скорости. (О книге Ю. Хазанова «Укротители черепах»). № 4, стр. 50.

Антипова Г. Для читателей завтрашнего... (О книге Л. Беленькой «Ребенок и книга»). № 12, стр. 46.

А что в других журналах? № 1, стр. 47; № 2, стр. 38.

Бангерская Т. Человек и Родина. (О книге В. Пескова «Путешествие с молодым месяцем»). № 5, стр. 47.

Блинкина Евг. Поучительные судьбы. (О книге В. Амлинского «Среди людей»). № 11, стр. 51.

Веркуцкий Б. На щедрость — щедростью. (О книге В. Скалона «Беседы о природе»). № 8, стр. 53.

Гайнцева Э. Жизнь для науки. (О книге Л. Экономова «Страстный учитель»). № 8, стр. 52.

Гордин Л. Хотеть — значит стремиться. (О книге Т. Илатовской «Кем ты хочешь быть?»). № 7, стр. 51; И в шутку и всерьез. (О книге Э. Пархомовского «Отец и сын»). № 12, стр. 45.

Дмитриев А. Хорошая книга о хороших книгах. (О книге А. Ивча «Воспитание поколений»). № 8, стр. 52.

Иванова Л. Соратники. (О книге П. Игнатова «Записки партизана»). № 10, стр. 42; Свободная вакансия. (О книге С. Соловейчика «Час ученичества»). № 12, стр. 43.

Ивич А. Нужное «слово». («Слово о книге. Афоризмы. Изречения»). № 3, стр. 47.

Из зарубежных изданий. № 1, стр. 48; № 2, стр. 44.

Калугин В. Наследие древней Руси. (О книге Я. Бруна «Живое наследие»). № 12, стр. 48.

Каневская С. Школа дошкольника. (О книге Н. Гернет и В. Конашевича «Дети в школу собирайтесь!»). № 6, стр. 45.

Кострин К. Загадочный мир насекомых. (О книге П. Мариковского «Юному энтомологу»). № 8, стр. 53; Удивительный сад земли. (О книге С. Ивченко «Занимательно о ботанике»). № 11, стр. 52.

Кузьмина Э. Его скала, его твердыня. (О книге Сиды Чаплина «Соглядатай и поднадзорные»). № 7, стр. 49.

Лазарев Л. «Братства людского гранит». (О книге Эйжена Вевериса «Сажайте розы в проклятую землю»). № 6, стр. 48.

Лукьянов А. Торопитесь отгадывать! (О книге Л. Успенского «Загадки топонимии»). № 12, стр. 47.

Любимов И. Плутон находит работу. (О книге И. Шишкина «Из глубины пылающих недр»). № 6, стр. 52.

Морозов А. Латынь, не вышедшая из моды. (О книге Н. Овруцкого «Крылатые латинские выражения в литературе»). № 10, стр. 47; Наедине с Пушкиным. (О книге А. С. Пушкин. Сто стихотворений и десять писем»). № 11, стр. 50.

Недавно выпущено... № 1, стр. 46; № 2, стр. 38; № 3, стр. 47; № 4, стр. 51; № 5, стр. 52; № 6, стр. 52; № 7, стр. 52; № 8, стр. 54; № 9, стр. 51; № 10, стр. 48; № 11, стр. 53; № 12, стр. 48.

Орлова Р. Маленькая женщина и большая война. (О жизни и творчестве Гарриет Бичер Стюи). № 2, стр. 39.

Осницкий А. Малыши в стране Евклида. (О книге В. Житомирского, Л. Шеврина «Геометрия для малышей»). № 11, стр. 49.

Пантелеев Л. Образ поэта. (О книге С. Алянского «Встречи с Александром Блоком»). № 6, стр. 46; «Эта война, вот и всё...» (Об альбоме «Рисуют дети блокады»). № 9, стр. 49.

Патынская Г. О книге И. Губермана «Чудеса и трагедии черного ящика». № 1, стр. 46; Воспитай себя. (О книге А. Гербер «Один на один»). № 11, стр. 53.

Рассадин Ст. Душа обязана трудиться. № 1, стр. 40.

Родителям и педагогам. Подборка книг. № 9, стр. 51.

Рыбанов В. Есть ли на свете педагогика? (О книге А. П. Трофимова «Семья и дети»). № 1, стр. 43.

Сандалова Э. Небо войны. (О книге Н. Кравцовой «От заката до рассвета»). № 3, стр. 45.

Сатуновский Я. Смешное слово. (О книге И. Токмаковой «Где спит рыбка?»). № 12, стр. 47.

Сивоконы С. Маленькие путешествия. (О книге Г. Снегирева «В разных краях»). № 4, стр. 51; Ключ к богатствам. (О книге И. Я. Линковой «Дети и книги»). № 9, стр. 48; Кем земля держится. (О книге В. Астафьева «Дядя Кузя, курный начальник»). № 11, стр. 48.

Смелков Ю. Не рецепты, но принципы. (О книге В. Леви «Я и мы»). № 9, стр. 50.

Турнов А. «Какое оно, море?» (О творчестве Н. Дубова). № 5, стр. 49.

Халатов Н. 10:0 в вашу пользу. № 2, стр. 32.

Челышев Б. Лицом к своему детству. (К 100-летию со дня рождения А. И. Куприна). № 9, стр. 42.

Читательские курсы: **Гуревич С.** № 4, стр. 42; № 3, стр. 48; **Светланова М.** Как обнять необъятное? № 2, стр. 42; **Орлова Р.** Особенно близкая. № 3, стр. 48; **Лоцманы** книжного моря.

№ 9, стр. 52; **Гребенникова Л.** По одежке встречают... № 10, стр. 40.

Шатчин В. Похвала мудрости. (О книге Эразма Роттердамского «Разговоры за просто»). № 6, стр. 49.

Шла война... (Обзор книг: Н. Коротева «Золотая слава»; П. Иванов, С. Флигельман «Ярче легенды»; Е. Федоровский «Асы начинают войну»; «Поэзия военного поколения»). № 5, стр. 46.

Шулеши Е. От рекомендаций — к размышлению. (О книге К. Бардина «Как научить детей учиться»). № 8, стр. 51; Секреты и возможности технической игрушки. (О книге Н. Линьковой «Игры, игрушки и воспитание способностей»). № 10, стр. 46.

Щербанов В. Генетика для начинающих. (О книге Ш. Ауэрбаха «Наследственность»). № 6, стр. 50.

КИНО. ТЕАТР. РАДИО. ТЕЛЕВИДЕНИЕ. ДИАФИЛЬМЫ. МУЗЫКА. ЖИВОПИСЬ

Андрушевский В. На спектакле и после спектакля. № 2, стр. 45; И чувство и мысль. № 6, стр. 53.

Аннинский Л. Без сантиментов. № 12, стр. 49.

Белая Л. Праздник умной сказки. № 4, стр. 56.

Гербер А. Обдумывающие житье. № 3, стр. 50.

Диминина Л. Право быть ребенком. (О кинофильме «Право быть ребенком»). № 2, стр. 51; Остается прекрасное. № 3, стр. 52; Трудный день тренера. (О кинофильме «Тренер»). № 4, стр. 52.

Жбанов Е. Из тихого омута. (О кинофильме «Обвиняются в убийстве»). № 10, стр. 52.

Зайцева Е. Слушая Глинку. № 6, стр. 55; Творчество, излившееся в жизнь. № 7, стр. 52; Добрый гений Гайдн. № 8, стр. 54; Моцарт. № 9, стр. 54; Как пели в старину. № 10, стр. 48; Иоганн Себастьян Бах. № 11, стр. 53; Людвиг ван Бетховен. № 12, стр. 52.

Злотов В., Каспэ Н. О наших братьях меньших. № 2, стр. 53.

Идут съемки. № 3, стр. 51.

История одной картины: **Рольник И.** Эдуард Калнынь и Эдгар Илтнер. № 1, стр. 49; **Осипова Л.** По мандату времени. (А. Дейнека). № 2, стр. 49; Человек. Народ. Мир. (М. Сарьян). № 3; «Идущий сим новым путем...» (А. Венецианов). № 5; Сквозь толщу столетий. (Рембрандт). № 6; «Сквозь жар души, сквозз хлад ума...» (В. Серов). № 7; Воскрешение жанра. (Е. Чепцов). № 8; Она! (Рафаэль). № 9; Высокое искусство. (И. Аргунов). № 10; Распахнутое окно. (Б. Кустодиев). № 11 (всюду стр. 64); **Алексеев В.** Жил в России художник. (Г. Сорока). № 12, стр. 64.

Кабалевский Дм. Искусство — метод воспитания. № 11, стр. 9.

Кабо Л. Была на земле деревня... № 5, стр. 54; Здравствуй, друг наш экран! № 10, стр. 50.

Кладо Н. Открывается кино клуб. № 2, стр. 50; Комсомольск продолжается! № 4, стр. 53.

Константиновский М. КОАП. «Репортаж о событиях невероятных». № 3, стр. 54; № 5, стр. 56; № 6, стр. 57.

Левшина И. «За» и «против». № 11, стр. 55.

Печуров С. Волшебный фонарь. № 5, стр. 52; «Смешинка». № 8, стр. 56.

Пунатов Г. Познавательные — «знания». № 9, стр. 56.

Сивоконы С. Полчаса с Корнеем Чуковским. (О кинофильме «Чукоккала»). № 2, стр. 55.

Снимается фильм... № 9, стр. 54.

Стефанова Л. Уроки доброго учителя. № 3, стр. 58.

Танаев Н. Пути к музыке. № 11, стр. 12.

Тренина Е. Самый обыкновенный. № 11, стр. 15.

Трусова Т. Чувства добрые. № 4, стр. 55.

Хентова С. Русской песни мастер. № 1, стр. 35.

ДОСУГ СЕМЬИ. ЗАНЯТИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ. БЫТ

Барский Ю. На 64 клетках. № 1, стр. 53; № 3, стр. 59; № 5, стр. 62; № 7, стр. 62; № 9, стр. 61; № 11, стр. 61; Раз, два — и в дамки! № 2, стр. 62; № 4, стр. 64; № 6, стр. 61; № 8, стр. 61; № 10, стр. 63; № 12, стр. 60.

Вот какие тележки. № 12, стр. 59.

Гельфан Е. Овладеваем вниманием. № 7, стр. 59; Развиваем память. № 8, стр. 63;

Глязер С. «Снежинка» (Спортивный клуб читателей). № 1, стр. 54; № 2, стр. 56; № 3, стр. 62; Бадминтон. № 5, стр. 63; Игры и забавы на воде. № 6, стр. 62; Народные игры. № 7, стр. 60; Игры во дворе. № 8, стр. 62; Атракционы во дворе. № 9, стр. 60; Стадион на столе. № 10, стр. 62; На лыжах и санях. № 12, стр. 56.

Как одеваться: **Тагирова О.** Он просит клеш: **Маливанова И.** Стоит ли воевать? **Дерябина Р.** Клетка. № 8, стр. 57, 58.

Князев С. Свидетели из детской. № 8, стр. 60.

Лямин И. Лесные трофеи. № 5, стр. 60; Театр кукол. № 11, стр. 62. Осторожно с ёлкой! № 12, стр. 58. Подумай! № 1, стр. 61.

Поиграйте с малышами. (В ведении рубрики участвовали Е. Карганова, Н. Карпинская, В. Рождественская, С. Файнштейн). № 1, стр. 58; № 2, стр. 60; № 3, стр. 60; № 9, стр. 58; № 10, 4-я страница обложки; № 11, стр. 58.

Сделай сам: **Морозов И.** Калейдоскоп. № 1, стр. 56; **Бовыкина Т.** Карусель. № 1, стр. 57; **Лямин И.** Это все из проволоки. № 2, стр. 58; **Лямина А.** Подели из гипса. № 9, стр. 62.

Страшнов В. Интерьер. № 10, стр. 60.

Шатчин В. Погрешность Юпитера. № 7, стр. 58; Игрушки, потешки, бадьюшки. № 9, стр. 57; Пандора в картонке из Парижа. № 10, стр. 55; Гостинец от «Троице-Сергия». № 11, стр. 60; В чулке у камина. № 12, стр. 58.

Шейте сами: **Волевич Г.** Пальто для мальчика № 1, стр. 62; Брюки. № 2, стр. 63.

Зидельс Л. «Икар-7Е» — заводная мышка. № 12, стр. 59.

Юным химикам. № 10, стр. 59.

Яновлев В. Не забывайте о скакалке. № 4, стр. 62.

В оформлении журнала в 1970 году принимали участие художники, фото-корреспонденты и фотолюбители: **АРИСТАКЕСОВА С., БЕЛОКОНЕНКО И., БЕЛОУСОВ М., ВОЛОХОВ С., ВОСТРИКОВ В., ВУТОВ А., ДЕРЯБИНА Р., ДОЛУДА В., ЕРОХИН Н., ЗВЯТКОВСКОЙ Р., КАЛИНОВСКИЙ Г., КОЛЕСНИКОВ А., КОЛЮШЕВ Ю., КОМАРОВ П., МАКСИМЕНКО В., МАКСИМОВ А., МЕТЕЛИЦА Я., МОЛОДЧЕНКО А., МОСКВИН Б., НЕПИЮЩИЙ Г., ОРЛОВ А., ПОЛУНИН В., РОМАНОВ В., РУБАН В., СВИРИДОВА Н., СОКОЛОВА Е., СОРОКИН В., ТАПОВА А., ТОЛСТОНОГОВ В., ТРУСЕВИЧ Ю., ЦЫПИН И., ЧИРКОВ Н., ЯНОВ В.**

история одной картины ЖИЛ В РОССИИ ХУДОЖНИК

Живописец Григория Сороки (1828—1864) никогда не была достоянием широкого круга ценителей. Малоизвестна она и сейчас. В истории русской живописи имя Сороки упоминается исключительно в контексте «венециановской школы». Художники этой школы талантливые, но все-таки второстепенные — целиком в тени своего гениального учителя. Не то — Сорока.

Сорока преимущественно пейзажист, но пейзажист очень своеобразный. Немудрящие архитектурные постройки в имени своего барина Сорока пишет так, словно перед ним античные руины, освещенные веками благоговейного поклонения.

Мы совершенно не замечаем здесь примет жестокой и уродливой действительности, которая, искалечив жизнь художника, наконец погубила его. И контраст этот так резок и впечатляющ, что, смотря на золотые небеса и райские нущи, не имеющие аналога в реальном мире, невольно вспоминаешь строки Пушкина.

Кто на снегах возматил Феокритовы нежные розы? В веке железном, снажи, что золотой угадал?

Вот нужные слова: «золотой век» — идеальный прообраз мира, где люди живут в согласии друг с другом и все вместе в согласии с природой. Изображение «золотого века» создало богатую традицию в европейской живописи. Об одной из вершин этой традиции, о живописи французского пейзажиста Клода Лоррена, много думал и писал Достоевский. Помните «Подросток»? Версиков рассказывает своему сыну: «Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и роднились с людьми... О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и веселыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и простодушную радость. Солнце обливало их телом и светом, радуясь на своих прекрасных детей... Золотой век — мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже и умереть!»

Однако идеалистический пейзаж «золотого века» не исчерпывает всей живописи Сороки. И, что еще важнее, облик художника-реплики не исчерпывает его человеческого облика. Мы воспроизводим здесь интервью «Кабинет в Островках» — эта вещь дает возможность сказать о немногих известных обстоятельствах жизни художника.

«Островки» — это имение Н. П. Милюнова, которому «принадлежал» крепостной Сорока с «Островками» связана вся жизнь художника. Сорока юношей он был взят из деревни Милюновым, сумевшим распознать в нем дарование. Отсюда он уехал учиться в «Сафоновку», к Венецианову, и сюда же вернулся снова: «ярем барщины старинной» дожидаясь его. В «Автопортрете» этого времени Сорока изобразил себя беднотливым юношей с отрешенным взглядом красивых глаз — в этом образе видится что-то неуловимо общее с представлением о молодом ро-

мантическом поэте, далеким от мира сего. И вместе с тем незаурядная сила характера чувствуется в этом человеке: железная воля, заключенная в хрупкую оболочку.

Вспомнившего в это лицо становится ясно, что такому человеку дорого давалось, должно быть, постоянный разрыв между небесной гармонией его искусства и мертвым ужасом крепостного существования. Немногочисленные сведения, дошедшие до нас, подтверждают это. Еще до отъезда к Венецианову Сорока сорвался, не выдержал и в чем-то провинился перед Милюновым. Об этом инциденте Венецианов пронзительно писал Милюнову: «Не предсказывал ли я вам, или, лучше сказать, опасениями моими не остерегал ли я вас от того, что случилось с вашим Григорием. Он не виноват, а вы виноваты — вы ему дали направление, а потом остановили, вы ему дали почувствовать удовольствие внутреннее, тронули его душу из силепа положительного и остановили...»

Любопытна здесь позиция Милюнова. Его, по-видимому, терзала раздвоенность между понятиями просвещенного мецената и глубоко внутри запятанным сознанием своей власти над «Гришкой». То кнут, то пряник попеременно употреблял Милюнов. То отпустил Сороку к Венецианову, то заставлял заниматься ненавистным художнику садоводством. Разумеется, Милюнова несказанно раздражал тот факт, что безродный Венецианов как бы посягает на его право безраздельной власти над «холопом» — учит, наставляет. «Вы можете, — писал Венецианов Милюнову, — Григорию позволить написать у вас какую-нибудь внутренность — отнюдь не комнат ваших, а то, что он по своему инстинкту найдет для себя привлекательным...» И не в пику ли Венецианову велел Милюнов Сороке принести мольберт и краски именно в «свою комнату» — кабинет и изобразить со всей старательностью и предметами обстановки, и читающего мальчика, с книгой на коленях, и письменные принадлежности на столе.

Впрочем, это только гипотеза. Так или иначе обстояло дело с «Кабинетом в «Озерках» — оно не меняет основного факта обостренного конфликтных отношений «холопа» со своим помещиком. Оночательное (и трагическое) разрешение этот конфликт получил после крестьянской реформы 1861 года, когда уже свободный Сорока оставил «Озерки», поселился в родной деревне Покровское и мог, казалось, всецело отдаться живописи. Однако что-то уже надломилось в нем. Единственный понимавший его человек, Венецианов, умер. Сорока, всю жизнь не расстававшийся с кистью, все-таки не был профессионалом, и будущее страшило его. Он был устал и болен. Уже не было сил начинать новую жизнь.

Вот хроника его последних дней: «Защищая права крестьян на землю, Сорока составил жалобу на Милюнова и отправил ее Александру II. Письмо это было вскоре возвращено в Тверь, и «за сделанные грубости и ложные слухи в волости» Сороке присудили трехдневный арест и телесное наказание. В официальных документах сообщается, что художник «затосковал», «ходил задумавшись по деревне». Мысль о предстоящем унижительном наказании привела его к самоубийству».

Так погиб этот художник, убитый классической для многих художников ситуацией непримиримости «поэзии и действительности» (Гёте). Трагедия Сороки шире его личной трагедии: крепостное состояние художника создало непреодолеваемый разрыв между ним и живой жизнью.

Мы уже говорили вначале, что имя и творчество Григория Сороки никогда не были популярны. Но все-таки очень важно и нужно знать, что был в России такой художник, тосковавший по справедливости и гармонии, по «золотому веку», то есть по жизни, достойной человека и мира, в котором он живет.

В. АЛЕКСЕЕВ

Главный редактор Л. М. ИВАНОВА

Редакционная коллегия: М. В. ГОГОЛЕВА, В. В. ДАВЫДОВ, М. В. ЖИЛИНСКАЯ, О. М. ИВАНОВА, И. И. КАРПЕЦ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, И. П. РУДЕНКО, В. А. РЫБАКОВ, Э. С. СОКОЛОВА, А. Г. ХРИПОВА, О. Э. ЧКАЛОВА.

Оформление номера Юрия Колюшева
Художественно-технический редактор Т. Мухина

Рукописи и фотоснимки не возвращаются.
Литературных консультаций редакция не дает.

Издательство «Педагогика»
Академии педагогических наук СССР
и Комитета по печати
при Совете Министров СССР

Адрес редакции:
Москва, Г-117, Погодинская улица, 8
Телефоны редакции: 245-23-69, 245-03-73, 245-12-14

Подписано к печати 9 ноября 1970 года А03834

Тираж 1 450 000 (1—600 000) экземпляров

Заказ 1394, Бумага 84×108¹/₁₆

Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42). Уч.-изд. л. 11,06

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладыш отпечатаны в Ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская, 11.

*Зима —
ребячья
пора*

*Зима —
ребячья
пора*

